

Словесно-исторические
научные чтения им. Т. Н. Щипковой

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
ИСТОРИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
И ЦЕННОСТИ**

Сборник научных статей

РУССКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ШКОЛА

**СЛОВЕСНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ИМ. Т. Н. ЩИПКОВОЙ**

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
ИСТОРИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
И ЦЕННОСТИ**

Сборник научных статей

Москва
Русская экспертная школа
2020

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
*Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)*

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Артеменков М. Н.

Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей
в истории Смоленского государственного университета 5

Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский

Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой 7

Щипков А. В.

Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой
в контексте религиозной жизни в СССР 8

Аристархов В. В.

О концепции культурно-образовательной политики 17

Щипкова Л. В.

Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики 20

Каиль М. В.

Отцы-основатели и рождение «советского университета»
в Смоленске 27

Перевезенцев С. В.

Историческое сознание: опыт типологизации 32

Козлов Ю. В.

Литературный процесс и евангельские тексты 46

Щипков В. А.

Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке 51

Ковалёва В. С.

Традиции и сегодняшний день филологического факультета
СГПИ — СГПУ — СмолГУ 55

Гронский А. Д.

«Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе 59

Власова Ю. Н.

Из истории кафедры французского языка СмолГУ 69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенко А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеенков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ В ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Дорогие друзья!

Уважаемые участники Словесно-исторических научных чтений, приуроченных к 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой!

Рад приветствовать Вас в Смоленском государственном университете, в стенах которого трудилось много заметных личностей, глубоких учёных и талантливых педагогов, людей с яркой гражданской позицией и чётким нравственным и ценностным профилем.

За более чем 100 лет с момента образования университета минуло много событий и даже эпох, реформ и преобразований, то возвышающих университетскую корпорацию, то будто бросающих её на произвол.

В каждую из эпох были свои трудности, свои ситуации нравственного выбора. Самым трагическим событием из всех минувших, пожалуй, стала Великая Отечественная война, испепелившая корпуса и здания, но, главное, людей. Из довоенного поколения преподавателей в университет вернулось лишь несколько человек. К началу 1950-х к ним присоединились несколько студентов-фронтовиков, завершивших образование уже после войны. Положение было столь серьёзным и плачевным, что шефом послевоенного СГПИ, лишившегося и своей уникальной библиотеки (большая её часть была вывезена оккупантами), и всей лабораторной базы, стал Московский университет, о чём мы вспоминаем, встречаясь ежегодно в июне под Ельней с академиком, ректором Виктором Антоновичем Садовничим, чтущим память ополченцев МГУ, в большинстве своём погибших в Вяземском котле и под Ельней.

Удар войны смёл целое поколение, и потребовались годы и годы, чтобы университет вновь «встал на крыло». Помог новый кадровый призыв, по которому в тогдашний пединститут из разных городов и весей потянулись молодые люди, аспиранты и начинающие преподаватели, которые уже в скором времени составили славу СГПИ и теперешнего СмолГУ. В их числе были филолог франкофонного мира про-

фессор Эда Моисеевна Береговская и её супруг литературовед Вадим Соломонович Баевский, видные математики, историки того уникального послевоенного поколения, создавшие свою интеллектуальную среду. Среди университетских новобранцев начала 1960-х была и Татьяна Николаевна Щипкова.

С одним отличием. В её жизни не было защиты докторской диссертации, череды аспирантов, продолжающих изыскания своего Учителя. Напротив, были обыски, несправедливый суд и более чем трёхлетнее заключение, подорвавшее её здоровье и разрушившее её университетскую карьеру.

Истинная причина произошедшего — вера Татьяны Николаевны. Открытая и искренняя, которую, вопреки негласным законам той поры, она не считала возможным и необходимым скрывать, но, напротив, выступала как миссионер, что было воспринято как выпад против системы. Сегодня справедливость восстановлена. Государство официально признало решение суда 1980 года неосновательным.

Но жизнь прожита, и поколение Татьяны Николаевны, которой 7 февраля 2020 года исполнилось бы 90 лет, ушло. Ушло поколение, ушли и государственные порядки советской застойной эпохи. Но память о том времени жива. Сохранению этой памяти и призваны помочь словесно-исторические чтения, которые сегодня мы открываем и проводим в нынешнем Смоленском государственном университете, в новых интерьерах, которые не были свидетелями болезненных и сложных 1970–1980-х годов.

В работе чтений сегодня принимают участие филологи и обществоведы из Москвы, Смоленска, нескольких академических центров современной Беларуси. Здесь коллеги и друзья большой семьи Щипковых, для которой теперешний университет стал соратником и другом.

Пусть сегодняшние чтения станут не только должной данью памяти Татьяны Николаевны Щипковой и её поколения, но послужат осмыслению опыта российского образования, университетского мира, его научных и педагогических школ, и, конечно, личностей, которые олицетворяют и расцвечивают, оживляют любую эпоху.

Будем помнить и стремиться к развитию. Искренне благодарю всех участников чтений и желаю успешной и вдохновенной работы!

Исидор
митрополит Смоленский и Дорогобужский

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО. КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЩИПКОВОЙ

Дорогие друзья, многоуважаемые участники словесно-исторических чтений!

Отрадно, что конференция памяти Татьяны Николаевны Щипковой собрала нас здесь, в одном из ведущих вузов Смоленского региона, недавно отметившем своё столетие. То, что мы сегодня вспоминаем Татьяну Николаевну, очень важно, потому что не только известные основатели университетов вносят значимый вклад в науку и образование, но и такие будто бы незаметные скромные люди, которые на самом деле столь сильны духом, что могут называться героями нашего времени.

Начало конференции с поминального богослужения, в котором многие из вас приняли участие, — очень хороший знак того, что происходит в новейшей истории нашего университета. Искренне благодарю ректора за то, что эта конференция проводится на площадке Смоленского государственного университета.

Убеждён, что встречи, подобные сегодняшней, вносят значительный вклад в сохранение памяти о тех людях, которые трудились на благо нашего Отечества и одновременно в сердце своём пронесли горячую, искреннюю веру в Бога. Светлая память уважаемой Татьяне Николаевне.

А. В. Щипков

*доктор политических наук, заместитель Главы
Всемирного русского народного собора, профессор
философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Т. Н. ЩИПКОВОЙ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В СССР

Мне хотелось бы начать наше собрание со слов признательности всем, кто сегодня собрался в Смоленском государственном университете на Словесно-исторические научные чтения, приуроченные к 90-летию со дня рождения моей матери — Татьяны Николаевны Щипковой. Благодарю студентов, профессорско-преподавательскую корпорацию университета, ректора университета Михаила Николаевича Артёменкова. Сердечно благодарю владыку митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора за молитвенную память и литию, которую он совершил перед началом Чтений возле мемориальной доски Татьяне Щипковой, которая установлена на фасаде главного здания университета.

Научные чтения, которые мы сегодня проводим, посвящены её 90-летию. Сегодня будут звучать самые разные доклады. Преимущество нашего мероприятия заключается в том, что мы пригласили одновременно и филологов, и историков, что нашло отражение в названии наших Чтений: «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности».

История — это наше прошлое, образование — наше будущее. Без истории и образования мы не можем говорить о российском суверенитете — теме, которой уделяют много внимания как политики, так и учёные. Когда мы говорим о суверенитете России, мы должны понимать, что одна из главных её составляющих — гуманитарная сфера. Гуманитарное образование сейчас находится в переломном моменте и нуждается в нашем внимании. Поэтому мы решили дать нашей конференции именно такое название.

В этом зале присутствуют лишь несколько человек, лично знавших Татьяну Николаевну. Мало кто из молодых людей имеет представление о её личности и той роли, которую она сыграла в воспитании нескольких поколений выпускников Смоленского университета. Мне хотелось бы в своём выступлении составить её краткий интеллектуальный и нравственный портрет.

Татьяна Щипкова родилась 7 февраля 1930 года на Алтае. В семье сохранились мемуары одного из её дядёв, где он рассказывает, как холодной февральской ночью он на лошади привёз священника тайно крестить двух малышей — мою маму и её сестру-близнеца, которая вскоре скончалась от болезни. В СССР в это время был разгар антирелигиозной борьбы. Поскольку это была семья священника, было принято решение переехать в Ленинград, большой город, где проще затеряться и уберечься от репрессий. Но, к сожалению, от репрессий уйти не удалось. Сначала арестовали мамину бабушку, затем её дядю, затем деда... Бабушка сидела на Соловках и чудом осталась жива.

Прошли 1930-е годы, наступил 1941 год. Во время блокады Татьяна Щипкова потеряла родителей, но родственникам удалось спасти её саму — её вывезли из блокадного города. Всю жизнь она вспоминала это бегство из блокадного Ленинграда, детдом, вспоминала, как два пароходика перевозили их детский дом через Волгу где-то в районе Иванова, как их бомбили немецкий самолеты. Бомбили долго, точно, хотя видели, что палубы наполнены детьми. Пароходик, на котором находилась мама, остался цел, а второй пароходик был разбомблен. Разорванные окровавленные детские тела уходили под воду. Маме было одиннадцать лет.

Вспоминаю 1974 год, смоленское землетрясение, небольшое, но заметное. Люди в панике выскакивают из домов, мы тоже отходим от нашего дома на улице Кирова. Соседка говорит: «отойдём подальше, ведь дом сейчас упадёт на бок». И мама, которая видела, как обрушиваются дома при бомбёжках, печально отвечает ей: «Дома не падают на бок, дома падают сами на себя, превращаясь в могильный холм».

Страшный опыт войны не передать словами, он не уходит, он постоянно живёт где-то внутри человека. А потом закончилась блокада, мама вернулась в Ленинград. Она рассказывала мне, как носила хлеб пленным немцам, которые восстанавливали здания на Литейном проспекте. Спрашиваю её: «Как же ты носила им хлеб, ведь они же убили твою маму, они пытались убить тебя»... Молчала в ответ. В этом — вечная русская жалость к арестантам. Владимирский тракт, кандалный звон, тюрьма да сума. Любой заключённый вызывает у русского человека непроизвольную жалость.

Татьяну Щипкову воспитывала бабушка в маленькой комнате в коммунальной квартире, в которой всегда горела лампада. Каким-то непостижимым образом бабушка сумела вложить в Таню нормы этического поведения, основанные на Евангелии. В 1948 году Татьяна Щипкова поступает в Ленинградский университет на филологический факультет, сдаёт экзамен по русской литературе. Экзаменатор — безногий фронтовик с костылём. Она достаёт билет с вопросами по «Ев-

гению Онегину». Он смотрит на неё и говорит: «Я понимаю, вы знаете “Онегина” целиком, я же по глазам вижу. А что ещё написано онегинской строфой?». И мама начинает не спеша декламировать: «Тамбов на карте генеральной кружкой означен не всегда; Он прежде город был опальный, теперь же, право, хоть куда». Заканчивает первую строфу, набирает дыхания. Фронтовик перебивает и подхватывает вторую строфу: «Но скука, скука, Боже правый, Гостит и там, как над Невой, Поит вас пресною отравой, Ласкает черствою рукой». Таня читает третью строфу. Он — четвёртую. В аудитории стоит гробовая тишина, абитуриенты не понимают, что происходит. Так они вместе прочитали наизусть все 53 строфы «Тамбовской казначейши» и преподаватель сказал: «Пять».

Мама была абсолютно книжным человеком. На большинстве сохранившихся фотографий мы её видим с книжкой в руках.

После войны в Ленинградском университете не было центрального отопления. Приходилось сидеть одетыми, в пальто. На романо-германском отделении профессор Елизавета Артуровна Реферовская читает лекцию о поздней латыни. Позже мама станет её любимой ученицей. Сидят в маленькой аудитории, за круглым столом. Десять студентов и профессор. Хлопает дверь, истопник заходит, бурчит нечто вроде «здрассте» и с грохотом вываливает на пол дрова, затапливает печь. К концу занятия становится тепло...

Так складывалась жизнь юной Тани Щипковой: из блокады, из сиrotства, из поэзии, латыни и обледенелых берёзовых дров, горой сваленных во дворе филфака Ленинградского университета.

Один из её учителей, академик Владимир Фёдорович Шишмарёв, занимался изучением романских языков народов, живущих на территории СССР, в первую очередь Молдавии. Я думаю, мама не случайно выбрала Молдавию. Её распределили в Кишинёв как лучшую ученицу, и она приехала в строительный техникум преподавать французский и русский языки. Сняла угол в большой еврейской семье, погрузившись в шумный еврейский быт, о котором много и весело вспоминала годы спустя. Говорили на идише. На второй день мама подошла к хозяйке и честно предупредила: «Извините, пожалуйста, но я понимаю, о чём вы говорите». Идиш, как известно, принадлежит германской языковой группе, а мама прекрасно знала немецкий. Хозяева, простые необразованные люди, были в полном недоумении — откуда эта русская девочка знает идиш?

Но Татьяне Щипковой захотелось ближе познакомиться с молдавским языком и с народом. Она пришла в республиканское министерство просвещения и попросила перевести её в сельскую школу. Её дол-

го отговаривали, объясняли, что уезжать из столицы в село неразумно, что у неё есть прекрасная перспектива через несколько лет устроиться в Кишинёвский университет. Но уступили. Вольному воля.

Татьяна приезжает в село Кицканы Теленешского района. Ходит по селу, ищет, где снять комнату. В сёлах молдаване в ту пору по-русски практически не говорили, приходилось объясняться жестами. Заходит в дом, объясняется знаками с крестьянкой, та понимает, о чём идёт речь, и говорит: «Camera este liber» (Комната свободна). Мама пришла в восторг — с ней говорят практически на латыни. Она влюбилась в этот язык и через год разговаривала на нём так, что никто не верил ей, что она русская, а не молдаванка.

В 1957 году профессор Елизавета Артуровна Реферовская убедила Татьяну вернуться из Молдавии в Ленинград, поступить в аспирантуру Института языкознания АН СССР и заняться научной работой. В качестве темы научного исследования Татьяна выбрала историю румынского языка и сравнительную грамматику.

В 1961 году в Институт языкознания приезжают «купцы» — представители Смоленского пединститута — и начинают её уговаривать переехать в Смоленск. Это была эпоха послевоенного восстановления института. Довоенный профессорско-преподавательский состав унесла война. И тогда было принято решение набрать молодёжь из столичных университетов. Это был период хрущёвской безработицы, экономического кризиса, финансовой реформы. Многие согласились переехать в провинцию из Москвы, Ленинграда, Кишинёва и Киева. В результате возраст более половины преподавателей не превышал 35 лет. Это был очень молодой по составу вуз, отличавшийся культурно-политическими настроениями, свойственными столичным городам.

Так Татьяна Щипкова оказалась в Смоленске. Это было феерическое время. Вся эта преподавательская молодёжь в то время не имела квартир и жила в общежитии на улице Дзержинского в доме 23/1. В здании ровно 101 комната. Это я хорошо помню. Студенты занимали цокольный и первый этажи, преподаватели — второй и третий. Математики, художники, гуманитарии, естественники общались и дружили семьями. Это была эпоха невероятного творческого подъёма. Время хрущёвской оттепели. В каждой комнате висели портреты Гагарина, Хемингуэя и Че Гевары. Кубинская революция переплеталась с лирикой Окуджавы на магнитофонных плёнках. Довольно бурная молодая жизнь. Татьяна жила в комнате номер 50. За окном открывался вид на бесконечные смоленские просторы. Баевские-Береговские приехали из Киева немного позже и поселились в соседней 49-й комнате. Три удара в стену означали приглашение на чай. Ночные чаепития и бесконечные

разговоры о филологии, студентах, преподавании. Вадим Соломонович не выдерживал и уходил спать, а мама с Эдой Моисеевной обычно засиживались допоздна.

А рядом текла и другая жизнь. Начинались хрущёвские антирелигиозные гонения. Десятками разрушались храмы, верующие шли этапами на зоны. Одна молодая преподавательница была уволена из института за то, что крестила ребенка. Мама объясняла мне, что это несправедливо. Ведь и её могли бы уволить, если бы узнали, что она меня тоже крестила...

Смоленск — это особая территория, здесь проходила черта оседлости. Здесь никогда не было антисемитизма. Евреи из Одессы, Кишинёва, Киева приезжали сюда потому, что здесь была возможность преподавать, защищать диссертации. Из Кишинёва приехал талантливый преподаватель Борис Масис. Он ввёл на кафедре французского языка практику — преподаватели говорили между собой только по-французски, чтобы сохранять языковой тонус. Он владел румынским, немецким, французским, русским языками. В конце войны работал переводчиком с пленными румынами и немцами. В 1970-м он подаёт документы на выезд в Израиль. Его начинают травить. На кафедре царит тяжёлая атмосфера. Бориса Масиса увольняют с работы и собирают общее собрание, на котором преподаватели должны написать коллективное обращение в ВАК о лишении Масиса учёной степени. На преподавателей оказывают сильное давление, проводят предварительные беседы. В результате все дружно голосуют за лишение степени кандидата филологических наук. Одна Татьяна Щипкова проголосовала против. Она единственная. Да ещё выступила и сказала, что научные работы не зависят от политических взглядов, что научная диссертация не перестаёт быть научной из-за политических или мировоззренческих взглядов её автора. Я удивляюсь, как её тогда не уволили. Наверное, решили не усиливать скандал. Но всё равно наказали. К 1970 году она уже девять лет прожила в общежитии, и ей, наконец, дали квартиру в новом доме на Поповке. Мы уже смотрели эту квартиру и даже вымыли её. В результате в квартире было отказано, и мы остались в общежитии ещё на четыре года. Но нет худа без добра — ту квартиру отдали маминей близкой подруге, преподавателю математики Ирине Николаевне Демидовой, которая в ней очень нуждалась, ютась в комнате того же общежития с маленькой дочкой и двумя стариками-родителями.

Татьяна Щипкова была очень непрактичным человеком, плохо приспособленным к житейскому быту. Физически она была слабой, часто болела. Её рост составлял 148 сантиметров, вес — 50 килограммов. Но в этом маленьком теле жил дух очень сильного и глубоко

нравственного человека, воспитанного на русской и мировой классической литературе. Она постоянно что-то читала, взгляд её был повернут не столько во внешний мир, сколько внутрь себя. Часто она в задумчивости шла по улице и не видела встречаемых знакомых людей. Некоторые обижались — думали, что она не хочет здороваться. А она была погружена в себя, в свои мысли, в своё любимое Средневековье, в свою грамматику.

В 1973 году она с блеском защитила кандидатскую диссертацию по теме «Глагольное дополнение в румынском языке XVI–XVIII веков (Инфинитив, конъюнктив, индикатив)» в Институте языкознания в Ленинграде. Я помню, как мы отмечали это событие в квартире у Бавеских на улице Докучаева. Вадим Соломонович подарил свою книжку о русской советской поэзии и сделал следующую дарственную надпись:

*Таня Щипкова!
Честное слово
(Что ж тут такого?):
Коль её много
Снова и снова,
Дружба — основа
Счастья земного,
Будто подкова.*

Татьяна Николаевна постоянно работала со студентами. Днём в вузе, вечером — дома. Мы жили в общежитии, и я не помню вечера, чтобы кто-то из студентов не засиживался в нашей комнате. Приходили отличники, с которыми мама дополнительно занималась латынью. Приходили отстающие, которых мама вытягивала, спасая от отчисления. Она радовалась, когда слабая ученица вместо шестидесяти ошибок делала тридцать. Она ставила ей двойку с плюсом или двумя плюсами, хвалила, ободряла, и окрылённая успехами девушка не опускала руки, а шла вперёд и вперёд. У мамы был какой-то особый педагогический дар, основанный на любви к человеку и на готовности ему помочь.

Татьяна Щипкова не была антисоветчиком в политическом понимании это термина. Она всё знала о ГУЛАГе, о цензуре, она осуждала несправедливость, царящую в стране. Она читала и распространяла самиздат. Она любила книги Шаламова. С самого детства, отвечая на мои вопросы, она всегда говорила только правду о социальных и политических проблемах, о репрессиях, об идеологической лжи. Однако критичность её взглядов носила скорее нравственный характер, чем политический. Она любила свою родину, независимо от того, кто ею управлял и какой социально-политический строй доминировал. Она

никогда не воспитывала во мне патриотизм, но передала его мне своим поведением, своими суждениями. Вспоминаю её поступок, который раз и навсегда определил моё отношение к Отечеству. Первого мая мы возвращались домой после демонстрации. Мне было лет десять-одиннадцать. Погода была ветреная, мозглая, холодная. Мокрые красные флаги, украшавшие здания, гулками шлепками хлопали, как хлопает бельё, которое женщины полощут в корыте, моросил дождь. Кто-то укладывал в грузовики транспаранты, кто-то спешил в тёплый дом к праздничному столу. Проходя мимо здания музыкального училища, мы увидели на мокром асфальте красный флаг. Древко обломилось от ветра, флаг выпал из флагштока. Красное полотнище перегораживало тротуар и прохожие неуклюже и стыдливо через него перескакивали, не останавливаясь. Мама повернула ко мне голову и сказала одно единственное слово: «Подними». Мне не хотелось трогать руками этот грязный, тяжёлый, мокрый, повергнутый флаг и я иронично ответил: «Но он же — красный». Никогда не забуду испепеляющего взгляда, который она бросила на меня. Она дрожала от возмущения. Она не могла поверить, что её сын мог такое сказать. Сжав губы, стиснув зубы, она медленно и очень жёстко повторила: «Под-ни-ми! Это флаг твоей родины. Люди под ним умирали». Это был урок на всю жизнь. С тех пор, да простят меня почитатели демократических триколоров и монархических штандартов, флаг красного пасхального цвета, цвета крови моих предков, поднятый мной в тот день из грязи, навсегда останется для меня флагом моей родины.

Моя мама была такой. Она осуждала советскую несправедливость и горячо любила Россию. Она не выносила антисемитизма и возмущалась интеллигентскими насмешками над «русопятами». Раз в год обязательно перечитывала «Войну и мир» и с упоением погружалась в средневековые французские тексты. Она любила дружеские застолья молодой преподавательской среды, но, раскрасневшись от стыда, выскакивала под общий смех из комнаты, когда кто-то, подвыпив, позволял себе фривольную шутку или анекдот. В ней невероятным образом сочетались твёрдая, практически мужская, гражданская мужественность и какая-то девичья целомудренность...

В начале 1970-х годов Татьяне Щипковой открылся огромный христианский мир. Открылся не с культурологической стороны, которую она прекрасно знала и раньше, а с внутренней, духовной. Начался новый этап её жизни. С новыми открытиями и новыми испытаниями.

В 1978 году её уволили из Смоленского педагогического института за участие в православном подпольном движении.

В 1980 году её арестовали и по сфабрикованным обвинениям осудили на три года лагерей. Я не буду рассказывать здесь об этих годах. Просто порекомендовал бы найти в Интернете её мемуары «Женский портрет в тюремном интерьере». Скажу только, что сидела она в Уссурийском крае, в уголовной зоне, окружённая воровками и бандитками. Там было много молодых девчонок, покалеченных как физически, так и нравственно. Мама очень жалела их, любила и пыталась вытащить из того душевного смрада, в котором они находились и до тюрьмы, и во время заключения. Она создала в лагере подпольную школу. Пересказывала (книг не было) классические литературные произведения, читала им выдающиеся образцы любовной лирики, рассказывала о Богородице, записывала по их просьбам молитвы. Кончилось всё карцером и разгромом этой самодеятельной школы.

После лагеря она переехала в Ленинград. По политическим мотивам ей не давали разрешения прописаться у сына. Два раза арестовывали и отпускали. Жила она на нелегальном положении, целый год мы прятали её по разным квартирам. В общем, это было чудовищное время, когда казалось, что будущего нет, а есть только беспросветное настоящее. После смерти Андропова ей удалось получить разрешение поселиться у сына. Началось политическое помягчение. Приближалась перестройка.

Мама работала вахтёром. Переписывала от руки краткие молитвословы, сшивала их в тетрадочки и раздавала людям по воскресениям возле Никольского Морского собора. На неё, конечно, смотрели как на немножко юродивую, но эти самодельные молитвословчики охотно брали. Может быть, и сегодня у кого-то они хранятся.

В 1990-е годы она была приглашена в гуманитарную спецшколу при Институте богословия и философии. Вновь начала преподавать, написала блестящий учебник французского языка для старших классов, не изданный до сих пор, где нет ни одного придуманного примера, а вся грамматика даётся на примерах из французской классической литературы. За три года ребята с нуля осваивали французский язык, свободно читали неадаптированную литературу и поступали на филологический факультет Санкт-Петербургского университета. И снова, как прежде, в её маленькую квартирку вечерами приходили ученики.

В конце жизни Татьяна Николаевна перевела роман Леона Блуа «*La Femme pauvre*» («Бедная женщина»), который ждёт своего издателя.

Скончалась Татьяна Щипкова 11 июля 2009 года и похоронена на Новом кладбище в городе Тарусе, который стоит на Оке.

В 2012 году на стене старого здания Смоленского университета была открыта мемориальная доска её памяти. Татьяна Щипкова изо-

бражена на фоне классной доски. В руках она держит роман Виктора Гюго «Les Misérables» («Отверженные»). Это её любимое произведение, которое она постоянно использовала на занятиях, предлагая его для домашнего чтения. По нему она учила языку, воспитывала души. Грамматические упражнения и упражнения нравственные были для Татьяны Николаевны неотделимы.

Завершая свой рассказ, я хотел бы сказать, что в течение сорока лет мы пытались добиться её реабилитации, официального признания того, что уголовное дело против Татьяны Щипковой было сфабриковано. Это удалось сделать лишь после её смерти. Опишу подробности этой многолетней тяжбы и скажу лишь, что 25 декабря 2019 года в Москве состоялся повторный суд, который рассмотрел дело Татьяны Щипковой и полностью оправдал её.

В архиве Смоленского университета хранится личное дело кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры французского языка Татьяны Николаевны Щипковой. Сегодня я привёз с собой копии решений суда о её реабилитации. Передаю эти документы ректору университета Михаилу Николаевичу Артёменкову и прошу приобщить их к её личному делу. Таким образом, мы закрываем важную страницу истории Смоленского государственного университета, славного огромным количеством блестящих преподавателей и выпускников.

О КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ещё до относительно недавнего времени не существовало отдельных понятий «воспитание» и «образование». Было общее понятие — «просвещение», в котором образование и воспитание рассматривались как два неотъемлемых аспекта этого процесса. Бессмысленным считалось как знание без духовных ценностей, так и ценности, не подкреплённые знаниями. Так было в Российской империи, так было в советское время. Исключением стали 1990-е годы, когда государство сознательно отказалось от задачи воспитания молодёжи.

Таким образом, на срок жизни одного поколения выпало два перелома. Первый — начало 1990 годов — отказ от функции воспитания. А второй — то, что происходит сейчас. Современный период я бы назвал периодом постепенного поворота государства к решению задачи воспитания. Поворот выражается в том, что на самом высоком уровне сформирована концепция государственной культурно-образовательной политики. Задача моего доклада — разъяснить ту логику, которой придерживались разработчики этой концепции, и рассказать, что в итоге получилось.

В законе об образовании, принятом в 2012 году¹, введено понятие «воспитание». Это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». Поскольку в Конституции фактически заложен запрет на идеологию, трудно ответить на вопрос: что же это за ценности и правила? Трудность очевидна, но воспитание не имеет смысла, если эти ценности не будут определены. Работа над решением данной проблемы началась в Министерстве культуры Российской Федерации при министре В. Р. Мединском.

Результатом такой работы стали следующие документы, утверждённые указами Президента Российской Федерации:

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

- Основы государственной культурной политики¹;
- Стратегия национальной безопасности², в которой есть большой раздел «Культура».

Что же было положено в основу данных документов? Отправной точкой стало понятие патриотизма. Но почему именно российский патриотизм, а не патриотизм «гражданина мира» или нечто иное?

Для ответа на данный вопрос был использован цивилизационно-ценностный подход. Основоположителем его считается наш великий учёный Н. Я. Данилевский (1822–1885). Суть подхода — признание того, что человечество, единое на биологическом уровне, не является единым на уровне социальном. Человечество существует в форме больших общностей, которые называют культурами; Л. Н. Гумилёв называл их суперэтносами, ну а сейчас наиболее употребительно слово «цивилизации».

Интуитивно понятно, что китайская цивилизация, например, отличается от американской, а русская — от мусульманской. Но в чём заключается это отличие? С точки зрения цивилизационно-ценностного подхода отличие — в ценностях: в тех представлениях о добре и зле, в том жизненном опыте, который накоплен этими цивилизациями.

Отсюда определение культуры, данное в Основах государственной культурной политики: культура — это «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей». То есть через культуру человек приобщается к исторически сложившимся ценностям и нормам поведения, которые как бы закодированы в нашем материальном и нематериальном наследии. И приобщение к этим ценностям делает нас теми, кем мы являемся, то есть формирует нашу российскую идентичность. Отсюда вытекает ряд следствий, которые нашли своё отражение в нормативных актах.

Первое следствие. Культура является объединяющей основой нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. Мы разные, но мы вместе именно благодаря общей системе ценностей.

И это не отказ от признания отдельных наций. Это признание того, что в многонациональной общности российского народа есть общее ценностное ядро. Отсюда понятие общего культурного пространства, заложенное в Стратегии национальной безопасности.

Второе следствие — это понятие культурного суверенитета. Поскольку культуры у цивилизаций разные, то мы защищаем не культуру вообще, а именно нашу, российскую культуру.

¹ Утверждены Указом Президента РФ № 808 от 24 декабря 2014 г.

² Утверждена Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г.

Это не закрытость от внешнего мира. Напротив, мы всегда отличались умением воспринимать всё лучшее, чего добилось человечество. Но это именно наш выбор, а не то, что нам могло бы быть навязано извне. Поэтому введено понятие культурного суверенитета.

Третье следствие. Необходимо как-то назвать те духовные ценности, о которых идёт речь. Понятно, что мы можем неосознанно придерживаться их, зная нашу историю и культуру, но всё же необходима и осознанная формулировка. И это отражено в Стратегии национальной безопасности, где перечислены традиционные ценности российской культуры. На первое место поставлен приоритет духовного над материальным. Именно эта черта является важнейшим отличием русского народа, русской и российской культуры на протяжении нескольких веков.

Уточню, что это, безусловно, православные ценности. Причём не имеет значения, является ли человек верующим или неверующим, относится ли он к православной конфессии или к какой-то другой. Независимо от всего этого, если он россиянин, если он воспитан в российской культуре, то он воспитан именно в духе православных ценностей.

Последнее, четвёртое следствие — практическое. Для того чтобы вот эта ценностная составляющая культуры работала на воспитание, должна проводиться государственная культурная политика. В Конституции как раз и говорится о проведении единой государственной политики в сфере культуры. Это и есть задача воспитания. Поэтому правильней было бы называть это культурно-образовательной политикой.

То есть когда мы утверждаем национальные проекты, реализуем государственные программы, нам необходимо думать не только о посещаемости музеев и о количестве проданных билетов. Важно думать о содержании: насколько соответствует нашей культуре то, что мы видим на сцене театра, на экране в кино, на выставках в музеях и т. д.

Речь идёт не о цензуре как о предварительном согласовании того, что можно и что нельзя говорить. Речь идёт именно о государственной политике. Об отказе государства поддерживать то, что является самоубийственным для общества и для нашей культуры.

Сфера культуры — весьма обширное понятие. В этой сфере министерство культуры занимается театрами, музеями, библиотеками. Роспечать занимается СМИ. Образованием занимаются уже целых два министерства. Но единой политики у всех этих ведомств как не было, так и нет. Потому что нет необходимого взаимодействия между ведомствами.

Поэтому можно сказать, что концепция культурно-образовательной политики у нас есть, а самой этой политики нет. Почему так — это тема для отдельного обсуждения.

ТАТЬЯНА ЩИПКОВА И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА РОМАНИСТИКИ

Главное, что остаётся с человеком в течение всей его жизни, — это память. Именно это свойство, сохраняющее в нас наше прошлое, даёт нам возможность сопоставлять, анализировать и делать выводы.

Сегодня мы говорим об одном из ведущих преподавателей кафедры французского языка Смоленского педагогического института 1960–1970-х годов — Татьяне Николаевне Щипковой.

Мне хотелось бы рассказать о той лингвистической школе, к которой она принадлежала, о её учителях и о той научной и культурной базе, на которой она строила свою работу.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда только начал формироваться факультет иностранных языков, на французскую кафедру пригласили несколько молодых лингвистов из разных вузов страны. За неимением кадров преподавание тогда велось только в практической плоскости. Молодые же преподаватели сразу ввели пять теоретических курсов. Теоретическую фонетику читала Валентина Алексеевна Зайцева, стилистику — Эда Моисеевна Береговская, лексикологию — Ольга Васильевна Расточинская. Татьяна Николаевна взяла на себя два курса: теоретическую грамматику и историю французского языка. Плюс латынь, о которой я скажу ниже.

Закончив Ленинградский университет (кафедра романо-германской филологии), а затем аспирантуру Института Языкознания АН СССР, защитив диссертацию в 1973 году, Татьяна Николаевна принадлежала ленинградской грамматической школе, основателями которой были такие крупные учёные-лингвисты, как академики Жирмунский и Шишмарёв, профессора Кацнельсон, Адмони, Маслов и др. В основном это были учёные-германисты. Но параллельно в 1930–1940-е годы развивалась и научная школа романских языков. Её основателем был один из основоположников отечественной романистики, учёный с мировым именем академик Владимир Фёдорович Шишмарёв. Начав свою научную деятельность ещё до революции, он создал фундаментальную историческую грамматику французского языка, составил хрестоматию по истории французского языка с приложением словаря старофранцузского языка.

Академик Шишмарёв внёс огромный вклад в исследование истории языков и диалектов Испании, Италии, Франции. По заданию правительства он создал отдельное направление — исследование языков романских народов СССР, в первую очередь — молдавского. В 1930-е годы Шишмарёв был первым деканом филологического факультета, в течение ряда лет — заведующим кафедрой романо-германской, а затем романской филологии Ленинградского университета, затем заведующим музеем Пушкинского Дома. О лекциях Владимира Фёдоровича Татьяна Николаевна всегда вспоминала с восторгом.

В 1944 году Владимира Фёдоровича перевели в Москву, и он занял пост директора Института мировой литературы. Одновременно он заведовал сектором романских языков Института языкознания Академии наук в Москве.

В конце 1940-х годов в Советском Союзе была развёрнута кампания против «космополитизма» и «низкопоклонства» перед Западом, в лингвистике в том числе. Родоначальником космополитизма объявили великого русского филолога, учителя Шишмарёва — Александра Николаевича Веселовского, который скончался ещё до революции, в 1906 году. С таким обвинением выступил в 1947 году на пленуме правления Союза писателей СССР Александр Фадеев.

Академик Веселовский — известный учёный не только в русской, но и в европейской науке, филолог, историк, основоположник сравнительно-исторического литературоведения. Он занимался международным фольклором, европейской и восточной литературой. Энциклопедизм и универсальность научных интересов и достижений Веселовского касались всех областей всемирной литературы, он говорил и писал на 30 языках.

Ученик Веселовского В. Ф. Шишмарёв попытался защитить своего учителя, издав в 1946 году книгу «А. Н. Веселовский и русская литература». Но это не помогло, и космополитическая кампания смела и его. В 1947 году его сняли с должности директора Института мировой литературы, и он вернулся в Ленинград. Глава ленинградского Обкома партии Андрей Жданов вызвал Шишмарёва в Смольный на беседу и потребовал осудить академика Веселовского. Шишмарёв ответил: «Делайте со мной, что хотите, но я против своего учителя писать не стану». Все мы понимаем, какое мужество потребовалось, чтобы так заявить в те годы.

Много лет спустя Татьяна Щипкова оказалась в похожей ситуации и тоже не пошла против совести. Преподаватель кафедры французского языка Борис Масис в начале 1970-х годов подал документы на выезд в Израиль. По требованию КГБ его уволили и устроили собрание,

на котором рассматривался вопрос о лишении его научной степени. Единственным человеком, который проголосовал против лишения степени, была Татьяна Щипкова. За это её лишили права на получение квартиры, и она 13 лет прожила в студенческом общежитии на улице Дзержинского.

Татьяна Николаевна часто вспоминала своих преподавателей, получивших образование ещё до революции. Эти люди, как она говорила, были носителями нравственно здорового, христианского императива.

Несколько слов нужно сказать о профессоре Елизавете Артуровне Реферовской, которая была ученицей академика Шишмарёва и работала под его руководством. Реферовская сыграла в судьбе Татьяны Николаевны большую роль. На протяжении десятилетий она была её учителем, научным руководителем и другом. Именно Реферовская разглядела в Щипковой дар исследователя и преподавателя.

Профессор Реферовская — один из крупнейших российских романистов, специалист в области эволюции грамматического строя романских языков, истории и теории французского языка, грамматики, лингвистики текста и истории лингвистических учений. Реферовская стала одной из первых женщин – докторов наук в области романистики. В 1961 году её даже избрали членом Парижского лингвистического общества.

Круг научных интересов профессора Реферовской был весьма широк, он охватывал как традиционные аспекты французской филологии (историческую и теоретическую грамматику, историю языка), так и сравнительно новые направления (лингвистика текста, проблемы языковой вариативности и т. д.).

Профессор Реферовская очень высоко ценила исследовательский талант Татьяны Щипковой, и именно она настояла на том, чтобы Татьяна Щипкова после трёх лет обязательной работы по распределению в Молдавии вернулась в Ленинград и продолжила заниматься наукой в аспирантуре Института языкознания Академии наук СССР.

Татьяна Николаевна поступила в Ленинградский университет в 1948 году и слушала курсы Шишмарёва и Реферовской. Её любимыми курсами были «История французского языка», «Введение в романскую филологию», «Теоретическая грамматика», «Поздняя латынь».

Базовые знания, полученные от лучших профессоров-романистов, сформировали её научный потенциал, а главное — определили глубину научных интересов, основанных не только на языковых концептах, но и на глубинных философских знаниях.

Таким образом, «научная родословная» Щипковой восходит к началу зарождения романистики в Петербурге.

В 1973 году Татьяна Щипкова защитила в Институте языкознания АН СССР кандидатскую диссертацию по теме «Глагольное дополнение в румынском языке XVI–XVIII веков (инфинитив, конъюнктив, индикатив)».

Рассматривая проблему вытеснения инфинитива придаточными предложениями в старорумынском языке, Т. Н. Щипкова основывалась на исследованиях таких учёных, как Граур, Скок, Гизе, Шишмарёв, которые объясняли такое вытеснение греческим влиянием. Любопытная деталь: Щипкова полемизировала с немецким лингвистом Гюнтером Райхенкроном, который утверждал, что греческое влияние на балканскую группу языков в Средневековье осуществлялось только через купцов, солдат и колониальную администрацию. Щипкова писала в своей диссертации: «Однако Райхенкрон не учитывает ни роли ортодоксии (православия), ни возможности опосредствованного влияния греческого на румынский язык, например через болгарский». Говоря о греческом влиянии на румынский, она указывает, что это связано с тем фактом, что с X века в Румынии распространяется православие.

Интересно, что немецкая школа романистики была гораздо секулярнее, чем советская, продолжавшая русскую филологическую традицию, заложенную ещё академиком Веселовским. (Заметим в скобках, что блокадница Татьяна Щипкова в ту пору не знала, что лингвист Райхенкрон при Гитлере состоял в национал-социалистической партии).

А вот что Щипкова пишет о проблемах перевода: «Придаточные предложения цели в переводных текстах очень часто соседствуют с желательными предложениями, которых особенно много в Psaltirea Scheiana, в силу её специфики: это мольбы, обращённые к Богу».

Материалом для её научной диссертации стали старорумынские литературные тексты XVI–XVIII веков. Наряду с другими источниками она исследовала библейские отрывки на старорумынском языке из Библии 1688 года, а также Скейскую Псалтирь, Воронежскую Псалтирь, Воронежский кодекс, итальянское Евангелие, Деяния Апостолов. Библия 1688 года, как известно, является самой древней румынской версией Ветхого и Нового заветов.

Напомню, что Щипкова писала диссертацию в 1960-е годы, в эпоху хрущёвских гонений на Церковь, когда мало кто осмеливался работать с тестами религиозного характера, а уж тем более признавать роль религии и религиозного сознания в формировании языка.

Смелость исследователя, глубокое проникновение в суть проблемы, значительный объём языкового материала привели к тому, что во время защиты диссертации члены диссертационного совета Института языкознания посчитали, что диссертация может претендовать на

звание докторской. Однако отсутствие прецедентов не позволило провести её как докторскую.

В своей научной работе Татьяна Николаевна продолжила дело академика Шишмарёва, у которого в 1953 году вышла работа «Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР». С конца 1920-х годов он систематически изучал романские диалекты на территории СССР, а также историю романской колонизации в России. Он осуществлял научное шефство по этой проблематике над лингвистическим сектором Молдавского филиала АН СССР. Таким образом, его ученица внесла свой вклад в изучение этого вопроса.

Всем нам хорошо известно имя академика Льва Владимировича Щербы, который более 25 лет был профессором Ленинградского университета. С 1937 года он возглавлял кафедру иностранных языков, когда там училась Реферовская и преподавал Шишмарёв. Предложив первую в отечественном языкознании научную типологию словарей, он разработал хорошо известный русско-французский словарь, а также написал своё знаменитое пособие «Фонетика французского языка».

Это имя Татьяна Николаевна повторяла часто и с большим уважением. Преподаватели Смоленского пединститута стояли на позициях, заложенных академиком Щербой в Ленинградском университете. Вот что я имею в виду.

Цитирую Щербу: «...вполне овладеть родным языком (...), — т. е. оценить всё его богатство, все его выразительные средства, понять все его возможности, — можно, только изучая какой-нибудь иностранный язык».

На первом курсе я и мои однокурсники были поражены новой для нас идеей, которую не раз высказывала Татьяна Николаевна, — о том, что без родного языка невозможно овладеть иностранным. И наоборот — изучая иностранный язык, человек всё более и более овладевает родным. Вслед за Щербой она повторяла, что «...ни один из школьных предметов никоим образом не может заменить (...) филологию и что, таким образом, школа, лишённая филологического элемента, является школой однобокой, не могущей (...) воспитывать людей высокой культуры».

Именно к постановке такой задачи Татьяну Николаевну приучила её Школа с большой буквы.

После аспирантуры Института языкознания АН СССР она отдала все силы работе на кафедре французского языка и вместе с коллегами готовила учителей для смоленских сельских школ. Татьяна Щипкова разработала курс теоретической грамматики, курс истории французского языка, формат преподавания латинского языка для педвуза. По-

вторю: Щипкова, Береговская, Трегубов, Масис, Расточинская, Зайцева начинали с нуля — война унесла всех преподавателей предыдущего поколения.

Принадлежность к ленинградской грамматической школе романистики позволяла Татьяне Щипковой поддерживать академический уровень в своём преподавании. Она участвовала в создании той творческой и научной атмосферы, которая царила на кафедре французского языка в те годы.

В 1970-е годы, когда я училась на кафедре, курсы Татьяны Николаевны привлекали нас, студентов, своей широтой — как научной, так и мировоззренческой. Я знаю, что Татьяна Николаевна никогда не шла на занятия, положив в портфель прошлогоднюю лекцию. Каждый раз эта лекция дорабатывалась, перерабатывалась, наполнялась новыми примерами, ассоциациями.

На примере латыни очень легко это показать. Её читали на первом курсе. Увидев на опыте, что чтение латинских текстов не способствует развитию интереса к языку, Татьяна Николаевна приняла решение ввести подкурс «История античного мира». Это являлось нарушением учебного плана, но заведующий кафедрой Николай Дмитриевич Трегубов поддержал её.

Она начала читать культурологический курс об античности, мифологии, культуре Древнего мира, объясняя нам, что вся античная эпоха, все античные сюжеты присутствуют в художественной культуре и литературе. Она связывала свои лекции с архитектурой, скульптурой, живописью, постепенно расширяя наше представление о мировой культуре. Огромный мир, наполненный новыми смыслами, возникал на горизонте и, постепенно приближаясь, становился всё больше и яснее. Каждая деталь этого корабля культуры становилась объёмной и притягательной. И главное, мы начинали понимать смысл этих деталей — и культурный, и нравственный. Мы начинали понимать, что мир состоит не только из материального, но и из духовного. Для многих из нас это было полным мировоззренческим переворотом.

Не будем забывать, что не было интернета, не было хороших репродукций, книги были в дефиците. С мировыми шедеврами живописи приходилось знакомиться по чёрно-белым репродукциям. Сегодня это трудно себе представить. Это была огромная работа — систематизировать разрозненные сведения и факты. А в лекциях Щипковой всё: и эпоха, и личности, и язык в его движении — соединялось в общую картину мира. Это было возможно только потому, что уровень её образования был невероятно высок. Ведь важно дать студенту не просто набор знаний, а дать их в системе, увязать культуру, науку, нравствен-

ность в единое целое. Такой подход учил студента и будущего учителя мыслить системно и независимо. Так Татьяна Николаевна развивала логическое мышление учеников с помощью латинской грамматики и образное — с помощью основ культурологии.

Говорить об античности, не касаясь христианской культуры, невозможно. И здесь она оказывалась перед сложным выбором — между исторической правдой и идеологическими требованиями советской эпохи. И как и её учитель, академик Шишмарёв, она выбрала правду. Она стала знакомить студентов с евангельскими сюжетами и излагать смысл христианского учения.

Другим предметом, который она читала на протяжении многих лет, была история французского языка. Давая основы старофранцузского, она говорила и о Средневековье. Она обожала Средневековье. Она знала его, любила и объясняла нам, что разговоры о «мрачном Средневековье» — это глупость. Что это было время расцвета человеческой мысли, что недаром это время позже назвали *Anno Domini* (Время Господне). Татьяна Николаевна рассказывала о цельности и ясности средневекового сознания. Объясняла, что культура этого времени — душевно свободная, потому что у человека Средневековья ещё сохранялась цельная картина мира, в отличие от людей эпохи Возрождения. Она говорила, что все, кто соприкасаются со средневековой культурой, в неё влюбляются. Рассказывая о готике, витражах, храмовой скульптуре, фресках Джотто, стихах Франсуа Вийона, она показывала внутреннюю сущность этой эпохи. А сущность эта была светлой, потому что была христианской. Я напоминаю, что это было время материализма и коммунистической пропаганды.

Татьяне Николаевне не суждено было умереть здесь, в Смоленске, в окружении своих учеников. Она прошла трудный путь на свою Голгофу. Чтобы сегодня, вернувшись, стать частью славной истории Смоленского университета.

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ И РОЖДЕНИЕ «СОВЕТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» В СМОЛЕНСКЕ

В контексте темы сегодняшних чтений, посвящённых в том числе истории отечественного образования, персональному, личностному опыту деятелей образования, история университетских центров представляет очевидный интерес.

Как и в целом в советской истории, в истории советского высшего образования много мифов и стереотипов, широко распространённых не только в обывательском сознании, но и в профессиональной среде. Так, мы привыкли думать и считать, что молодая советская власть в числе первых своих креационистских проектов обратилась к непаханому полю образования и начала строить мощную и развитую образовательную инфраструктуру, которая и сделала образование доступным для самых широких слоёв советского общества.

Обращение к истории отдельных «советских университетов» российской провинции в свете сказанного приобретает очевидный практический смысл. Результаты подобных опытов способствуют демифологизации представлений о том, кто в реальности создавал советскую систему образования и чем эти люди руководствовались на данном пути.

При этом человеческое измерение событий «большой истории» имеет особый познавательный вес, и потому сегодня представляется важным сказать о людях, приложивших свои усилия для создания университета в Смоленске.

Университет в Смоленске был основан 7 ноября 1918 года. Официальный же документ о его утверждении Наркомпросом появился в конце февраля 1919 года и уже этот разброс в датах позволяет отметить и темп, и противоречивость, и административную непоследовательность в его основании. Всё дело в том, что в провинции, и в Смоленской губернии в частности, стремление к открытию университетского центра возникло задолго до революций 1917 года: первые протоуниверситетские центры возникали с начала 1910-х годов. Но имперский административный аппарат блокировал создание новых университетских центров. Стремление к открытию университета в Смоленске обострялось и близостью черты оседлости (с массой мо-

лодежи, для которой по национальному признаку путь в университет был закрыт), и наличием профессиональной интеллигенции, не встроившей в академическую активность.

Обстоятельства решительно изменились в конце 1917 года с разрушением имперской системы и порождённых ею ограничений. Не имевшая выхода инициатива сразу же получила оформление и развитие. Какие цели преследовали люди, выступавшие в 1918 году с инициативой создания университета? Один из инициаторов, Н. И. Кибовский, чиновник губернского «внешкольного подотдела» Западной области, так характеризовал ситуацию: «Стремление населения иметь у себя высшую школу вообще давно проявляется в различных формах. До революции пытались в этом направлении сделать всё, что только можно. Нельзя было создать университет, открывали учительские институты и отделения Московского археологического института, но параллельно с этим зондировали почву для открытия университета где-либо в Западной области»¹.

Одним словом, когда поменялись внешние условия, местная интеллигенция как наиболее активная масса населения пришла в движение и принимала энергичные меры для реализации своих чаяний, становившихся планами. Уже летом 1918 года была сформирована инициативная группа — «внешкольный подотдел Запобласти» во главе с Н. И. Кибовским, организовавшим двухмесячные курсы для подготовки открытия трёхступенчатого пролетарского университета. Одновременно говорили о создании и пролетарского, и государственного университетов, вели отбор студентов из числа обучающихся в Смоленске. Участниками процесса стали самые разные люди. К примеру, организацию университетской библиотеки доверили епархиальному редактору Н. Н. Редкову. Подготовительная работа шла параллельно с диалогом с местным исполкомом и молодым Наркомпросом. Все ключевые решения были приняты комиссией по организации университета на заседании 30 октября. Далее в течение недели инициативная группа настойчиво добивалась (в ходе ряда встреч и совещаний в Наркомпросе) открытия университета к символической дате — первой годовщине Великого Октября — 7 ноября. Препятствия были весомыми. Так, наркомат требовал финансирования от исполкома в размере не менее 50% сметы. Да и саму смету нужно было уметь составить и обосновать.

Смолянам повезло привлечь в ряды ходатаев перед Наркомпросом видных столичных политиков и общественников. Но центральными фигурами организационного этапа всё же были смоляне.

¹ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 28 августа. С. 4.

В октябре 1918 года деятельность по согласованию открытия университета с Наркомпросом вёл Александр Чаплин (1895–1981), представитель видной смоленской семьи общественных деятелей, брат лидера РКСМ Н. П. Чаплина (1902–1938)¹. Александр Павлович — единственный участник событий, оставивший воспоминания о своей работе, в которых нашёл отражение и сюжет основания университета². Как часто бывало в начале XX века, Александр Павлович, будучи выходцем из семьи священника³, в революционное время отказался от семейной традиции. В 1914 году он окончил Смоленскую губернскую мужскую гимназию и поступил в Московский университет на медфак. В 1916 году за политическую пропаганду среди студентов был административно выслан в Рязань, затем восстановился в числе студентов, служил счетоводом на Московско-Казанской железной дороге. В феврале 1918 года он был приглашён на должность Смоленского губернского комиссара народного просвещения, затем избран членом Смоленского горисполкома и членом Смоленского губисполкома; работал заведующим Смоленским уездно-городским отделом народного образования. В июле 1919 года А. П. Чаплин был назначен заведующим Смоленским ГУБОНО⁴.

Именно А. П. Чаплин от лица комиссии по созданию университета был делегирован в Социалистическую академию в Москве с просьбой о содействии в открытии университета, присутствовал на заседании коллегии народного образования, определившей конкретные условия для открытия университета. 31 октября он вернулся в Смоленск, чтобы заручиться гарантией финансирования университета от областного исполкома и, получив её, вновь отправился в Москву. Александр Павлович долгие годы работал в учреждениях культуры, но участие в открытии университета осталось одной из самых ярких страниц его биографии.

Революционная атмосфера открывала творческие способности не только молодых революционеров. Часто они объединялись с видными учёными-марксистами и революционерами с солидным подпольным стажем. Принимая А. П. Чаплина, президиум Социалистической академии делегировал для поддержки Смоленского университета одного из самых ярких своих профессоров — М. А. Рейснера. Михаил Андреевич

¹ Семья происходила из Рогнединской волости Рославльского уезда Смоленской губернии, где служил священником П. П. Чаплин (1869–?). Его дети Николай, Александр, Мария были деятелями РКСМ, в 1920–1930-е годы занимали ответственные должности.

² За власть Советов! Сборник воспоминаний. М., 1977. С. 120–131.

³ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 293, 295.

⁴ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 951. Л. 1–4; Там же. Оп. 1. Д. 953. Л. 1–7.

Рейснер (1868–1928) — видный российский учёный-юрист, историк и один из основоположников национальной социальной психологии. В 1893 году он окончил юридический факультет Варшавского университета. В 1896 году был командирован в Гейдельберг, где проработал два года. В 1898–1903 годах он был профессором юридического факультета Томского университета, одним из идеологов свободы совести и концепции «нового права». Из-за своих марксистских взглядов был вынужден эмигрировать, жил в Германии и Франции. В 1907 году Рейснер вернулся в Россию и стал преподавателем в Санкт-Петербургском университете¹. Известен он был и как литератор, создатель литературно-философского кружка. Во время Первой мировой войны выпускал, совместно с дочерью Ларисой, журнал «Рудин»², много печатался в нём сам. После революции 1917 года работал профессором в Петроградском университете, участвовал в разработке первой советской конституции. М. А. Рейснер был одним из основателей Социалистической (Коммунистической) академии как центра марксистской социальной науки и одним из основателей Русского психоаналитического общества, работал в Наркомпросе и имел дружеские связи с наркомом. Его послереволюционные труды сделали из него апологета марксистской теории государства³. Именно поэтому в деле открытия университета он был лучшим и незаменимым помощником.

Указав на необходимость приведения идей смоленских отцов — основателей университета в соответствие «Положению о российских университетах»⁴, М. А. Рейснер хлопотал о согласии Наркомпроса на открытие университета и, добившись первого положительного решения, сам вёл в Смоленске 7 ноября 1918 года торжественное заседание, на котором было провозглашено создание университета. Рейснер же получил и удостоверение первого ректора университета в Смоленске, правда, в связи со своей загруженностью в Москве вскоре передал дела. Затем на протяжении нескольких лет Рейснер в числе других первых лекторов-профессоров приезжал в Смоленск для чтения лекций⁵.

Так, людей разного происхождения, разного общественного положения и даже сфер деятельности в революционную эпоху объединило

¹ Соч.: *Рейснер М. А. Государство и верующая личность: Сборник статей.* СПб., 1905; *Государство: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Часть 1, Культурно-исторические основы.* М., 1911.

² *Пржиборовская Г. А. Лариса Рейснер.* М., 2008.

³ НИОР РГБ. Ф. 245. К. 12. Д. 12-13; *Рейснер М. А. Пролетариат и мещанство.* Пг., 1917; *Государство. Часть 1. Идеология и метод.* М., 1918; *Государство буржуазии и РСФСР: В 3 ч.* М.–Пг., 1923.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 121. Д. 28. Л. 1–5.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 245. К. 12. Д. 17.

одно страстное желание — влиять на становление нового строя жизни, формирование новых центров её, каковым и призван был стать создаваемый в Смоленске университет. Вскоре революционная романтика отошла на второй план, но дело строительства университета осталось яркой страницей в биографиях всех его создателей.

Именно Кибовского, Чаплина и Рейснера поистине можно считать отцами — основателями молодого университета в Смоленске. Память о них мы храним и сегодня.

С. В. Перевезенцев

*доктор исторических наук, профессор
факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова,
член бюро Президиума ВРНС*

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Историческое сознание — сложный социально-психологический феномен, включающий в себя множество различных элементов: память о прошлом, политические, социальные, общенациональные и региональные оценки прошлых событий, образы исторических героев, традиции, исторические знания, символы, предметы и др. Историческое сознание присуще различным социальным группам: нациям, классам, сословиям, религиозным объединениям, корпорациям, кланам, профессиональным и даже антиобщественным объединениям (например, уголовным и т. п.). Зачастую именно историческое сознание играет важнейшую роль в определении отдельным человеком или социальной группой собственной идентичности и, как следствие, заметно влияет на выбор политических, социальных, религиозных и даже бытовых предпочтений. Источники формирования исторического сознания разнообразны: историческая память, фольклор, религиозные учения, историческая мифология, официальные государственные концепции, научные интерпретации, произведения литературы, искусства и архитектуры и др.

Историческое сознание — вполне устоявшееся явление, опирающееся на традиционные исторические ценности, но в тоже время явление очень гибкое, податливое влиянию как извне, так и изнутри, меняющееся в зависимости от различных внешних обстоятельств. Огромную роль в формировании исторического сознания играет государственная политика в области истории, реализуемая через систему образования, культуру, средства массовой коммуникации, поддержку тех или иных религиозных учений и др. Однако всегда существовали, а в современном мире намного расширились возможности негосударственного и антигосударственного влияния на историческое сознание. К примеру, любая универсалистская идеология, претендующая на всемирную гегемонию, предполагает целенаправленные действия по размыванию и даже уничтожению традиционного национального, государственного или религиозного исторического сознания с целью замещения в сознании людей традиционных представлений о прошлом

собственным видением истории («история — это борьба классов»; «история — это борьба за права человека» и др.). Подвержено историческое сознание и влиянию отдельных социальных групп, которые представляют собственные групповые или корпоративные исторические приоритеты как общезначимые. Поэтому историческое сознание во все времена было и продолжает оставаться ареной борьбы различных социально-политических сил с целью утверждения определённых целей исторического развития, ведь борьба за историю — это всегда борьба за настоящее и будущее.

Понимание сущности исторического сознания, его форм и процессов развития зависит от религиозно-философских предпочтений и методологических принципов тех или иных мыслителей, политических, религиозных, общественных деятелей. В данной работе невозможно охарактеризовать все аспекты исторического сознания и продемонстрировать все подходы к анализу его сущности. Поэтому историческое сознание будет рассматриваться в определённых рамках: во-первых, с позиций традиционалистско-консервативной методологии¹; во-вторых, как явление, прежде всего, национальное, т. е. как историческое сознание народа; и, в-третьих, на примере развития исторического сознания русского народа, т. е. с учётом русской национальной специфики.

* * *

Давно замечен один интересный феномен: в России все дискуссии, будь то споры о проблемах экономики, актуальной политики, культуры и о чём-либо ещё, довольно быстро превращаются в споры об истории. Видимо, это неизбежно, ибо без обретения определённого единства в решении исторических вопросов трудно обрести единство в решении вопросов современности и самое главное — в вопросах о будущем. Следовательно, для существования русского народа и Российского государства большое, если не решающее значение имеет единое историческое сознание.

Причины подобной значимости единого исторического сознания для России, думается, можно найти в далёкой древности. Дело в том, что у славянских народов ещё в очень древние времена основой социума стала территориальная или соседская община, члены которой были связаны не столько кровным родством, сколько общей хозяйственной

¹ Традиционалистско-консервативная методология предполагает сохранение в современном мире традиционных идеалов, ценностей, религий с опорой на национально-государственные интересы народов мира; подразумевает необходимость возрастания сложности мира, ибо только сложные системы способны не просто к выживанию, но и к самовоспроизводству, приспособлению к новым жизненным условиям.

жизнью, общей территорией, духовными и культурными предпочтениями. Более того, в такой общине вполне по-соседски уживались выходцы не только из разных племён, но даже выходцы из разных народов, т. е. этнически отдалённые друг от друга. Но подобные исторические феномены обернулись тем, что практически у всех славянских народов отсутствует память о дальнем кровном родстве.

В самом деле, большинство русских обычно помнят своих родственников максимум до четвёртого-пятого колена, а дальше... или тишина, или надо проводить специальные изыскания. В то же время представители какого-либо кавказского или тюркского народа всегда готовы рассказать о далёких предках, включая прародителей, потому что память о них трепетно хранят семейные и родовые предания. А, к примеру, в скандинавских сагах перечислены имена предков из 30–40 предшествующих поколений. У русской же элиты, бояр и дворян, первые родословные появились только во второй половине XVI века, да и то чаще всего они были вымышленными, особенно в том, что касалось происхождения родов. Тогда было «модным» придумывать себе иноземных прародителей: с одной стороны, вроде бы почётно вести свой род от какого-нибудь знатного иностранца, а с другой, пойдя, докажи, что это не так, ведь в Московской Руси практически ничего не знали о генеалогических связях Западной Европы. Самый яркий пример такой придуманной генеалогии — родословная сначала бояр, а потом царей из рода Романовых, начало которой возводили к мифическим предкам, выехавшим на Русь «из Пруссии» в начале XIV века. Подобные истории случались и позднее, причём на вполне официальном уровне. Так, в начале XVIII века по заданию Петра I была придумана мифическая родословная его любимца Александра Даниловича Меншикова, который благодаря этой выдумке получил титул светлейшего князя Священной Римской империи. Основное же русское население (крестьяне) даже фамилии получило только в XVIII–XIX веках в ходе ревизских переписей, до этого каждое новое поколение прозывалось или по имени деда, или по профессии какого-то недавнего предка, или по его прозвищу. Отсюда среди русских столь много Ивановых, Кузнецовых да Зайцевых.

Таким образом, одним из кардинальных качеств русского национального сознания является не «родство по крови», а *«родство по истории»*. А от ответов на исторические вопросы зависит не только современное положение, но и будущее русского народа, более того, само существование русского народа. Поэтому можно признать, что, в отличие от многих иных народов, у русских, как, впрочем, и у большинства других славян, вместо «крови» одним из объединяющих начал наряду с образом единой Земли, единым языком, единой верой, общей куль-

турой и единым государством является и *единое историческое сознание* (то самое «родство по истории»).

Единое историческое сознание — это целый комплекс важнейших исторических событий, единая оценка которых отточена веками общей исторической судьбы, а признание этой оценки и обозначает, собственно говоря, принадлежность к народу; это и вполне реальное ощущение человеком причастности собственной, отдельной, частной судьбы к чему-то большому, значимому, великому, причастности современных поколений к исторической судьбе своего народа, понимание ими собственной исторической и нравственной ответственности за свою землю и свой народ перед прошлыми и будущими поколениями.

Само по себе единое историческое сознание состоит из нескольких условных «уровней». В основе «родства по истории» лежит *общая историческая память народа*. Общая историческая память народа — это чувство (осознанное или неосознанное) единства исторической судьбы народа и потому самая распространённая форма исторического сознания, чаще всего существующая в виде чувственных образов, представленных в различных устных и письменных источниках (преданиях, сказаниях, былинах, поговорках, песнях, литературных и художественных произведениях и т. д.). Историческая память возникает в далёкой древности, но существует на протяжении всего времени исторического бытия народа, в том числе и в современном его состоянии. Именно в силу своей чувственной природы историческая память часто противоречит научному историческому знанию, ведь для неё далеко не всегда важны точные даты и места тех или иных исторических событий, реальные имена участников этих событий и даже реальность самих исторических личностей. Более того, историческая память народа существует преимущественно в мифологизированном виде и иной быть не может, ибо миф — это обыденное и совершенно нормальное состояние исторической памяти народа. К примеру, в исторической памяти русского народа очень популярен исторический персонаж Владимир Красное Солнышко. Но ведь это персонаж русских былин, а значит, собирательный образ древнерусского князя X–XIII веков, имеющий мало общего с реальными историческими личностями. Однако даже в научной литературе иногда можно найти отождествление былинного Владимира Красное Солнышко с историческим киевским князем Владимиром Святославичем, Крестителем Руси (ум. в 1015 г.), а в обыденной исторической памяти народа князь Владимир Святославич чаще всего и присутствует под прозвищем «Красное Солнышко».

Помимо того, что историческая память может противоречить научному историческому знанию, она ещё и внутренне противоречива. По-

добная внутренняя противоречивость исторической памяти особенно характерна для больших народов, проживающих на обширных территориях и контактирующих в различных регионах своего проживания с иными народами. По этой причине возникали и параллельно существовали, во-первых, многообразные варианты общих исторических преданий, и, во-вторых, локальные предания, не имеющие аналогов. В русской исторической памяти, наверное, самым ярким локальным преданием можно считать «Слово о полку Игореве» (XII век). В этом памятнике, с одной стороны, отражена древнейшая южнорусская историческая и религиозная мифология, восходящая к IV веку н. э. и не имеющая аналогов ни в русских, ни в других славянских преданиях, а с другой — никак не отражена уже существовавшая к тому времени летописная версия русской истории, представленная в «Повести временных лет».

На определённом этапе существования народа, чаще всего в период создания государства, возникает необходимость в структурировании народной исторической памяти и создании определённой концепции истории, отвечающей государственным интересам (в первую очередь, интересам правящего рода). Постепенно из разных вариантов исторических преданий в ходе их целенаправленной редакции складывается *официальная государственная интерпретация истории*, которая по мере утверждения в сознании народа начинает оказывать решающее влияние на формирование его исторического сознания.

В истории России было несколько официальных интерпретаций отечественной истории, которые последовательно сменяли друг друга. В первые века существования Древнерусского государства (с конца IX по XI век) в историческом сознании населения различных регионов сосуществовали разные представления о том, «откуда пошла Русская земля и кто на Руси стал первым княжить». На северо-востоке, в Новгороде, придерживались версии о призвании варягов Рюрика с братией, а на юге, в Киеве, считали отцом-основателем некоего Кия со своим семейством. Этот спор очень ярко отражён в «Повести временных лет» — первой русской летописи, где присутствуют обе версии. Но были несогласные и с этими двумя легендарными преданиями. Так, одни «несогласные» (среди которых был, например, первый русский митрополит Иларион (XI век), автор знаменитого «Слова о Законе и Благодати») первым русским князем считали князя Игоря Старого. Другие «несогласные», в том числе неизвестный нам автор «Слова о полку Игореве», родоначальником русов называли некоего Трояна, то ли языческого бога, то ли мифического предка, а саму Русскую землю именовали «землёй Трояна»¹.

¹ Нужно отметить, что это разнообразие представлений о прошлом было во многом связано с тем, что население древнерусского государства в этот период со-

Судя по всему, рождению *первой официальной интерпретации русской истории* мы обязаны, прежде всего, князьям Владимиру Всеволодовичу Мономаху (1053–1125) и его сыну Мстиславу Владимировичу Великому (1076–1132). Это были два последних князя, борющихся за общерусское единство, и последние правители единого Древнерусского государства. Именно в годы их правления и, возможно, по их заданию в первой четверти XII века русские книжники-летописцы в Киеве свели различные исторические представления, легенды и предания славянских и неславянских народов в единый текст «Повести временных лет», тем самым создав первую единую интерпретацию отечественной истории. Тогда, во-первых, были определены специфические черты Русской земли, а во-вторых, отечественная история впервые была «вписана» во всемирную и, прежде всего, христианскую историю, было определено место Русской земли в христианском мире.

Наконец, именно тогда были сведены в единую последовательную цепь событий разные версии возникновения Древнерусского государства («Русской земли») и разные версии происхождения русского княжеского рода. Какие-то боковые варианты генеалогии киевских князей были отброшены (например, фигуры Аскольда, Дира и Олега, которых стали именовать не князьями, а «боярами» и «воеводами». Следствие этому — отсутствие названных фигур на памятнике «Тысячелетия России», поставленному в Великом Новгороде в 1862 году). Зато выделялась главная фигура — общим предком всех русских князей объявлялся Рюрик. И это притом, что, судя по всему, до конца XI века в Киеве мало кто что-то знал о Рюрике, а летописцам пришлось искусственно связывать между собой узами родства Рюрика и Игоря, отстоящего от своего «отца» минимум на два поколения!

Со временем предложенная авторами «Повести временных лет» интерпретация отечественной истории стала общепризнанной и затем включалась во все последующие летописи как повествование о начальных этапах существования русского народа (самый ранний вариант «Повести временных лет» сохранился в Лаврентьевской летописи, известной в рукописи XIV века). Немного позже именно эта интерпретация русской истории наряду с единой православной верой помогла русскому народу выстоять в трагическую годину ордынского владычества и сохранить сначала призрачную, а в дальнейшем всё более реалистичную надежду на возрождение русского единства, в том числе и единства государственного.

стояло из разных этнических групп, даже некоторые славянские племена (например, поляне и древляне) заметно отличались друг от друга традициями и обычаями.

Впрочем, нужно иметь в виду, что на Руси во все времена существовало несколько летописных центров. В XI–XIII веках при изложении и оценке современных им и некоторых исторических событий между собой спорили Киев, Новгород, Ростов, Галич и др., да и в Киеве по-разному смотрели на историю, например, отлично друг от друга интерпретировали события прошлого и настоящего книжники Десятинной церкви и Киево-Печерского монастыря. В XIV–XV веках в северо-восточной Руси соперничали московские и тверские летописцы, кроме того, специфические взгляды на современность и историю сохраняли новгородские и псковские летописи. Эти разные летописные традиции повлияли на формирование последующих официальных и научных интерпретаций отечественной истории¹.

Ещё более значимой для благодатного развития русского народа и Российского государства оказалась *вторая официальная интерпретация истории*, возникшая в XVI веке. Причиной её возникновения стали изменившиеся исторические обстоятельства: в конце XV столетия Русская держава обрела независимость и после падения в 1453 году Византийской империи осталась единственным в мире независимым православным государством. Именно поэтому в начале XVI века в России происходит какой-то неимоверный по силе и последствиям духовный и интеллектуальный взрыв — церковные и светские мыслители начали напряжённейшую работу по поиску нового места Русского государства и русского народа в мировой истории.

Результатом этого поиска стало появление ряда важнейших для русской истории духовно-политических комплексов и образов («Третий Рим», «Новый Израиль», «Новый Иерусалим», «Святая Русь»), в которых нашли своё выражение все смысловые и целевые установки исторического бытия России и русского народа на земле. А в русской книжной традиции появились важнейшие основополагающие исторические сочинения: «Сказание о князьях Владимирских», «Лицевой летописный свод», «Никоновская летопись», «Степенная книга царского родословия» и множество других значительных произведений, на идейной основе которых потом выросло Русское царство, а затем росла Российская империя. Официальная интерпретация, созданная в XVI веке, оказала наибольшее влияние на формирование русского

¹ Например, первый русский историк В. Н. Татищев (XVIII век) свою «Историю Российскую» писал, опираясь в основном на региональное летописание, а Н. М. Карамзин (XIX век) при создании «Истории государства Российского» использовал преимущественно общегосударственное летописание. В результате у обоих историков трактовка одних и тех же событий заметно отличается. Эта черта характерна и для современной исторической науки: оценка тех или иных событий во многом зависит от привлечённых тем или иным исследователем источников.

исторического сознания, предложив современникам и потомкам основную периодизацию, основные оценки и основных героев отечественной истории, которые во многом сохранились до нашего времени.

Причём Романовы, став царствующей фамилией в XVII веке и не имея прямого кровного родства с Рюриковичами, тем не менее, всячески подчёркивали и обосновывали своё родство с предшествующей династией, что позволило им перенести на себя все сакральные, символические и легендарные представления, которые в русском сознании были связаны с царствующим от века родом Рюриковичей.

В то же время в этот период продолжали существовать *неофициальные интерпретации истории*: во-первых, до начала XVII века в отдельных центрах сохранялось собственное летописание с оригинальными трактовками исторических событий, во-вторых, с середины XVI века стали появляться историко-политические сочинения различных авторов, представляющих собственные интерпретации истории и современности (например, сочинения А. М. Курбского). Эти неофициальные интерпретации сыграли свою роль в формировании последующих концепций отечественной истории.

В XVIII столетии в ответ на многообразные преобразования русской жизни в ходе реформ Петра I и Екатерины II возникает не просто *третья интерпретация*, а скорее, *целый комплекс новых интерпретаций отечественной истории*. При этом различные интерпретации существуют параллельно и оказывают примерно одинаковое влияние на историческое сознание народа.

Прежде всего, создаётся *научная интерпретация отечественной истории*. Появление научной интерпретации было неизбежным: смысловые и целевые установки бытия России необходимо было понять с точки зрения нового рационалистического мировоззрения. Поэтому существовавшие до той поры религиозные духовно-политические концепты отечественной истории были отброшены, а в понимании истории постепенно утверждался так называемый «научный подход», т. е. рациональный, критический взгляд на прошлое.

Начало этому положил первый русский историк В. Н. Татищев (1686–1750), а продолжилось дело в трудах М. М. Щербатова (1733–1790), Н. М. Карамзина (1766–1826), М. П. Погодина (1800–1875), Н. Г. Устрялова (1805–1870), Н. И. Костомарова (1817–1875), С. М. Соловьёва (1820–1879), В. О. Ключевского (1841–1911), С. Ф. Платонова (1860–1933) и других, теперь уже профессиональных историков. Важная особенность научной интерпретации состояла в том, что в ней не было никакого единства, ибо всякий историк или выстраивал собственную концепцию истории России, или же примыкал к уже суще-

ствующей, развивал и дополнял её. Таким образом, в этот период появляется сразу несколько научных интерпретаций отечественной истории, объединённых только общим методологическим подходом — все они строились на рационалистических, научно-критических началах.

Кроме того, в XVIII — начале XX века существовало несколько *официальных интерпретаций истории*, последовательно сменявших друг друга. Причём они создавались на основе той или иной научной интерпретации, но редактировались в определённом духовно-политическом ключе при непосредственном участии российских императоров (особую заинтересованность в этом проявили в XVIII веке Пётр I и Екатерина II, в XIX веке — Николай I). Наиболее влиятельными нужно признать интерпретацию Н. М. Карамзина, а также официальные интерпретации, предложенные авторами гимназических учебников: Н. Г. Устряловым (курс русской истории, XIX век), Д. И. Иловайским (курс русской истории, вторая половина XIX века), С. Ф. Платоновым (курс русской истории, начало XX века).

После революционных событий 1917 года и установления советской власти создаётся новая, *четвёртая официальная интерпретация отечественной истории* — «марксистская». При этом в СССР изначально были запрещены иные трактовки истории, а их последователи подвергались репрессиям (можно вспомнить печально знаменитое «Академическое дело» 1929–1931 годов, по которому пострадали академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и многие другие историки).

Эта интерпретация основывалась всё на тех же рационалистических началах, но поначалу довела их до абсурда: в первые годы советской власти в интересах подготовки населения к мировой революции предшествующая история России вообще отрицалась или же приобретала причудливые формы, как, например, в сочинениях «главы марксистской исторической школы в СССР» академика М. Н. Покровского. Только в середине 1930-х годов, когда большевистское руководство отказалось от идеи мировой революции и сосредоточило силы на собственной стране, появился госзаказ на разработку концепции отечественной истории. Как следствие, в 1940–1950-е годы массовому общественному сознанию была предложена вполне внятная конструкция под названием «История СССР». Иначе говоря, вновь «сверху» была установлена гегемония одной из возможных интерпретаций истории. Однако нужно иметь в виду, что даже в рамках марксистской идеологии в советской исторической науке продолжались многочисленные дискуссии по различным историческим проблемам, и в целом советские историки внесли весомый вклад в развитие мировой исторической науки, особенно в области экономических и социально-политических исследований.

После распада СССР в России установилась ситуация «исторического плюрализма»: при отсутствии официальной интерпретации сосуществовали и дискутировали между собой различные научные, религиозные, идеологические и даже ненаучно-фантастические¹ интерпретации отечественной и мировой истории. По мнению различных политических сил и общественных движений, «исторический плюрализм» обернулся настоящей «исторической вакханалией», и возникла опасность разрушения единого исторического сознания народа, а значит, угроза существованию народа и государства. Ответом на эти опасения стала так называемая «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», которая должна послужить основой создания комплектов учебников для общеобразовательных школ. Впрочем, в научном сообществе идея разработки новой официальной интерпретации истории была воспринята скептически, а в некоторых случаях — критически. Думается, поэтому и сама «Концепция» получилась очень рыхлой по структуре и противоречивой по содержанию. Таким образом, на сегодняшний день вопрос о разработке новой официальной интерпретации истории России, которая послужила бы дальнейшему существованию и развитию единого исторического сознания народа, остаётся открытым.

* * *

Как можно видеть, споры об истории велись на Руси всегда, с самых стародавних времён. Но периодически удавалось вырабатывать некое единое представление о прошлом, некую признаваемую всеми (или большинством) интерпретацию истории. И затем на основании такой интерпретации прошлого выстраивалось будущее России, а сама эта интерпретация становилась частью общего исторического сознания народа. Со временем появлялась новая интерпретация, которая дополняла, развивала или же заменяла собой предыдущую. Но в любом случае эта интерпретация становилась важнейшим фактором дальнейшего движения России и русского народа по историческим дорогам.

На каких принципах может строиться новая интерпретация истории России? Сегодня принято считать, что единственно верным является научное знание истории, т. е. научная интерпретация, ибо именно научное историческое знание, основанное на критическом осмыслении источников, представляет некое объективное видение исторических событий. Следовательно, научное знание — это вершина исторического сознания народа. Иначе говоря, на первый план выдвигается именно *знание, обоснованное рационалистическими, научными методами.*

¹ Имеются в виду «Новая хронология» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, «Русские веды» А. И. Асова и др.

В подобном убеждении есть большая доля истины, однако не следует думать, что историческое сознание народа можно свести лишь к научному знанию. Всё-таки историческое сознание народа — намного более сложное явление, нежели какая-либо из научных интерпретаций истории. Более того, научное знание и не может претендовать на то, что сумеет вытеснить из исторического сознания народа всякую историческую память. Прежде всего потому, что наука не является обладательницей абсолютной истины, ибо наука — это собрание относительных истин (концепций, теорий, гипотез), каждая из которых основывается на определённой системе рациональных доказательств. Научное понимание любого предмета познания, в том числе и истории, предполагает равноправное существование различных трактовок, различных интерпретаций одних и тех же сюжетов. Вот почему не существует и, скорее всего, даже не может существовать «единственно правильной» и на все века принятой научной интерпретации истории вообще и отечественной истории в частности. Обязательно параллельно или вслед существующей появится другая научная интерпретация, создатели которой будут считать её столь же «единственной» и «правильной». А там и до третьей недалеко, до четвёртой, и так до бесконечности¹.

Собственно, именно так обстоит дело в науке вообще и в исторической науке в частности: одновременно сосуществуют различные интерпретации как всей истории России, так и отдельных исторических периодов, сюжетов, событий, а сама историческая наука — это поле постоянной, непрекращающейся дискуссии. При этом различные интерпретации истории разнятся не только по степени приближения к исторической правде, но и по своим задачам, целям, по уровню общественного влияния и т. д. И по-другому в науке быть не может, да и не должно быть. Наука ведь только предлагает власти и обществу разные решения, разные пути, разные интерпретации прошлого, однако любой более или менее окончательный выбор — за самим обществом и властью. Впрочем, так было всегда, во все времена и у всех народов.

¹ Вообще, нужно чётко разделять три степени условного «искажения» исторической действительности, учитывая ограниченные возможности человеческого познания вообще и исторического познания в частности. Первая степень — это «*интерпретация*», т. е. стремление в наибольшей степени отразить историческую реальность на основе имеющихся различных источников и определённого теоретического осмысления; но при этом сохраняется понимание относительной истинности этой «интерпретации». Вторая степень — «*мифологизация*», т. е. абсолютизация какой-то одной «интерпретации» как единственно правильной, отрицание иных «интерпретаций», стремление утвердить данную «интерпретацию» в качестве общепринятого понимания прошлого. Наконец, третья степень — «*фальсификация*», т. е. преднамеренное и сознательное искажение исторической реальности в политических, научных, групповых или каких-либо иных интересах.

Следовательно, только лишь *рациональное историческое знание* нельзя считать *единственной формой* единого исторического сознания. Но тогда какую именно интерпретацию истории можно рассматривать как основу для сохранения и развития единого исторического сознания народа? В данном случае *главным критерием* является необходимость сохранения и дальнейшего существования народа в истории, а значит, на первый план выходят такие понятия, как субъектность народа в истории, национальный и духовный суверенитет, традиционные ценности, национальная, религиозная, социальная, политическая самобытность и др. В таком случае меняется и понимание самой науки истории. С традиционалистско-консервативной точки зрения история — это наука, раскрывающая смысл исторического развития, а значит, наука о том, как с помощью знания и понимания прошлого устроить жизнь настоящую и будущую во имя жизни вечной.

С этой точки зрения оказывается, что далеко не все интерпретации истории «одинаково полезны». К примеру, одни интерпретации могут служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Другие же, наоборот, своим гиперкритицизмом или же ориентацией на иные, не традиционные для России ценности, могут способствовать дальнейшей атомизации российского населения и разрушению Российского государства.

Есть и ещё один сложный момент. Как уже говорилось, разные интерпретации истории как важнейшие составляющие исторического сознания по-разному влияют на дальнейшее историческое развитие страны и народа. В частности, первые две официальные интерпретации отечественной истории (возникшие в XII и XVI веках соответственно) сыграли выдающуюся роль в истории России, обеспечили идейное и духовно-политическое становление и развитие русского народа и Российского государства. Но обе эти интерпретации не были научными. И первая, и вторая интерпретации истории были построены не столько на фактическом материале (хотя и с использованием определённых фактов), сколько на религиозной истине и исторических мифах, иногда даже созданных русскими любомудрами и затем введённых ими в историко-политический обиход. Например, в начале XVI века усилиями ряда русских мыслителей (по имени мы знаем только одного из них — некоего Спиридона-Савву) была создана мифологизированная версия происхождения династии Рюриковичей от римского императора Августа, которая считалась абсолютной истиной в XVI–XVII веках и даже была перенесена на новую царскую династию Романовых, не имевших к Рюриковичам никакого отношения. Казалось

бы, наши предки сильно погрешили против «исторической правды». Но вот парадокс! Именно эти духовно-политические концепты и историко-мифологические сюжеты стали идейной основой всей будущей Российской империи и идейным обоснованием прорыва России в мировое пространство. Иначе говоря, подобный подход к осмыслению истории и утверждение подобного понимания российской истории в общественном сознании играл немалую, а иногда и решающую роль в мощном поступательном движении России по историческим дорогам.

И наоборот, возникшее в XVIII–XIX веках научное, т. е. «правильное», критическое (иногда — гиперкритическое) отношение к собственной истории, отказавшееся, казалось бы, от исторических мифов, сыграло свою значительную роль в подготовке крушения и Российской империи, и комплекса традиционных русских ценностей в начале XX века. Та же история повторилась и в конце XX столетия: «марксистская» интерпретация истории, при всей своей претензии на научность, оказалась сплошь мифологичной. Но снова парадокс: именно этот советско-марксистский исторический миф в своё время значительно помог социалистическому строительству в России, однако со временем он утерял свои творческие силы и единое историческое сознание советского народа, сформированное марксистской схемой, разрушилось под напором иных научных интерпретаций истории. А вслед тому рухнул и Советский Союз.

Казалось бы, эти примеры доказывают обратное тому, что утверждает автор: научное историческое знание демонстрирует своё громадное преимущество перед мифологичностью традиционного исторического сознания, а значит, в современную эпоху только наука и может служить основой общенародного восприятия прошлого. Но следует иметь в виду, что утверждение истинности одного лишь рационального подхода к изучению истории — это или искренне заблуждение, или же намеренный обман. Заблуждение или обман заключаются в том, что всякая научная интерпретация также не лишена мифологии, тем более если эта интерпретация является частью некой исторической концепции, построенной на определённых религиозно-философских методологических основаниях. А всякая абсолютизация какой-либо одной научной интерпретации истории — это уже целенаправленное создание нового либо возрождение одного из старых мифов.

Иначе говоря, противоречие между традиционным и научным представлением об истории не разрешается в результате победы одной из интерпретаций над другой, потому что в этом случае торжествует лишь какой-то очередной миф, причём с претензией на абсолютное преобладание.

Все эти рассуждения вовсе не означают, что научное понимание истории — это плохо, а мифологическое представление — хорошо (или наоборот). Это всего лишь напоминание о том, что упование на всемогущество науки и человеческого рационального знания вообще, — тоже миф. И ограниченность научного понимания окружающего мира и, в частности, ограниченность научного понимания истории нужно принимать как таковые. Поэтому строго научное представление об истории — это всё-таки дело относительно узкого круга профессиональных историков, которые понимают всю сложность и неоднозначность исторического познания, владеют специальными методами и методологиями и готовы к обоснованной защите своей точки зрения в дискуссиях со своими столь же подготовленными коллегами.

Но если говорить об историческом сознании народа, о том, как себе представляет историю большая часть общества, невозможно обойтись без признания того, что в этих представлениях значимую роль продолжает играть *историческая мифология как важнейшая часть общей исторической памяти*, а значит, и единого исторического сознания. И в этом нет ничего плохого и страшного. Попытаться превратить историческую память в исключительно «научную» — это не только очередной миф, но и разрушение исторической памяти, а значит, уничтожение народа, намеренное разрушение его национальной и духовно-политической идентичности.

Думается, что нынешнее поколение отечественных историков стоит перед необходимостью разработки и создания новой интерпретации русской истории, такой интерпретации, которая смогла бы стать идейной основой возрождения народа, помогла бы народу осознать своё место в новом мировом пространстве и которая была бы основана не только на научном знании, но и на традиционных ценностях русского народа и всех народов России¹.

¹ Вариант такой интерпретации отечественной истории представлен в работах автора: *Перевезенцев С. В.* Россия. Великая судьба. М., 2003; *Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального сознания. М., 2007; *Перевезенцев С. В.* Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII века. М., 2015; *Перевезенцев С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015; а также в курсе учебников для общеобразовательных школ: *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М., 2009; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XVI–XVIII века: Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М., 2010; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XIX век: Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. М., 2011; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XX — начало XXI века: Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2012; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России с древнейших времен до конца XIX века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 2013.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ТЕКСТЫ

1970-е годы в СССР принято считать годами осознанной борьбы гражданских активистов (в то время их называли диссидентами) против существующего тоталитарного режима. Но что означает само понятие борьбы? По всей видимости, систему неких осознанных действий, определяемых чёткими идеями, программными установками, дисциплиной и прочими необходимыми компонентами.

Однако в случае Татьяны Щипковой, если опираться на её воспоминания о жизни, включая пребывание в лагере, более уместно говорить о противостоянии, вызванным её человеческим — морально-нравственным — несовпадением с параметрами существующего строя.

Это можно назвать выпадением из строя, несоответствием ему. Подобное несоответствие вызывало противодействие государственных структур, что и повлияло печальным образом на её судьбу, определив её дальнейшую жизнь. Главным, как можно уяснить из её биографической прозы, для неё была не борьба как таковая, а желание сохраниться в естественном, нравственном и духовном состоянии, которое почему-то не устраивало официальные власти, вызывало с их стороны достаточно активное противодействие.

Сознательной установки на борьбу с тоталитарным режимом у Татьяны Щипковой, как и у её, возможно, в то время неизвестных ей единомышленников, таких как, например, замечательный писатель Леонид Бородин, не было. Само понятие тоталитаризма в их случае представляется не политическим, а скорее эмоциональным, литературным. У них было ощущение, что существующий строй не национален, что он фиксирует и насаждает чуждые народу по духу формы и принципы бытия, что он грозит различными формами катастроф, которые, разумеется, невозможно было предвидеть. Они думали о пробуждении русского самосознания, о формировании, развитии, выколачивании права на существование национального, основанного на принципах православной религии, мировоззрения. Грубо говоря, эти люди хотели жить так. А государство хотело, чтобы они жили по-другому.

Это очень близко к тому, что происходило в то время и происходит сейчас в литературе. Сущность литературы — действие. Писатель пи-

шет, потому что не может не писать. Проблема необходимости литературы сродни проблеме противостояния действительности.

Главное преступление социалистической идеологии заключалось в том, что она подавила естественный национально-государственный патриотизм, свойственный всем людям, народам всех стран, подменив его патриотизмом социальным, то есть преданностью не стране, не народу, а общественно-политическому строю.

В СССР возник новый тип патриота — социал-патриот. Татьяна Щипкова, как философ и преподаватель, работающий со студенческой молодёжью, понимала и предвидела, что как только социал-патриоты разочаруются в идее, в которую они верили, за душой у них не останется ничего, потому что их нормальные человеческие инстинкты окажутся до предела вычищенными официальной пропагандой. Ну, а в пустоту, как известно, всегда вторгается ненависть. Против этой пустоты и ненависти она и пыталась бороться всеми доступными ей не насильственными, а просветительскими методами.

Что означает для молодого человека приобщение к христианству, к православию? Вот как писал об этом Леонид Бородин: «Потом в моей жизни настал момент, когда я стал читать и перечитывать евангельские тексты. Я был поражён глубиной, многозначностью, прозрачностью этих текстов. Я понял: любого, даже самого могучего, такого, как, к примеру, Гегель, философа можно одолеть, постичь. Чтобы постичь тексты Евангелия — человеческой жизни не хватит. Религиозный смысл бытия неизмеримо выше любой, самой отточенной и блестящей философской системы».

Такие люди, как Леонид Бородин и Татьяна Щипкова, видели, что тогдашняя атеистическая пропаганда, в сущности, работала против самой себя. Она была настолько тупа и неграмотна, что влияла только на самых примитивных людей, остальных же отталкивала от атеизма. Отход от атеизма и в то же время неспособность слиться с православием — вот то межеумье, в которое угодило общество. Вывести из него молодые ищущие умы, дать им нравственные ориентиры — на это была направлена педагогическая и просветительская деятельность Татьяны Щипковой.

Она учила молодых людей осмыслению двух абсолютно самоценных и связанных между собой понятий — православной религии и государственности. Она принадлежала к самому, скажем так, непопулярному на Западе и безжалостно преследуемому внутри СССР крылу советского диссидентства — национально ориентированному. Леонид Бородин был освобождён из лагеря только в 1987 году. Он был одним из последних узников, имевших сроки по политическим статьям.

Вот как он сформулировал идейно-политический смысл этого движения: «Я и мои друзья по направлению — Осипов, Огурцов — жили по принципу: неважно, что именно нам противостоит, не в той или иной идее дело. Мы не шли против власти. Власть догоняла нас и была сзади по голове. Мы не сражались с властью, мы несли свои представления внутрь общества. Был, был краткий всплеск национальной мысли и у нас в России, и мы имели реальный шанс сформировать в недрах русско-советской интеллигенции национально мыслящее ядро, тем более что к началу семидесятых навстречу друг другу шли два потока — официальный и подпольный, но, увы, потоки не встретились. “Официалы” не рискнули своей официальнойностью, и потому единственная концепция посткоммунистического государственного строительства России под названием социал-христианства родилась в глубочайшем подполье и оказалась прочно захороненной в чекистских архивах, не получила ни должного осмысления современниками, ни развития, за что и расплачиваемся ныне обилием торопливых и страстных импровизаций. Если бы потоки встретились, если бы на момент перестройки мы имели общественную силу, ориентированную на определённые положительные национальные и государственные ценности, мы бы не проиграли так позорно то, что было нами проиграно. В обществе не оказалось структур, способных сопротивляться распаду».

Современная российская литература до сих пор пожинает плоды этого распада. Восторжествовали не социал-христианские идеи, а самые что ни на есть капиталистические, точнее сословно-олигархические.

Государственно-рыночная машина сегодня не мешает писателям свободно творить, но при этом жёстко контролирует выход тех или иных авторов в лидеры продаж и властители дум.

Писатель, особенно живущий вдали от столиц, не имеет шансов стать сколько-нибудь известным. Сама профессия писателя перестала быть престижной и уважаемой. Заработать на жизнь литературным трудом невозможно. Издатели смотрят на писателя не как на «властителя дум», а как на маргинальную личность, предлагающую ненужные им услуги.

Перед современными российскими писателями сегодня два пути: бороться за свои права или надеяться на счастливый билет, принимать условия игры, когда судьбу литературного произведения решает менеджер по продажам. К сожалению, российские писатели не смогли выступить единым фронтом в защиту творческого труда. Литературное сообщество расслоилось. Единого общероссийского литературного пространства сегодня нет.

Талантливый, а главное не согласный с тем, что Россия — пропащая страна, а русский человек — раб и моральный урод, писатель никогда не войдёт в золотые чертоги славы и тиражей. Все всё видят. Все всё понимают. Но сделать ничего не могут.

Настоящий писатель выносит на суд общества собственную модель мироздания, и общество, как правило, её отвергает, потому что не желает знать правду о себе, страшится её. Серьёзно заниматься литературой сегодня означает быть изгоем. Одного таланта мало, нужны воля и несокрушимая уверенность в том, что твоё слово кто-то услышит, кому-то оно нужно, при ясном понимании того, что, скорее всего, этого не произойдёт. Дорога продвижения талантливого текста к читателю надёжно заблокирована. Что остаётся талантливому писателю, не вписавшемуся по идейным или морально-нравственным соображениям в рынок? В лучшем случае — журнальная или сетевая публикация, книжное в несколько сот экземпляров издание без гонорара, а то и за собственный счёт. Заниматься литературой сегодня означает жить внутри противоречия, которого окружающие люди не понимают. Но оно наполняет жизнь писателя жертвенным смыслом.

Государство не заинтересовано в просвещении граждан, поднятии их культурного уровня, скорее, наоборот, оно заинтересовано в низведении их в состояние «выученной беспомощности», тупого созерцания бездарных сериалов, телевизионных ток-шоу и «прямых линий» с добрыми обещаниями и мгновенными решениями избранных проблем.

Это только кажется, что у государства нет идеологии. Она есть. Власть, в том числе и через литературу, даёт чёткий социальный заказ на нужный ей образ. И телевидение, театры, отмеченные премиями авторы исполняют этот заказ, ваяют нужный образ.

Русский писатель опирался в своём творчестве на национальные культурные традиции, православную этику, историю страны. Советский писатель вынужденно делал упор на классовую мораль, примат общественного над личным, творил по законам соцреализма. Литературный процесс в дореволюционной России носил социально-общественный, гуманитарно-просветительский характер, был идейно направлен против «царящего», как писали в то время, зла.

В СССР литературный процесс был ритуально идеологизирован, подведён под марксистско-ленинские скрижали. Но поскольку литература в те годы была одной из главных форм общественной коммуникации, критические баталии, например между сталинистами (журнал «Октябрь»), либералами («Новый мир») и славянофилами-почвенниками («Молодая гвардия»), велись на достаточно высоком интеллектуальном уровне и с искренним гражданским пафосом.

Сейчас много говорят и пишут о так называемой «русской партии» в политике и идеологии. Да, действительно в начале 1970-х годов в журнале «Молодая гвардия» публиковались статьи Виктора Чалмаева, Михаила Лобанова, Сергея Семанова, Вадима Кожинова, Петра Палиевского, Олега Михайлова, Юрия Селезнёва, в которых высказывались мысли, частично противоречащие официальной марксистско-ленинской идеологии. Именно о них — официальных приверженцах национальных и православных традиций России — и говорил Леонид Бородин. Но это длилось недолго. Журнальную «вольницу» прихлопнули. Наибольшим рвением в борьбе с так называемым «русизмом» в то время отличился будущий генеральный секретарь Юрий Андропов. Именно тогда, по всей видимости, и были приняты долгосрочные решения о том, как и на каких условиях страна должна интегрироваться в мировое сообщество.

Ну, а что происходит сегодня в литературе и культуре, всем очевидно. Не буду говорить о кино, театре и телевидении. Скажу только о книге. Сегодня мы переживаем трагедию книги — вечного друга, учителя и спутника человека. Если представить себе культурный процесс в виде пирамиды, то во все времена вершину этого процесса венчала книга.

Книга последовательно и системно вытесняется из культурного обихода современного человека. Сокращается количество книжных магазинов. В России уже появилось немало районных центров, где вообще нет ни одного книжного магазина. Повсеместно под видом оптимизации закрываются библиотеки. Книги сегодня, как правило, издаются крохотными тиражами, что приводит к их безмерному удорожанию и делает их практически недоступными для людей со скромным достатком, к которым без преувеличения можно отнести 90% населения России. В современных квартирных интерьерах вообще не предусмотрены места для хранения книг. Книжный шкаф, как и книжная полка, становятся таким же раритетом, как комод или ломберный столик.

Можно говорить о том, что воспитывается новое поколение людей, принципиально не понимающих ценности и значения книги. Эти люди, в соответствии с доктриной либерализма, должны получать эмоциональное удовольствие не от чтения книг и сопереживания их героям, а исключительно от потребления материальных и прочих благ, в список которых не входят культурные и духовные ценности. На смену советскому социальному патриотизму пришёл капиталистический безнациональный потребительский патриотизм.

Так что те проблемы, которые видела и пыталась на своём уровне решать Татьяна Щипкова в 1970-е годы, перешли в новое измерение. И от того, удастся ли их решить, зависит будущее России.

В. А. Щипков

*кандидат философских наук, доцент кафедры
международной журналистики МГИМО МИД России,
директор Русской экспертной школы*

ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Уважаемые участники словесно-исторических научных чтений!

Для меня большая честь выступать на смоленской земле. Она родная для нашей семьи и моих предков. И ещё я испытываю чувство особой ответственности, выступая на конференции, посвящённой филологу и преподавателю Татьяне Николаевне Щипковой, потому что являюсь её внуком и ношу её фамилию.

Наши Чтения посвящены образовательным, научным и культурным процессам, которые происходили во второй половине XX века и которые до сих пор продолжают влиять на развитие гуманитарного пространства России.

Я предлагаю посмотреть на них с точки зрения общего культурного контекста XX века.

В 1960-е годы философия и смысл жизни на Западе сводились к положению о том, что либеральные ценности обслуживают рынок, а рынок укрепляет эти ценности. Этим взаимовыгодным отношениям уже не нужно было конструировать никакие доказательства и идеи, всё уже было сформировано, поэтому закончилась эпоха философии, и началась эпоха технократической социологии. Возник смысловой и духовный вакуум. Чтобы политические и духовные искания не привели молодёжь к прокоммунистическим и антикапиталистическим настроениям, философами, обслуживавшими рыночную элиту, был предложен постмодернизм. Была создана культурная индустрия, маскирующая бесцельность под вседозволенность. Молодёжи разрешили наслаждаться бессмысленностью существования, жить в состоянии гламурного бунта против любой иерархии — и политической, и морально-нравственной. И при этом не получать в свой адрес осуждения. Так был придуман главный лозунг культурной революции конца 1960-х — «Запрет запрещать!». Постмодернистский бунт был системным, он был встроен в рыночную систему — отражался и поддерживался в фильмах, музыке, одежде, и в конечном счёте — в моделях социального поведения, во многом антихристианских, антисемейных и постгуманистических.

Идеи постмодернизма отчасти просачивались в Советский Союз, но лишь косвенно. Это проявлялось в интересе к западной музыке, атрибутике хиппи, авторскому кино, ко всему «альтернативному». Но по-настоящему массовым и революционным этот интерес не был. Поэтому культура советских шестидесятников с её лирикой и романтизмом лишь отдалённо и с большой натяжкой напоминает постмодернистскую вакханалию западной культуры той эпохи. В целом советская цензура тормозила проникновение в советскую реальность постмодернистских черт. Советская власть на всесоюзном уровне методично воспроизводила ценности классического секулярного модерна, на котором основывалась с самого своего начала советская жизнь.

Русская культура, временно подчинённая советской форме, находилась в то время в крайне тяжёлой ситуации. С одной стороны, на неё давила индустрия советского секулярного модерна, которая отрезала от неё большую часть традиции, многовековые религиозные модели поведения, которые были органичны народу. С другой стороны, перед ней предстал и сытый, заманчивый, но агрессивно нигилистический постмодернистский Запад, свободная жизнь которого выглядела привлекательной, но не могла дать фундаментальные ответы на вопросы о собственной идентичности, собственной истории и целях жизни народа.

Таким образом, советский секулярный модерн, за которым стоял мощнейший в мире советский государственный аппарат, столкнулся со стеной нигилистического антисоветского, но не менее секулярного постмодерна, за которым стояла ещё более грозная сила глобальной массовой культуры. Между ними возникло напряжение, готовое взорваться от искры.

Такой искрой стал религиозный поиск, который возник в СССР в 1970-е годы, когда у разных людей возник интерес к церкви, православию и религиозной жизни. Свидетелем этого была Татьяна Николаевна и мои родители. Именно в этом локальном процессе в СССР началось рождение того состояния культуры, которое сегодня всё чаще называют постсекулярным.

Постсекулярный поворот, который начался в умах и душах многих советских людей, по своей природе был неполитическим, — не антисоветским и не антикапиталистическим. Этот запрос с самого начала был обращён к самому историческому процессу, к идеологии «современности», модернизи, которая существует 600 лет. И если постмодернизм не бросал вызов секулярной клетке, пытался создать иллюзию того, что в ней можно чувствовать себя свободно и полноценно, если затуманить голову, то советские люди с самого начала пытались пере-

осмыслить секулярность как таковую — как базовую, фундаментальную основу всей культуры современности.

Европейская философия и гуманитарная наука, глобализировавшая мир, последние 600 лет находились в состоянии, когда о религиозном нельзя было говорить напрямую, непосредственно. Говорящий был поставлен в особые условия, в так называемое научное, светское, общее для всех и нормативное пространство, по отношению к которому религиозные темы, а тем более проблема религиозной аксиологии и принципов веры (догматики) являлись бы внешними, были бы вопросами личного предпочтения, которые не оказывают непосредственного влияния на его выводы. Само это общее пространство подразумевало для всех особую методологию со своим специфическим языком. Оно создавало особые модели знания (например, позитивные, аналитические или структурные), при которых проблема божественного и непознаваемого была бы незначимой: в одинаковой степени могла бы как учитываться, так и выноситься за рамки речи (то есть маргинализироваться) или вовсе отсутствовать в ней (то есть игнорироваться).

Проблема заключалась в том, что в этих условиях передача социального опыта, всегда связанного с фундаментальными религиозными ценностями, не могла осуществляться непосредственно, с опорой на окружающую культуру. До XX века ещё можно было публично апеллировать к религиозному опыту народа, но нельзя было строить на этом опыте свою аутентичную социальную реальность, отличную от либеральной и модернистской. Традицию лишали самостоятельности и отводили ей роль незначительной, стилевой и популистской надстройки над идеологическим фундаментом — социальной теорией и рыночной экономикой. Она лишалась права публично использовать систему аргументации с опорой на теологические аргументы, должна была пользоваться существующими философскими и общественно-политическими концепциями, то есть играть по правилам, разрешённым самой новоевропейской секулярной философией.

Постсекулярное направление открывает дискуссию о природе секулярного и таким образом автоматически снимает неприкосновенность с обсуждения фундаментального принципа современности — тотальной имманентности знания и ценностей. В этом смысле постсекулярное направление ставит целью не отрицание современности как таковой, а определение границ этого исторического проекта, рассмотрение его базовых оснований, снятие запрета на дискуссию о его альтернативах.

На Западе, где религия была полностью разрешена, в то время проходили совсем другие процессы — в 1960-1970-е годы в западной гума-

нитарной науке началось новое активное продвижение старой теории секуляризации, согласно которой любое общество, идущее по пути модернизации, то есть развивающее либеральную демократию и рыночную экономику, однажды обязательно станет секулярным, то есть откажется от религии и Бога; и тогда же в католической церкви провели Второй Ватиканский собор, который фактически объявил о своей верности этой теории и на годы вперёд расписался в бессилии перед радикальным секуляризмом. Первые попытки подойти к постсекулярной проблематике на Западе начались только в 1980-е годы, продолжились в 1990-е, и лишь после террористической атаки на башни-близнецы в 2001 году главные философы-идеологи типа Хабермаса и Бергера объявили, что их теория секуляризации во многом ложная и не справляется с ответами на проблемы, стоящие перед глобальным западом. Сегодня в науке это уже стало общим местом.

Главное в постсекулярности — это процесс освобождения теологического мышления, констатация теологичности любого знания. Речь идёт не столько о возвращении теологии в ряд научных дисциплин, сколько о конце иллюзии о внетеологичности гуманитарного знания. Этот подход ведёт к признанию, что между всей гуманитарной мыслью и теологией существует постоянная связь. Кроме того, он позволяет использовать теологические аргументы в социально-политических дискуссиях. При этом происходящий постсекулярный поворот свидетельствует не о победе неких постсекулярных ценностей, а об изменении правил дискуссии.

Пока постсекулярное направление будет наращивать своё влияние, предметом главного спора будет не теория познания, логическая или эмпирическая истинность тех или иных суждений, а снова, как в Средние века, теологические вопросы о высших ценностях и должных взаимоотношениях человека с ними. Разные характеристики этих ценностей, с опорой на разные этические и религиозные системы, будут в обозримой перспективе вести к появлению разных «постсекулярностей» и, следовательно, различных моделей научного знания и социально-политических проектов. Социальные и философские науки вновь будут становиться теологией.

В России этот процесс развивается по собственному вектору. Он начался в 1970-е годы, задолго до современного разговора о постсекулярности. Он решает не политтехнологические, а сотериологические задачи. И накопленный опыт позволяет ему рассматривать не культуру и религию как подсистему социального, а социальное рассматривать как подсистему богословского. Поэтому русской гуманитарной науке есть, чем заниматься и что отстаивать на этом поприще.

ТРАДИЦИИ И СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СГПИ — СГПУ — СМОЛГУ

Перефразируя известное выражение, относящееся к одному из периодов развития русской литературы: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”», — скажу, что мы — и бывший факультет русского языка и литературы, и факультет иностранных языков — вышли из историко-филологического факультета Смоленского государственного педагогического института (СГПИ). Связь наших факультетов — нынешнего филологического и факультета истории и права — по-прежнему крепка, о чём свидетельствуют проводимые сегодня словесно-исторические чтения, посвящённые 90-летию юбилею Татьяны Николаевны Щипковой.

В советские времена исторические факультеты в вузах считались «идеологическими», инязы всегда были фрондой, литфаки занимали промежуточное положение между ними. При этом каждый факультет, отличаясь от других «лица необщим выраженьем», не отворачивал своего лица от партнёров. Так, в *период СГПИ* выпускники получали профессии учителя русского языка, литературы и истории, учителя истории и английского языка, учителя иностранного и русского языков.

Нужно сказать, что филологические традиции в нашем вузе закладывались в первую очередь преподавателями — выпускниками лучших вузов страны: МГУ, ЛГУ, Московского педагогического института, Московского института иностранных языков, Ленинградского педагогического института, вузов Перми, Горького, Томска, Куйбышева, Киева. Подавляющее большинство приехавших в Смоленск преподавателей имело учёные степени, звания, и в те годы таким специалистам были бы рады многие высшие учебные заведения страны. Чем мог привлечь их Смоленск? Вот несколько, на наш взгляд, лежащих на поверхности причин. Во-первых, Смоленский пединститут был на хорошем счету у профильного министерства (несколько раз вузу вручалось переходящее Красное знамя). Во-вторых, молодые преподаватели ехали в город с богатым историческим прошлым. В-третьих, Смоленск не был глухой провинциальной глубинкой, здесь был драматический театр с более чем вековой историей (в настоящее время Смоленскому государственному драматическому театру им. А. С. Грибоедова более

200 лет). Кроме того, город расположен недалеко и от Москвы, и от Минска, так что можно приобщаться к культурной жизни не только одного региона, но и всей страны.

Представляется, что самым важным критерием было всё-таки наличие работы, возможность получить жильё. Но вот что было характерно для выбравших Смоленск: они крайне редко употребляли слово «работать», заменяя его глаголом «служить». И служили, говоря словами А. С. Грибоедова, «делу, а не лицам». Поражает то, как много они успевали: занимаясь самообразованием, правильнее сказать — самосовершенствованием, вовлекали в этот процесс и студентов. Интерес к театру, например, проявлялся не только в выходах в Смоленский драматический театр и поездках на спектакли в театры Москвы, но и в создании студенческих театральных коллективов, в чём особенно преуспел иняз. Эта традиция и сейчас жива на филологическом факультете, только она вышла за факультетские рамки и стала номинацией ежегодного университетского студенческого фестиваля. Киноклубы, клубы интернациональной дружбы, поэтические студии (одна из которых называется «Персоной» и насчитывает почти 30 лет своей деятельности), а в учебном процессе многочисленные спецкурсы и спецсеминары, расширяющие кругозор студентов в разных гуманитарных областях. Кстати, кафедра французского языка ещё очень долго предлагала студентам разных факультетов спецкурс «Латынь и античная культура», который читала Т. Н. Щипкова. Традиция чтения курсов по мировой художественной культуре продолжается и в наши дни, возможно, уже не так широко, но настолько, насколько это позволяют бесконечно меняющиеся стандарты и учебные планы.

Однако самая важная для факультета традиция — это деятельность научных школ и вовлечение в науку молодых исследователей разных возрастов. Этот процесс начинается на первом курсе с научной конференции «Дебют» (заслуга кафедры литературы и журналистики), продолжается исследованиями и выступлениями на конференциях старшекурсников, магистрантов и аспирантов.

К переименованию педагогического института в *педагогический университет* факультет подошёл со своим диссертационным советом. С 1990-х годов выпускники СГПИ — СГПУ — СмолГУ стали получать учёные степени кандидатов и докторов филологических наук в собственном диссовете Д 212.254.01.

Переход в статус педагогического университета ознаменовался открытием на факультете новой специальности — «Журналистика». Её появление позволило в некоторой степени решить проблему профессиональных журналистских кадров в регионе. Забегая вперёд,

скажу, что журналисты по-прежнему востребованы на рынке труда Смоленской области. А перед нами встаёт новая проблема — нехватка кадров высшей квалификации для подготовки будущих журналистов.

В 2005 году наш вуз стал «классическим» университетом, и на инязе стали готовить специалистов-переводчиков. В настоящее время этот профиль работает по программе как бакалавриата, так и магистратуры.

Общие научные интересы, совместные научные конференции, проводимые на базе СмолГУ, диссертационный совет, в котором защищаются диссертации по русскому и германским языкам, по литературе, — всё это в первую очередь способствовало объединению двух факультетов в один, и с 1 февраля 2012 года в Смоленском государственном университете функционирует филологический факультет с двумя отделениями, которые мы условно именуем славянским и романо-германским.

Сегодня — наряду с обучающимися из России — высшее образование на филологическом факультете по программам бакалавриата получают студенты из Республики Беларусь, Украины, Молдовы, Литвы, Казахстана и Туркменистана. В магистратуре по направлению «Филология» учатся студенты из КНР, Италии, Польши. Наши студенты имеют возможность в рамках программы ERASMUS+ в течение одного семестра проходить обучение в вузах Польши (бакалавриат). На факультете работают приглашённые преподаватели из Германии, Польши, Америки. Примерно третья часть кадрового состава факультета прошла профпереподготовку по преподаванию русского языка как иностранного. Это направление пользуется особым спросом не только у представителей стран ближнего и дальнего зарубежья, но и у студентов филологического факультета всех направлений подготовки.

Главной же традицией, которая связывает нас с прошлым и позволяет уверенно глядеть в будущее, является наука: 94% преподавателей факультета имеют учёные степени и звания, на шести кафедрах работают 19 докторов наук, профессоров. Шесть человек защитили докторские диссертации уже после 2012 года, то есть после создания объединённого филологического факультета, четыре докторские диссертации из указанных шести были защищены в диссертационном совете СмолГУ.

На факультете проводятся всероссийские и международные научные конференции, по результатам их работы издаются сборники статей. Многие из них индексируются в РИНЦ. Разве можно было представить в те годы, когда в институте работала Т. Н. Щипкова, что у нас будет проводиться международная научная конференция «Авраамиевская седмица»?!

Научные филологические школы, фундамент которых был заложен ещё в СГПИ докторами наук, профессорами В. С. Баевским, Э. М. Береговской, Г. Г. Сильницким, В. В. Ильиным, Я. Р. Кошелевым, Е. Н. Борисовой, пополняют свои ряды новыми исследователями.

В настоящее время уже ученики наших дорогих наставников продолжают их благородные начинания и основывают новые научные школы: квантитативной лингвистики (В. С. Андреев, А. Г. Сильницкий); точных методов исследования в филологии (И. В. Романова, Л. В. Павлова); ономастики и топонимики (И. А. Королёва, В. С. Картавенко, Н. А. Максимчук); когнитивной лингвистики (Р. В. Белютин).

Сегодня факультет живёт насыщенной научной жизнью, успешен в учебной и внеучебной деятельности, а лучшим доказательством его успехов является востребованность у абитуриентов тех специальностей, по которым ведётся подготовка на очном, заочном и очно-заочном отделениях факультета.

А. Д. Гронский

*кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских исследований Национального исследовательского
института мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова Российской академии наук,
секретарь Учёного совета Минской духовной академии
им. Святителя Кирилла Туровского*

«СВОИ» И «НЕ СВОИ» ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Обоснование существования государства и государственного суверенитета как высшей национальной ценности иногда является для правящей элиты первостепенным видом деятельности. В первую очередь это касается молодых локальных государств, возникших не так давно и пока ещё ищущих свою стабильную идеологию. В периоды кризисов и внешних вызовов, когда государство оказывается неспособным обеспечить надлежащий социально-экономический уровень развития, власти, апеллируя к нации, используют мобилизационные лозунги, отсылающие к преодолению трудностей или сопротивлению ситуации. Помимо властей этим могут заниматься и другие политические силы.

Представление о войнах, а также восстаниях и даже отдельных сражениях в истории государства или истории территорий, на которых сегодня располагается государство, выполняет важную идеологическую функцию — оно формирует рамку патриотизма, на примере подвигов героев предлагает условные сценарии поведения в проблемных ситуациях, создаёт образ трагедии жертв военных конфликтов, вызывая эмоции мести или переживания горя. Однако далеко не каждая война имеет идеологический потенциал для эксплуатации политическими силами. Особенно это относится к войнам, проходившим на территории нынешнего государства в то время, когда это государство ещё не существовало. В таком случае приходится применять некоторые допущения для того, чтобы присвоить современным государствам или политическим силам события прошлого. Такие присваивания часто можно обнаружить в националистических идеологиях. Так, русско-польские войны раннего Нового времени в Белоруссии заинтересованные силы преподносят как белорусско-русские войны, на Украине — как украинско-русские войны. Это происходит лишь потому, что тер-

ритории нынешних Украины и Белоруссии частично или полностью находились в составе Польши. То, что эти территории не имели собственной этнической и национальной субъектности, эксплуататоров национальной версии прошлого не слишком волнует, а некоторые из них свято верят в истинность именно национальной версии истории.

Войны составляют огромную часть исторического прошлого большинства современных государств. Естественно, что в современных идеологических конструкциях прошедшие войны занимают значимую часть дискурса. Трагедии, связанные с ведением боевых действий на определённых территориях, можно использовать не только как урок того, что это не должно повториться, но и для создания комплекса жертвы и дальнейшей мобилизации нации под лозунгами реванша пережитой трагедии. Также в идеологическом конструировании используются примеры из былой боевой героики, которые иллюстрируют борьбу прошлых поколений за независимость своей страны. Однако не все войны, которые проходили на территории, занимаемой в данный момент определённым локальным государством, можно рассматривать как потенциальные примеры героизма своего народа для защиты своего государства. Некоторые войны и отдельные сражения отлично укладываются в нынешний политико-идеологический дискурс современных государств, в других очень сложно найти хотя бы отдельные элементы, способные героизировать прошлое для подтверждения нынешнего суверенитета. Отсюда можно сделать вывод, что все войны с точки зрения национального идеологического дискурса можно разделить на «свои» или «не свои». Стоит дать определения этим двум понятиям.

«Своя» война — война, восстание или отдельное сражение, которые можно определить как войну своего народа с собственными врагами. Целью придания событию черт «своей» войны является эксплуатация данного факта для потребностей национального / националистического дискурса.

«Не своя» война — война, восстание или отдельное сражение, не имеющие потенциала для поддержания национального / националистического дискурса.

Если говорить более просто, то «своей» войной можно гордиться как национальной, а по отношению к «не своей» такой гордости не возникает.

Понятие «своей» войны актуально не только по отношению к событиям, происходящим на территории, признаваемой своей, но и за её пределами. В таком случае пропаганда показывает героическую роль «своих» солдат или повстанцев в событиях, происходящих за пределами «своей» территории. «Не своя» война актуальна только для

тех событий, которые протекают на «своей» территории. Поскольку, если война за пределами «своей» территории не может похвастаться наличием «своих» героев, тогда такая война попросту игнорируется в нациестроительном дискурсе. А вот если война протекает на «своей» территории, но при этом нет возможности объявить какую-либо из воюющих сторон «своей», такая война переходит в категорию «не своих» войн. Так как война происходила на «своей» территории, она актуальна для создания повествования о собственной истории, но по причине отсутствия в рядах противоборствующих сторон «своих национальных» героев в современном понимании события войны рассматриваются как не способствующие развитию национального дискурса. В результате такие войны воспринимаются как трагедия народа, а пристальное идеологическое внимание уделяется страданиям местного населения, т. е. «своего» народа.

Для белорусской истории «своими» войнами можно считать битву на Немиге 1067 года, Грюнвальдскую битву 1410 года (произошедшую в рамках Великой войны 1409–1411 годов между Польшей и Литвой с одной стороны и Тевтонским орденом с другой), польское восстание 1863–1864 годов (которое в Белоруссии не называют польским), Великую Отечественную войну и др.

Соответственно, «не своими» войнами представляются следующие: Северная война 1700–1721 годов, Отечественная война 1812 года (которая в Белоруссии даже перестала называться Отечественной, но полностью вытеснить наименование войны Отечественной так и не удалось), Первая мировая война и др.

Стоит кратко рассмотреть примеры «своей» и «не своей» войн на белорусском материале. Итак, «своей» войной считается Польское восстание 1863–1864 годов. Это восстание стало настолько «своим», белорусским, что иногда отрицается даже его польская составляющая. Так, в белорусском историко-политическом дискурсе это восстание по привычке иногда называется восстанием Кастуся Калиновского, который не входил в центральное руководство восстанием, а был (да и то не всё время восстания) руководителем повстанцев в Северо-Западном крае, т. е. лишь на части территории, охваченной восстанием. Иногда восстание именуется более корректно — восстанием 1863–1864 годов на территории Польши, Литвы и Белоруссии.

Мне пришлось выслушать объяснение одного из коллег о том, почему это восстание должно называться восстанием в Польше, Литве и Белоруссии, а не польским восстанием. Смысл объяснений был следующий: если восстание назвать польским, тогда теряется присутствие белорусского элемента в восстании, а если указывать регионы

распространения восстания, тогда есть хоть какая-то привязка к территории, в том числе и к белорусским землям. Таким образом, даже если не говорить о национальном составе повстанцев, большинство будет воспринимать восстание как в том числе и белорусское, поскольку оно было и в Белоруссии. Кроме того, данное восстание в белорусской традиции изучается не во всех региональных проявлениях: рассматриваются лишь события, происходившие на территории, которую воспринимают как Белоруссию XIX века, т. е. на территории современной Белоруссии и части Виленской губернии (нынешняя Литва). Таким образом, территория восстания искусственно ограничивается и становится меньше даже той, которую контролировал «белорусский национальный герой» Кастусь Калиновский¹. Не учитываются такие территории Северо-Западного края, как Ковенская губерния и большая часть Виленской. В этих регионах восстание было намного мощнее, но по причине того, что в таком контексте белорусские события будут смотреться блекло, про литовскую часть Северо-Западного края Российской империи белорусские учёные попросту не говорят.

В качестве примера «не своей» войны можно привести Отечественную войну 1812 года. В Белоруссии постепенно пытаются убрать слово «Отечественная» из названия войны, называя её русско-французской войной или просто войной 1812 года². Очень чётко это прослеживается в школьных учебниках³. Если в последние годы существования СССР учебники по белорусской истории трактовали данную войну как «справедливую, освободительную, Отечественную»⁴, то с 2011 года учебники попросту убирают слово «Отечественная». Более того, в нынешнем обзоре той войны убирается даже упоминание о партизанских отрядах. В учебнике говорится о том, что белорусские крестьяне создавали всего лишь отряды самообороны и лишь для того, чтобы защи-

¹ Анализ деятельности и механизм создания из Константина Калиновского «белорусского национального героя» см. здесь: Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В. К. Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М.: Индрик, 2008. С. 253–265.

² Критику этого см. здесь: Гронский А. Д. Проблема интерпретации Отечественной войны 1812 г. в Белоруссии. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб.: Издательство СПбГУТД, 2012. С. 14–29.

³ Например, см. учебник: Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. 2-е выданне, дапоўненае і перагледжанае. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. С. 15–22.

⁴ Баранова М. П., Загорульский Э. М., Павлова Н. Г. История БССР: Учебник для 8–9-х классов средней школы / Под ред. Э.М. Загорульского. 2-е изд. Минск: Народная асвета, 1990. С. 138.

тить от французских мародёров своё имущество. В партизанских действиях отказано не только белорусским крестьянам, но и армейским летучим отрядам¹. О них тоже не упоминается как о партизанских. Но говоря об антироссийской деятельности помещичьих отрядов после польского восстания 1830–1831 годов (отряды из крестьян помещика Михаила Воловича), такую деятельность называют партизанской². Также методы партизанской борьбы находят в антироссийских действиях инсургентов во время польского восстания 1863–1864 годов³.

Видимо, причиной этому является положительная коннотация слова «партизан» в современном белорусском массовом сознании. В первую очередь это связано с памятью о советских партизанах периода Великой Отечественной войны. Партизанские действия подчёркивают тот факт, что борьба становится делом не только армии, но и всего народа. Таким образом, партизанская война воспринимается как подтверждение массового сопротивления врагу. В итоге получается, что слово «партизан» и его производные подчёркивают «национальность» сопротивления, его народный характер. Стоит напомнить, что партизанскими школьный учебник называет только антироссийские выступления, а выступления против врагов России определяются как попытки защитить своё имущество от разграбления. Хотя в данном примере интересно то, что понятие «партизан» стало обозначать сопротивляющееся в тылу гражданское население лишь с 20-х годов XX века. До этого партизанами назывались только армейские отряды, действующие в тылу.

Интересно, что в учебнике по истории Белоруссии, выпущенном в 2018 году, война 1812 года снова получила название Отечественной⁴.

Однако понятие «своей» или «не своей» войны не всегда зафиксировано по отношению к определённым событиям. Иногда становится необходимым поменять представления о роли «своих» в войне. В таком случае всегда есть возможность переформатировать «не свою» войну в «свою» войну, и наоборот. Надо только расставить акценты, навязать представление о том, что народ воевал по другую сторону фронта или вообще не воевал, а только страдал от всех воюющих сторон.

Например, в современной Белоруссии наблюдались одиночные попытки сделать «своей» Первую мировую войну. Это не тенденция, это только прикидки, но они очень показательны. Например, в 2014 году некоторые белорусские чиновники говорили, что солдаты Русской императорской армии, погибшие на белорусской земле в Первую миро-

¹ Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 12.

вую войну, воевали за суверенитет Республики Беларусь. Хотя между событиями Первой мировой и появлением суверенной Белоруссии стоит не один десяток лет, тем не менее, именно такие штампы пытаются закрепиться в общественно-политическом дискурсе современной Белоруссии. Но всё же Первая мировая практически всегда воспринимается как «не своя» война.

Нужно заметить, что в представлении о «своей» войне далеко не всегда наблюдается искусственность. Есть ряд событий, которые в массовом сознании оцениваются как «свои». Такие сюжеты истории являются причиной гордости за своих предков, и для того, чтобы их воспринимали как «свои», не нужно совершать каких-либо интеллектуальных или не очень интеллектуальных потуг. Например, для России — это однозначно Отечественная война 1812 года, от которой в Белоруссии (в то время — части России) пытаются откреститься.

Таким образом, исторические события, связанные с гордостью за подвиг своих предков или с переживанием трагедии проигрыша, всегда используются для конструирования представлений о «своей» войне, которая используется в качестве материала для формирования представления о собственном историческом прошлом. Следует учитывать, что представления о «своей» войне могут формироваться и без влияния заинтересованных лиц. Например, для России и Белоруссии «своей» является Великая Отечественная. Однако по отношению к ней возникает следующая проблема — вопрос о том, кто внёс больший вклад в победу. К сожалению, в Белоруссии этот вопрос решается способом инкапсуляции, т. е. белорусское представление о Великой Отечественной войне формируется без учёта того, что существовало за пределами республики. В качестве примера можно привести цитаты из интервью одного белорусского депутата. 9 мая 2013 года он сказал: «Горжусь тем, что именно на нашей земле был дан решающий бой фашизму»¹. Из интервью следует, что под «нашей землёй» имеется в виду не СССР, а именно Белоруссия. Тогда возникает вопрос, что же считать «решающим боем» Великой Отечественной войны. Если штурм Берлина в мае 1945 года, тогда это территория Германии, если коренной перелом в войне, тогда это территория нынешней Российской Федерации. В Белоруссии, естественно, проходили тяжёлые бои, но решающими, перевернувшими ход войны, их назвать нельзя. Ведь оборона Брестской крепости, несомненно, героический подвиг, но он не решил исход кампании — немецкие войска по-

¹ Девятковский В. Горжусь тем, что именно на нашей земле был дан решающий бой фашизму // Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА). URL: <https://www.belta.by/opinions/view/gorzhus-tem-chto-imenno-na-nashej-zemle-by-dan-reshajuschij-boj-fashizmu-2214> (дата обращения: 16.01.2020).

шли дальше на Восток. Талантливо разработанная и исполненная операция по освобождению Белоруссии, получившая название «Багратион», протекала летом 1944 года, когда было ясно, что Германия проигрывает. То есть данная операция не была решающей для победы в войне, но, несомненно, она внесла в победу очень весомый вклад. И ещё одна цитата: «Именно на белорусской земле фашисты встретили ожесточённое сопротивление. Белорусы отдали несколько миллионов жизней не только за свою свободу, но и за свободу соседних государств»¹. Если «именно на белорусской земле», то что же было на небелорусских землях? Сопротивления не было или оно было не таким ожесточённым? А по поводу отданных за свободу соседних государств белорусских жизнях, всё так. Солдат, в графе «национальность» у которых было записано «белорус», погибло много. Но надо помнить, что помимо белорусов свои жизни отдавали и представители других народов Советского Союза. Кстати, если использовать простую логику, тогда можно выяснить, что Белоруссию в 1944 году освобождали в большинстве своём не белорусы. Ведь большинство призванных до войны в Красную армию были не белорусами. Хотя бы потому, что Белоруссия — не такая большая по территории как, например, РСФСР и, соответственно, в Белоруссии меньше населения. Следовательно, меньше и мужчин призывного возраста. Во время войны Белоруссия была оккупирована, поэтому не могла поставлять новобранцев в Красную армию, а вот РСФСР, Закавказье, Средняя Азия поставляли новобранцев в течение всей войны. Но, тем не менее, освобождение Минска 3 июля 1944 года попало в «топ-10 побед белорусского оружия» и список «величайших побед белорусов»². Также в «победы белорусского оружия» вошли битвы, которые проходили в то время, когда белорусы как этнос вряд ли существовали вообще. Туда же вошла битва под Оршей 1514 года, когда «белорусские» войска победили московские. Хотя в «белорусском» войске были в основном польские полки. Также сейчас уже доказано, что данные о количестве московских войск были завышены ради того, чтобы усилить эффект от победы³, но фальшивые

¹ Девятковский В. Указ. соч.

² Топ-10 побед белорусского оружия. Величайшие победы белорусов // GOVORIM. BY – первый портал белорусских городов. URL: <http://govorim.by/strana-belarus/3151-top-10-pobed-belorusskogo-oruzhiya.html> (дата обращения: 17.01.2020).

³ Критику мифа о «победе белорусских войск над превосходящими силами русских» см. здесь: Амбражевич Н. Оршанская битва 1514 года: военно-исторический аспект // Научно-просветительский интернет-портал «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/63-1514.html> (дата обращения: 16.01.2020); Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии в битве под Оршей 1514 года // Научно-просветительский интернет-портал «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/380-1514-50.html> (дата обращения: 16.01.2020).

цифры до сих пор в ходу. Кроме того, «величайшей победой белорусского оружия» считается бой под Миловидами в 1863 году, когда польские повстанцы, сражавшиеся за восстановление Польши, заставили отступить русский отряд, который был меньше по численности¹, хотя и имел при себе артиллерийские орудия. Правда, не очень эффективные, потому что повстанцы скрывались за завалами из деревьев. В итоге к вечеру русские отошли, а повстанцы ночью также отошли, причём, если русские отошли в полном порядке, то повстанцы, скорее всего, бежали, поскольку оставили в лагере не только имущество, но и раненых, а убитых большей частью затопили в ближайшем болоте, а не похоронили. Миф о «победе белорусского оружия» раздут ещё и завышенными цифрами русских потерь. По польским данным, со стороны русских погибло 240 человек, по русским рапортам — девять человек погибло и один умер от ран². В «Топ-10 белорусских побед» этот эпизод описан так: «несколько отрядов белорусов численностью 800 человек смогло противостоять 5 ротам хорошо обученных русских солдат с 4 орудиями. Карателям так и не удалось взять лагерь повстанцев, и с большими потерями они вынуждены были отойти»³. Также к «победам белорусского оружия» относят действия повстанцев в период так называемого Слуцкого вооружённого выступления⁴. В течение этого события каких-либо серьёзных боёв вообще не было, были лишь небольшие столкновения, которые никак не

¹ Разницу в численности определить затруднительно, поскольку по данным, полученным русскими от пленных поляков, повстанцев было две-три тысячи, а по воспоминаниям некоторых участников восстания поляков было около 800 человек. Русский отряд состоял из трёх рот пехоты, 30 всадников и четырёх орудий, из которых стреляло во время боя только два, остальные позже прикрывали отход. Русская рота той эпохи по штату военного времени насчитывала 180 человек. Однако, если судить по полковым историям, штат рассчитывался по мирному времени, и количество солдат в роте чаще всего колебалось от 80 до 140 человек. Таким образом, русских было как минимум в два раза меньше и наступали они на заранее укреплённый лагерь.

² См.: *Арамовіч І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг.* // Архэ. Мінск, 2010. № 12. С. 32; Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 годов в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. / сост. А. Миловидов. Вильна, 1915. Ч. 2. С. 186, 191.

³ Топ-10 побед белорусского оружия. Величайшие победы белорусов.

⁴ Хотя об этом событии пишут как о восстании, оно таковым не являлось. В 1920 году, в период гражданской войны и интервенции в России, поляки, отходившие при приближении большевиков, покинули г. Слуцк. Большевики ещё не вошли в город, и в это время от имени мифического белорусского правительства было объявлено о том, что белорусы берут власть в городе и окрестностях. В спешном порядке было сформировано несколько военных формирований, которые при встрече с большевистскими отрядами предпочитали отступать, иногда затеявая перестрелки. В конце концов белорусские формирования без натиска большевиков оказались на территории Польши, где и были интернированы. На этом и заканчивается история Слуцкого восстания.

вливали на развитие успеха большевистского наступления, может быть, чуть замедляя его. Да и сами создатели перечня «белорусских побед» пишут об этом событии очень скромно: «Слуцкая бригада [...] провела несколько успешных атак близ города Копыль, деревень Тимковичи и Вызна, выбив оттуда советские войска»¹. О печальном и отнюдь не героическом конце Слуцкого восстания скромно умалчивается.

Смещение акцентов и конструирование несуществующих национальных побед постепенно нарастает. Так, в 2013 году накануне Дня Победы состоялась презентация серии плакатов «Военачальники земли белорусской», на которых были изображены исторические личности, жившие в период с XI по XX век. Учитывая, что белорусы появились явно на несколько столетий позже XI века, представляется странным, что эти люди через века «пронесли честь и славу отечественного оружия»². Исходя из контекста сообщения, «отечественное» — это именно белорусское. Как может существовать слава белорусского оружия даже в те времена, когда белорусов ещё не существовало, для издателей и разработчиков подобной продукции, видимо, не является загадкой. И это не единственный случай поиска белорусских героев именно как лиц, боровшихся за независимость Белоруссии, в любых исторических эпохах. Военная героика важна для создания представлений о том, что суверенитет достался дорогой ценой, и поэтому его надо беречь. Логика совершенно понятная и правильная, но смещение акцентов, явные передёргивания и даже приписывания себе чужих заслуг не являются эффективным средством создания патриотизма, поскольку разрушить такие мифы не так сложно.

В конце 2019 года произошла достаточно странная попытка отстраниться от памяти о Великой Отечественной войне как о своей. Если ранее предпринимались действия по переформатированию Отечественной войны 1812 года в русско-французскую, а Первую мировую войну в белорусском идеологическом дискурсе однозначно не считают «своей», то с Великой Отечественной войной всё по-другому. «Не своей» она была лишь для белорусских националистов. Но в октябре 2019 года президент Белоруссии А. Г. Лукашенко дважды заявил о том, что Отечественная война 1812 года, Первая мировая и Великая Отечественная войны — «не наши», а «чужие»³. Непонятно, была ли

¹ Топ-10 побед белорусского оружия. Величайшие победы белорусов.

² Подполковник Виталий Чирвинский: Беларусь знала много войн и очень богата на военные таланты // Белорусская информационная компания БелаПАН URL: http://belapan.com/archive/2013/05/08/media_plakaty_v/ (дата обращения: 10.01.2020).

³ Интервью информагентству «Хабар» (21.10.2019) // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/intervjju-informagentstvu-xabar-22238/ (дата обращения: 2.02.2020); Цитата по: Крят Д. Лука-

это попытка сменить отношение к войнам или дважды прозвучавшая неудачная фраза, но оппозиционные эксперты оценили упоминание о «чужих» войнах не как оговорку¹, а пресс-секретарь белорусского президента, наоборот, заявила о вырванных из контекста словах². Белорусское общество в целом негативно восприняло заявление о «чужих» войнах. Это привело к моментальному возвращению белорусской официальной риторики в стандартное русло национализации войны. Великая Отечественная война снова стала «своей», а не «чужой».

Однако восприятие Великой Отечественной войны как «своей» не означает, что её нужно делить с остальными республиками бывшего СССР. Во всяком случае, российский эксперт, посмотрев учебники по истории Белоруссии, выяснил, что «Великой Отечественной-то и нет в республике. Есть Белорусская Отечественная война»³.

Определение прошедших войн как «своих» или «не своих» влечёт за собой представление об исторических врагах, которые без критики перемещаются в современность. И нужно сказать, что, несмотря на ряд интеграционных проектов, в рамках которых существуют Белоруссия и Россия, белорусский интеллектуальный дискурс либо определяет «своими» войны и восстания против России, в которых не было ничего белорусского, поскольку белорусского вопроса в ту пору не существовало (например, польское восстание 1863–1864 годов), либо акцентирует внимание на героике событий только на своей территории, создавая впечатление, что на соседних землях случалось мало героического (например, Великая Отечественная война)⁴. Обратный вариант дискурса в Белоруссии существует, однако его носители либо не имеют доступа к источникам распространения информации, либо, если они этот доступ имеют, не могут воспользоваться им эффективно.

шенко: никакого бряцания оружием // SB.BY. Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-nikakogo-bryatsaniya-oruzhiem.html> (дата обращения: 2.02.2020).

¹ Класковский А. Войны чужие и свои. Медведев бросил камень в огород Лукашенко и получил ответку // Навіны.бай. Белорусские новости. URL: <https://naviny.by/article/20191105/1572932516-voyny-chuzhie-i-svoi-medvedev-brosil-kamen-v-ogorod-lukashenko-i> (дата обращения: 2.02.2020).

² Эйсмонт: слова Лукашенко о «не наших» войнах вырваны из контекста // Спутник Беларусь. URL: <https://sputnik.by/politics/20191104/1043167054/Eysmont-slova-Lukashenko-o-ne-nashikh-voynakh-vyrvany-iz-konteksta.html> (дата обращения: 2.02.2020).

³ Фомин-Нилов: Беларусь и Россия теряют консенсус по истории Великой Отечественной войны // Евразия Эксперт. URL: <https://eurasia.expert/belarus-i-rossiya-teryayut-konsensus-po-istorii-vov/> (дата обращения: 2.02.2020).

⁴ Небольшой анализ национальной мифологии как индикатора цивилизационного выбора см. здесь: Гронский А. Д. Белорусские национально-исторические мифы как индикатор цивилизационной идентичности // (Дез)интеграција држава и идентитет: (Дез)интеграција држава и идентитет на почетку 21. века / приредили Зоран Милошевић, Живоин Ђурић. Београд: Институт за политичке студије, 2014. С. 289–302.

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА СМОЛГУ

Кафедра французского языка Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса (в послевоенные годы он назывался так) — самая молодая из специальных кафедр факультета иностранных языков. Она была создана в 1962 году.

Набор студентов на французское отделение был невелик, а преподавателей французского языка на факультете было мало, как, впрочем, и преподавателей английского, — ведь приоритет после войны отдавался немецкому языку. Решающую роль в расширении французского отделения и создании отдельной кафедры сыграло принятое в 1961 году Советом министров СССР постановление об улучшении преподавания иностранных языков.

Так, в 1962 году произошло разделение кафедры английского и французского языков. Именно в это счастливое время были созданы новые кафедры, в учебном плане появился ряд новых теоретических и практических дисциплин, и методика преподавания языков навсегда ушла от грамматико-переводного метода в русло коммуникативных дисциплин.

История кафедры французского языка связана с двумя неординарными личностями, которые приехали в Смоленск издалека, — Борисом Мешулимовичем Масисом (студенты и преподаватели привыкли к его русифицированному имени Борис Михайлович) и Николаем Дмитриевичем Трегубовым.

Первым заведующим кафедрой французского языка стал кандидат филологических наук, переводчик по образованию (окончил МГПИИЯ), один из авторов изданного в Молдавской ССР французо-молдавского словаря Б. М. Масис.

Профессиональный опыт лингвиста и преподавателя всегда определяется его судьбой, его жизнью, наполненной событиями и встречами с интересными людьми. Судьба Бориса Мешулимовича необычна.

С 1943 по 1945 год он работал преподавателем русского языка среди узбеков-бойцов 1-го батальона Всеобуча. После войны сотрудничал с издательством Иностранной литературы, в 1947–1948 годах работал внештатным переводчиком в МГБ СССР, а по окончании Московско-

го государственного педагогического института иностранных языков до 1954 года преподавал французский язык в Кишинёвском государственном педагогическом институте, а затем в пединституте г. Бельцы в Молдавии.

Обладая блестящей эрудицией, высокой культурой (свободно владел французским, румынским, английским языками), в стенах Смоленского пединститута он великолепно читал курс французской литературы (его ученики помнят, как он сходу воспроизводил любой фрагмент из пьесы «Сирано де Бержерак» Э. Ростана). И в скором времени ВАК утвердил Б. М. Масиса в звании доцента именно по курсу французской литературы.

Последующие 10 лет — это годы его беззаветной преданности кафедре и факультету.

Но, к сожалению, Борис Мешулимович стал жертвой времени. Он всего лишь (!) попросил въездную визу в Израиль, и последовавшие за этим события обернулись катастрофой. Сначала занятия, которые он проводил (по наущению партработников) бойкотировали студенты, а затем он был уволен за поступок, «не соответствующий облику советского преподавателя».

На смену Борису Мешулимовичу пришёл Николай Дмитриевич Трегубов, личность поистине легендарная. Сын белого офицера, эмигрировавшего после Октябрьской Революции в Европу, родился в Софии. В 1945 году он окончил историко-филологический факультет Сорбонны по специальности «Преподаватель французского языка за границей», свободно владея французским и немецким языками.

Сразу по окончании войны ходатайствовал вместе с родителями о принятии в гражданство СССР и в 1946 году получил советский паспорт. Принимал активное участие в работе отдела молодёжи Союза советских граждан во Франции. В 1950 году был арестован органами внутренних дел Франции и выслан из страны с формулировкой: «Представляет угрозу для общественной безопасности государства». Работал переводчиком в посольстве СССР в представительстве Всесоюзного общества по культурным связям, в представительстве Совинформбюро, преподавателем в Институте иностранных языков Лейпцигского университета, а затем в международных книжных издательствах в Москве.

В личном деле Николая Дмитриевича сохранилась характеристика, данная профессором Амером накануне отъезда Николая Дмитриевича из Германии, где он жил с 1950 по 1958 год вместе с женой и двумя детьми в ожидании визы в СССР: «Мы теряем с товарищем Трегубовым одного из наших ценнейших сотрудников, которого нам нелегко

будет заменить в нашем институте. Мы убеждены, что и в Советском Союзе товарищ Трегубов посвятит все свои силы и способности служению обществу».

Мы смотрели на Николая Дмитриевича не только как на живую легенду, но и как на носителя языка, «настоящего француза». Французский язык очень долгое время ассоциировался у нас с голосом Николая Дмитриевича, поскольку именно он создал лабораторию устной речи на факультете иностранных языков. Он являлся постоянным диктором при лаборатории звукотехники и сам разрабатывал тренировочные упражнения для студентов французского отделения. Николай Дмитриевич был инициатором использования в учебном процессе кинофильмов, озвученных на французском языке. Он лично озвучил около полусотни документальных и художественных фильмов, что способствовало развитию навыков устной речи студентов, ускорению её темпа.

Выпускников кафедры французского всегда отличал хороший уровень владения языком, в том числе и устной речью, чего невозможно было бы достигнуть без целеустремлённой просветительской и методической работы Н. Д. Трегубова.

Мы, к сожалению, застали только конечный фрагмент его жизни и были последним курсом, с которым ему довелось работать.

Александр Блок, отвечая на вопросник Марселя Пруста, сказал, что хочет умереть на сцене от разрыва сердца. Примерно то же произошло с Николаем Дмитриевичем. Он пришёл к нам на занятие в октябре 1996 года, сообщив, что врачи запрещают ему работать. Мы не хотели верить, что этот светлый человек с лучистыми глазами и раскатистым смехом может куда-нибудь уйти. А в декабре его уже не стало. Так получилось, что он работал до самого конца, оставаясь верным своей кафедре.

Думается, что этой энергией, преданностью французскому языку заразились все его студенты, коллеги и последующие заведующие кафедрой французского языка: О. В. Расточинская и Э. М. Береговская.

С именем Эды Моисеевны Береговской связано создание Смоленской научной филологической школы (защита 20 кандидатских диссертаций и 1 докторской), а также формирование всех существующих традиций кафедры: организация театрально-поэтических фестивалей, праздников и конкурсов для школьников, изучающих французский язык, выступление хора «Belle Marianne», конкурса ораторов, организация научных конференций, издание печатных сборников научных трудов «Scripta manent» и «Риторика – лингвистика» и многого другого.

Именно подвижнический труд целой плеяды заведующих — Б. М. Масиса, Н. Д. Трегубова, О. В. Расточинской, Э. М. Береговской — и составил славные страницы истории кафедры французского языка.

ЯЗЫКОВЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Земли исторической Галицкой Руси, являвшиеся наиболее западной частью восточнославянского этнокультурного пространства и входившие в состав древнерусского государства, уже в 1340-е годы были захвачены польским королём Казимиром III Великим и включены в состав Польши. Галицко-русские земли, таким образом, значительно раньше остальных частей исторической Западной Руси оказались в составе польского государства и подверглись ассимиляционной политике польских властей, что оказало колоссальное влияние на последующее историческое и культурно-языковое развитие Галиции.

Галицко-русские деятели XIX века постоянно подчёркивали тесную историческую связь и цивилизационное единство галицких земель с остальной Русью. «Уже Вещий Олег (879–913), сделавший “матерь русских городов” Киев центром своего государства, соединил около 904 года под своей властью все племена до Карпат, — отмечал известный галицко-русский литератор и просветитель В. М. Площанский. — Во время смут ближайшие соседи ляхи воспользовались положением и присоединили к своим областям города Червень, Перемышль и другие с их землями. В 981–982 годах Владимир покорил своей власти отпавших и в походе на ляхов отнял у них захваченные области и города».¹ Влиятельный печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета «Слово», провозглашая принадлежность русинов Галиции к единому русскому народу, писала в январе 1884 года: «Народ русский был, есть и будет один... То одно великанское дерево имеет два главных корня: в северном Новгороде и южном Киеве, а мы — ветвь того дерева».²

Полемизируя с польскими историками и прессой, галицко-русские просветители подчёркивали, что в раннее Средневековье русское население занимало значительно бо́льшие территории, распространяясь

¹ Прикарпатская Русь. Редактор-издатель Венедикт М. Площанский. Ч. 2. Львов: В типографии Ставропигийского Института, 1885. С. 2.

² Слово. Львов, 10(22) января 1884. № 3.

далеко к западу от рек Вислок и Буг. Этнографическую границу между Польшей и Русью, по словам В. М. Площанского, «творила река Висла, а тоже за Вислою были русские поселения, даже целая Судомирская (Сандомирская) земля должна была быть населённою русскими, понеже для здешних русских жителей польский князь Генрик Бородатый учредил в 1236 году русское епископство...»¹.

Впоследствии известный галицко-русский литератор и общественный деятель В. М. Площанский, подвергавшийся растущему давлению со стороны австрийских и польских властей, был вынужден эмигрировать в Российскую империю, где «по соизволению» императора Александра III в апреле 1888 года был принят на работу в Виленскую археографическую комиссию для разбора и издания древних актов². Длительное время эту комиссию возглавлял его земляк, бывший профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий, который из-за преследований со стороны австрийских и польских властей был вынужден эмигрировать в Россию ещё раньше. 28 ноября 1888 года в г. Вильно В. М. Площанский был приведён к присяге на подданство России³.

Примечательно, что в вопросе о наиболее западных этнических границах восточных славян с В. М. Площанским был вполне солидарен и известный русский учёный-славист И. П. Филевич, работавший в Варшавском университете. «Висла составляла очевидную восточную границу польского племени, которое в верхнем и среднем течении переходило за неё к югу и юго-востоку..., — писал в одном из своих трудов И. П. Филевич. — В верхнем течении реки русские поселения доходили до Кракова... В 50 вёрстах к востоку от Варшавы и теперь начинаются сплошные русские поселения»⁴.

Уже с первых десятилетий польского господства Галицкая Русь стала подвергаться жёсткой и системной ассимиляционной политике, проводившейся польскими властями. С целью скорейшей полонизации коренного православного галицко-русского населения использовались различные конфессиональные, этнокультурные и социально-экономические рычаги, включая административную поддержку немецкой и еврейской миграции в города Галицкой Руси со стороны польских властей. К XVIII–XIX векам эта политика достигла заметных результатов.

¹ Прикарпатская Русь. Редактор-издатель Венедикт М. Площанский. Ч. 3. Львов: В типографии Ставропигийского Института, 1885. С. 7.

² Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (LVIA). F. 596. Ap. 1. B.Nr. 218. L. 1.

³ LVIA. F. 596. Ap. 1. B.Nr. 218. L. 8-9.

⁴ Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1890. С. 25.

Известный галицко-русский просветитель, литератор и церковный деятель И. Наумович в одном из своих произведений сравнивал Галицкую Русь и русинов с несчастным христианским ребёнком, похищенным у родителей бродячими цыганами и заточённым в тёмную пещеру без света и свежего воздуха. «Это бедное, несчастное христианское дитя и всё, что оно вытерпело от цыган в тёмной пещере, представляет мне наш галицко-русский народ, который много выстрадал в своей исторической жизни»,¹ — говорит один из литературных персонажей И. Наумовича. Образ похитителей-цыган и тёмной пещеры под пером Наумовича стал символом многовекового польского господства над Галицкой Русью.

Отдавая себе отчёт в крайне неблагоприятных последствиях этого господства, галицко-русские общественные деятели, несмотря на сложные внутрисполитические условия, ставили перед собой цель избавиться от чуждого языкового и культурного влияния и вернуться к своим «русским корням», что особенно ярко проявилось во время галицко-русского национального возрождения в XIX веке. «Наша Западная Русь, отторгнутая от своего исторического средоточия, подчинилась вредному влиянию. Мы пришли в политическом, церковном, социальном, нравственном и языковом отношениях в ужасное расстройство, — откровенно писал в 1884 году в популярной львовской газете «Слово» известный галицко-русский общественный деятель Т. К. Блонский, выражая взгляды широких кругов галицко-русской интеллигенции. — Наша Русь потеряла высшие сословия; осталась только тёмная масса мужиков-крепаков и духовенство, пронизанное полонизмом»².

* * *

Поэтому вполне закономерно и естественно, что с началом галицко-русского национального возрождения в первой половине XIX века его отличительной чертой в языковой области стала ориентация галицко-русских будителей на высокоразвитый русский литературный язык и на русскую культуру в целом. Собственно, данное явление всегда было характерно для галицко-русского народа в лице его наиболее выдающихся представителей. Русский политический эмигрант и путешественник В. Кельсиев, побывавший в Восточной Галиции в 1860-е годы и основательно изучивший жизнь её коренного населения, писал в своих воспоминаниях: «Галичина — маленький рус-

¹ Сочинения Протоиерея И. Наумовича. Повести и рассказы из галицко-русской жизни. Том II. Петроград, 1914. С. 21.

² Слово. Львов, 3(15) января 1884. № 1.

ский мир, оторванный от общей русской жизни и ведущий пять веков свою особенную жизнь, жизнь борьбы и усилий к слиянию воедино с остальной, забывшею его, Русью. ...Изучение Галичины важно не только в политическом значении, Галичина имеет ещё другое важное значение как наглядное, вопиющее доказательство необходимости единства русских племён и как довод, что собирание Земли Русской — не интрига правительства и не ухищрение дипломатов, а просто инстинкт Русского Народа»¹.

Кельсиев с иронией комментировал широко распространённую в польском общественном мнении Галиции убеждённости в «подрывном влиянии» России на галицких русинов. «Поляки кричат, что это движение поднято русскими агентами, — писал Кельсиев, имея в виду отношение польской администрации к галицко-русскому движению. — Толкуют про рубли московские, а здесь в каждой копейке, потраченной на русское дело, могут дать отчёт, откуда она взялась. Нет, это не наша пропаганда: наши посольства и наши деятели даже не знают об этом крае. Если и есть здесь наша пропаганда, то её поляки ведут, работая против нас, но за нас... У поляков всё есть, кроме политического такта; на мелкие дела они мастера, на крупные — никуда не годятся...»².

В языковом вопросе представители галицко-русского возрождения исходили из того, что «наш простонародный говор не чистый, но испорченный заимствованием чужих слов и форм, русскому языку не свойственных... Наши литераторы начали свой галицко-русский язык очищать, обобщать и дополнять»³. Символично, что один из первых представителей галицко-русского возрождения, известный историк Д. И. Зубрицкий был убеждённым сторонником использования русского литературного языка в галицко-русской письменности. Свой капитальный труд по средневековой истории Галицкой Руси Д. И. Зубрицкий написал на русском литературном языке, полностью отдавая себе отчёт в том, что это будет крайне негативно воспринято австрийскими властями и польской администрацией Галиции. Распространение этого труда Д. И. Зубрицкого действительно столкнулось в Галиции с многочисленными административными препонами; австрийские и польские власти смотрели на подписчиков как на политически неблагонадёжных лиц⁴.

¹ Кельсиев В. Галичина и Молдавия. Путевые письма. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868. С. 162.

² Кельсиев В. Указ. соч. С. 30–31.

³ Слово. Львов, 3(15) января 1884. № 1.

⁴ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX веков. Москва: Имперская традиция, 2007. С. 39.

В своём письме видному деятелю чешского национального возрождения Вацлаву Ганке 8 января 1853 года Д. И. Зубрицкий, комментируя язык своего труда, писал: «Вы одобряете употреблённый мною в Галичской истории язык. Я писал по-русски; ибо как немецкий, так и русский один только есть литературный язык. Как немцы в Страсбурге, в Дерпте, в Цюрихе и Гамбурге на одном только пишут наречии и понимают друг друга, так и русские должны писать на одном только, твёрдо уже основанном и изящно обработанном, диалекте. Не моя вина, что мои соотчичи по большей части не понимают его ещё теперь»¹. Впоследствии апелляция к языковому единству крупных европейских народов в лице немцев, французов, англичан и итальянцев, сумевших создать единые литературные языки вопреки существовавшим у них глубоким диалектным различиям, стала одним из главных аргументов сторонников общерусского языкового единства в Галиции и в Угорской Руси.

Однако естественная культурно-языковая ориентация галицких русинов на Россию и русскую культуру с самого начала искусственно тормозилась и всячески блокировалась ассимиляторской политикой польских властей. С разделами Речи Посполитой и с включением Восточной Галиции в состав Австрийской империи в 1772 году русины Галиции стали объектом этнокультурной инженерии Вены, которая ярко проявилась в языковой политике. Уже в 1816 году, как отмечал И. П. Филевич, «высшая власть Галичины прямо возбуждает сомнения относительно русского преподавания в народных школах. Митрополиту было предложено обсудить следующие соображения: русский язык осложняет преподавание; ...не целесообразно бы было вести начальное обучение на польском языке; если бы митрополит с этим не согласился, то не будет ли подходящим принять для русского языка латинскую азбуку?... Решительно выступил против русского языка львовский латинский архиепископ Анквич. Он заявил, что... Галичина — часть Польши и потому польский язык считается в ней народным... Благодаря протестам митрополита, русские народные школы не были уничтожены и остались в заведовании русской консистории, но на “рутенский” язык была брошена сильная тень... Послышались указания на его связь с русским языком в России... Таким образом, к 1820-м годам вполне обнаружилось взгляды австрийского правительства на Галицкую Русь»².

¹ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 389.

² Филевич И. П. Из истории Карпатской Руси. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1907. С. 22–23.

Анализируя языковую политику австрийских властей в области образования, известный галицко-русский учёный, профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий обращал внимание на то, что «австрийцы допускали для всех народностей соплеменные научные пособия. Без всякого прекословия введены были не только немецкие и итальянские учебники, напечатанные за границей в Германии и Италии, но допущено и употребление сербских, румынских и польских книг, напечатанных в Белграде, Бухаресте, Варшаве и Познани, только для одних русских в Галичине и Венгрии правительство не допустило ни одного учебника из России и не позволило даже пользоваться сочинениями русских писателей. Приказано было составлять учебники на галицко-русском (рутенском) жаргоне, а пока выработается своя литература, оставить преподавание на немецком языке. А г. Пыпин ещё издавается над галичанами, что они не знают русской литературы и плохо пишут по-русски»¹.

В одном из своих писем чешскому будителю В. Ганке Д. И. Зубрицкий, намекая на мощное культурно-языковое давление на галицких русинов со стороны австрийских властей и местной польской администрации, с грустным юмором отмечал 4 сентября 1846 года: «Мы, галицкие русины, — странные человеки, обучаемся всем языкам, а на собственном писать нам невозможно...»².

Важной отличительной чертой языковой ситуации в Галицкой Руси изначально было постоянное давление на галицко-русский язык и литературу со стороны польской администрации, а также со стороны польских учёных и литераторов, стремившихся любыми путями полонизировать галицких русинов. В качестве конкретных методов полонизации предполагалось как введение польской латиницы в местную письменность, так и растворение галицко-русской литературной традиции в польской литературе.

В 1833 году известный польский литератор и собиратель фольклора из Галиции В. Залесский издал сборник польских и галицко-русских народных песен; при этом галицко-русские народные песни были записаны польской латиницей. В предисловии к своему сборнику В. Залесский прямо высказал мысль о том, что «галицкие русины должны присоединиться к польской литературе»³. Более того, Залесский даже выразил весьма самонадеянную и бесконечно далёкую от элементарной

¹ Головацкий Я. Ф. Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в Вестнике Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1888. С. 53–54.

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 385.

³ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 17.

корректности надежду, что все славянские народы, использующие кириллицу, в конце концов оставят «эти старые буквы»¹. Ещё один польский литератор из Львова, А. Росцишевский, советовал даже известному русскому историку, профессору Московского университета М. П. Погодину оставить «свои иероглифы» и ввести в России латинские буквы².

С вхождением Галиции в состав Австрийской империи в 1772 году традиционная польская политика ассимиляции галицких русинов была дополнена и развита австрийскими властями с учётом интересов и предпочтений Вены. По словам галицко-русского учёного и просветителя Я. Ф. Головацкого, «австрийцы всеми мерами старались не допускать сношений русских галичан с Россией и не позволяли им пользоваться русской литературой». «Немецкая администрация, — объяснял причины подобной политики Головацкий, — боялась сознания в народе письменного единства с Россией, а римско-католическая иерархия опасалась сближения галицких униатов с русским православием. Немцы и поляки, казалось, берегли непоколебимость галичан лояльной верности австрийскому цесарю и римскому папе»³.

Суть австрийской политики в отношении галицких русинов предельно чётко сформулировал во время революционных событий 1848 года австрийский губернатор Галиции граф Стадион. В ходе встречи с представителями галицко-русской общественности Стадион откровенно заявил о том, что русины могут рассчитывать на поддержку правительства «только в том случае, если захотят быть самостоятельным народом» и откажутся «от национального единства с народом... в России»⁴.

В переписке с чешским будителем В. Ганкой Я. Ф. Головацкий приводил многочисленные примеры прямого административного давления и вмешательства в литературу и письменность галицких русинов со стороны австрийских властей и польской администрации Галиции. Так, в письме В. Ганке от 30 января 1859 года Я. Ф. Головацкий сообщал: «Новостей у нас никаких нет по части литературы... Писатели боятся что-нибудь писать... Учителям приказано беречься всякого слова, которое заимствовано из великорусского или церковного языка, книжная цензурная ревизия строго наблюдает, чтобы в новоизданных книгах не употреблялись слова или формы, сходные с русским (книжно-российским) языком... Вследствие распоряжения министерства науки и культа [в оригинале — «Министеріи Наукъ и Культу»] издал

¹ Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Белгородский А. В. Галиция — исконное достояние России. Москва: Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. С. 37.

Преосвященный епископ окружное послание ко всем священникам, катихитам и законоучителям..., в котором запрещается заимствовать слова и формы из богослужебного церковно-славянского языка, и пр. При таких обстоятельствах невозможен успех литературных произведений, — подводил печальный итог Головацкий. — Матица Галицко-русская не издаёт ничего. Авторы умолкли. Журналы подавлены. Безнадёжность водворяется. Грустное положение, жалкая будущность!»¹. Яркой иллюстрацией к сказанному Головацким может служить тот факт, что совершенно лояльное властям литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», издававшаяся в 1850-е годы, подвергалась постоянному давлению австрийской администрации за «чрезмерное использование московских слов»².

В своём очередном письме В. Ганке от 16 февраля 1860 года Я. Ф. Головацкий, сожалея по поводу «удушения» единственного русского политического журнала «Вестник для русинов», издававшегося в Вене, что он связывал с назначением бывшего наместника Галиции польского графа А. Голуховского министром, писал: «гражданский шрифт запрещён... выс. декретом для употребления в школах, а здешними властями распространяется это запрещение на все русские сочинения...»³. Указывая на последовательность и системность политики австрийских властей, стремившихся к максимальному культурно-языковому отдалению галицких русинов от русского литературного языка и русской культуры львовское «Слово» констатировало в январе 1884 года: «Будучи уже под Австрией, нас правительственные мужи подозревали и почему-то не взлюбили... Кто дерзал писать по-русски, хотя бы весьма плохо, падал в подозрение москалефильства и подвергался надзору; издать печатью какой-нибудь русский букварец было ужасною дерзостью»⁴.

Очередной виток этноязыковой инженерии, организованный австрийскими властями и польской администрацией Галиции для денационализации галицких русинов, предполагал полную отмену кириллицы и перевод галицко-русской письменности на латинскую графику. Подобные попытки неоднократно предпринимались и ранее, однако на сей раз этноязыковая атака на русинов Галиции была основательно подготовлена в организационном отношении и к ней были подключе-

¹ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 232.

² Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. Ужгород, 1930. С. 23.

³ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель... С. 236.

⁴ Слово. Львов, 3(15) января 1884. № 1.

ны высшие чиновники как в Вене, так и во Львове. Одним из инициаторов данной далекоидущей этноязыковой агрессии против коренного населения Галицкой Руси был наместник Галиции польский граф А. Голуховский, который прямо заявил о том, что введение латиницы продиктовано необходимостью положить конец распространению «великорусского языка». По словам А. Голуховского, сами русины «ничего не сделали, чтобы отграничить свой язык и шрифт от великорусского языка, и поэтому правительство было вынуждено взять инициативу в свои руки»¹. Современник описываемых событий Я. Ф. Головацкий писал впоследствии, что «план Голуховского был широко задуман, и принимались всякие меры к истреблению кириллицы и уничтожению всяких связей со славяно-русским миром»².

Предпосылки для постепенного перевода галицко-русской письменности на латиницу готовились австрийскими властями заблаговременно и постепенно. Так, в 1852 году австрийский император Франц Иосиф II приказал отвечать на обращения галицких русинов в органы власти на местном диалекте, но непременно латинскими буквами. Наиболее энергичными инициаторами «переформатирования» традиционной идентичности галицких русинов на антирусской основе стали галицкие поляки. Одним из непосредственных организаторов данного проекта был прибывший в 1848 году в Галицию польский эмигрант из Франции Г. Яблонский, выходец с российской Украины. Яблонский, хорошо знакомый с украинофильским движением в России, считал, что галицким полякам целесообразнее не отрицать национальность галицких русинов, пытаясь их полонизировать, а прививать им сознание собственной национальной особенности и враждебности к великороссам с целью последующего использования русинов Галиции в борьбе с Россией. Практическим выражением данных намерений стало основание в мае 1848 года украинофильского общества «Руский Собор» и издание газеты «Дневник Руский» («Dnewnyk Ruskij»), во главе которой встали И. Вагилевич и Г. Яблонский³. Примечательно, что «Дневник Руский» печатался в основном латиницей и занимал откровенно пропольские позиции, внушая галицким русинам идеи враждебности к России и выступая против разделения Галиции на польскую и русинскую части. Таким образом, «самые первые проявления политического украинофильства в Галиции были инициированы поляками и... имели своей целью использование русинов в качестве орудия для

¹ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 41.

² Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 79.

³ См.: Соколов Л. Вопрос о национальной принадлежности галицких русинов в 1848 году // www.edrus.org/content/view/236/47/

обеспечения польских интересов как во внутренней, так и во внешней политике»¹. Однако инициативы «Русского Собора» не получили поддержки галицко-русского населения Галиции, оставшись в то время маргинальным политическим проектом. Впоследствии эстафету этнокультурной инженерии в Галиции подхватили австрийские власти, которые поставили это на более широкую институциональную основу.

В 1859 году наместник Галиции польский граф А. Голуховский выступил с инициативой перевода письменности местных русинов на латинскую графику и введения в местные галицко-русские школы латиницы с целью ограничить растущее влияние русского литературного языка, популярность которого среди галицких русинов, по мнению Голуховского, представляла серьёзную угрозу для Австрийского государства. Подобный шаг галицкого наместника, помимо стремления положить конец культурному влиянию России, объяснялся ещё и тем, что «доносами на москвофильство в Галиции он открывал полякам путь к реабилитации в глазах австрийского правительства за их революционные выступления, что позволило бы полякам окончательно завладеть всей Галицией»². Австрийское правительство и влиятельный министр просвещения Австрии граф Тун полностью поддержали предложение Голуховского.

Для разработки конкретных мер по введению латиницы была создана специальная комиссия в составе ведущих галицко-русских деятелей Галиции, двух немецких чиновников аппарата наместника и чиновника австрийского министерства просвещения чеха Й. Йиречека (зятя известного чешского будителя П. Й. Шафарика), на которого была возложена задача по разработке латинской графики для галицких русинов. Возложение столь деликатной обязанности на чеха объяснялось стремлением австрийских властей выглядеть максимально нейтральными в данном щекотливом вопросе и избежать обвинений со стороны галицких русинов в полонизации, которые были бы неизбежны, если бы подобная миссия была возложена на поляка³.

Йиречек, не имевший необходимого филологического образования, тем не менее, рьяно взялся за выполнение поставленной задачи. Проконсультировавшись с лингвистами, Йиречек за короткое время сумел создать латинскую графику, переход на которую, по его мнению, привёл бы к отрыву галицких русинов от церковнославянской культурной традиции и от русского литературного языка, способствуя

¹ Соколов Л. Указ. соч.

² Сімович В. Йозеф Йречек і українська мова (до азбучної заверюхи 1859 р.). Прага, 1933. С. 1.

³ Там же. С. 2–3.

развитию особой идентичности русинского населения Восточной Галиции. Однако план латинизации галицких русинов закончился тогда полным провалом из-за энергичного сопротивления галицко-русских общественных деятелей, справедливо воспринявших инициативу австро-польских властей как «польскую интригу» и «покушение на русскую народность и тысячелетнюю культурную традицию». Против латиницы высказалось и большинство галицко-русских членов созданной австрийскими властями комиссии.

Стремясь добиться согласия галицко-русских деятелей на введение латиницы, Голуховский пытался оказать на них давление с помощью представителей местных польских научных кругов, которые поддерживали контакты с галицко-русскими учёными. По воспоминаниям очевидца и участника тех событий Я. Ф. Головацкого, «Голуховский подсылал даже к нам своих парламентёров..., профессоров Иакинфа Лобаржевского и Войтеха Урбанского, поляков, с которыми мы были в дружеских отношениях... В дружеском разговоре в Ботаническом саду здравствующий ещё ныне библиотекарь университета Др. Урбанский с особенным усердием старался убедить нас в том, какая польза была бы для русских галичан, если бы они отреклись от русского византизма и от отсталой кириллицы и решились принять польский алфавит и европейскую цивилизацию... На это мы отвечали собеседникам нашим: “Что бы вы, поляки, сказали на то, если бы, например, князь Паскевич обещал кому-нибудь из польской интеллигенции: откажитесь от латинки и примите русскую азбуку для польской литературы, я подготовил всё, государь и министры согласны, правительство готово перепечатать все ваши лучшие сочинения на казённый счёт”. “Ни один поляк не продаст достояния отцов своих...”, — воскликнул Урбанский. “Точно также дорога и нам наша кириллица и ещё дороже, потому что она старше вашего абецадла и с ней связан вероисповедный вопрос. Ваша письменность начинается с XIV столетия, а наша в два раза древнее и ведёт своё начало от Нестора и Кирилла и Мефодия!”»¹. Стойкая и принципиальная позиция ведущих представителей галицко-русской интеллигенции в 1859 году сорвала очередную этноязыковую агрессию со стороны австрийской и польской администрации.

«Единомыслие и горячая привязанность ко всему, что русское, одушевляла патриотов наших, когда в 1859 году печальной памяти граф Голуховский вознамерился ввести в наше письмо латинские буквы: как один муж встали они на защиту нашей исторической, прадедовской азбуки, и благодаря их решительности и энергии это нападение на нашу

¹ Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 79–80.

народную святость оказалось безуспешным»,¹ — так комментировала в январе 1892 года тревожные для галицких русинов события 1859 года газета «Галицкая Русь».

Впрочем, проекты введения различных вариантов латиницы — с неизменной целью окончательного разрушения общего культурно-языкового пространства восточных славян — неоднократно реанимировались и в более позднее время. В частности, планы перевода украинской письменности на латинскую графику вынашивал нацистский гауляйтер Украины Э. Кох в период оккупации украинских земель нацистской Германией в 1941–1944 годах².

Неудачей закончилась и предпринятая сразу после этого попытка реформы местной кириллицы, из которой власти намеревались убрать сразу несколько букв, в том числе «ѣ», что также преследовало цель отдалить галицко-русскую письменность от русского литературного языка. В результате противодействия галицко-русской интеллигенции эта реформа была отменена в 1861 году. Примечательно, что, рассуждая о необходимости введения латиницы или реформирования кириллицы под предлогом лучшего отражения фонетических особенностей языка галицких русинов, Йиречек очень высоко отзывался об украинской «Грамматике» Кулиша, опубликованной в 1857 году в Петербурге³. Впоследствии в своём этнокультурном эксперименте по выращиванию украинцев из галицких русинов австрийские и польские власти сделают ставку именно на «Грамматику» П. Кулиша и его фонетическое правописание и добьются серьёзных успехов на поприще этнокультурной инженерии.

С изобретением украинской фонетической письменности Пантелеймоном Кулишом (так называемая «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи в Галиции получили новое эффективное оружие как для отрыва русских галичан от русского литературного языка, так и для воздействия на самосознание галицко-русского населения. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им алфавита поляками для углубления культурного и языкового раскола между малороссами и великороссами. Характеризуя состояние польского общества Восточной Галиции во второй половине XIX века, известный карпато-русский общественный деятель

¹ Галицкая Русь. Львов, 26 января (7 февраля) 1892. № 21.

² *Баринов И.* Направление – Украина. Опыт изучения нацистской оккупационной политики 1941–1944. Москва, 2014. С. 194.

³ *Сімович В.* Йозеф Їречек і українська мова (до азбучної заверюхи 1859 р.). Прага, 1933. С. 23.

А. И. Добрянский метко замечал, что «все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, — нет, но исключительно нашей русской, чтобы при содействии наших изменников создать новый русско-польский язык, от которого переход к чисто польскому не представлял бы уже никаких почти затруднений»⁴.

Если в Российской империи распространению украинской фонетической письменности ставились серьёзные преграды («запреты украинского языка» в 1863 и 1876 годах русскими властями были в первую очередь запретами не столько украинского языка как такового, сколько запретами именно фонетического правописания), то австрийские власти, преследуя политические цели, энергично способствовали распространению «кулишивки» в Галиции. Данная языковая политика была призвана вырвать галицких русинов из лона общерусской культуры и русского литературного языка, создав предпосылки для последующего переформатирования их идентичности. Это полностью соответствовало традициям австрийской политики этнокультурной инженерии в отношении славянских народов, цель которой заключалась в максимальном подрыве этноязыкового единства славян и в их максимальном отдалении от России в культурно-языковом отношении.

Ещё ранее, например, в значительной степени под воздействием Вены и её влиятельного лоббиста из академических кругов, известного учёного-слависта Е. Копитара, была осуществлена реформа сербского литературного языка Вуком Караджичем, которая, как полагают многие современные сербские учёные, привела к окончательному разрыву сербского языка с церковно-славянской культурной традицией и русским литературным языком. Более того, «коварный Копитар» пытался организовать переход в унию православных сербов в австрийской Воеводине. Так, он настойчиво убеждал известного чешского будителя П. Й. Шафарика, работавшего в 1820-е годы директором сербской православной семинарии в г. Нови Сад, выступить в качестве «инструмента для склонения сербов к унии»⁵. Нежелание Шафарика играть столь сомнительную роль стало одной из причин последующего негативного отношения к нему со стороны Копитара⁶.

В 1892 году при поддержке польских политиков школьная рада Галиции, идя навстречу предложениям местных украинофильских

⁴ Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. Москва, 1885. С. 12.

⁵ Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vydal V.A. Francev. Část 1. V Praze: Nákladem České Akademie Věd a Umění, 1927. S. VII.

⁶ Ibidem.

обществ, приняла решение о введении украинского фонетического письма («кулишивки») в систему местного образования, прежде всего в учебники для народных школ и средних учебных заведений. Это решение вызвало волну недовольства среди галицко-русского населения и интеллигенции. Помимо ряда научно-просветительских и культурных галицко-русских обществ в кампании протеста приняли участие и многочисленные галицкие сельские общины. По словам известного галицко-русского публициста и общественного деятеля О. А. Мончаловского, «необходимость введения фонетического правописания... основана на чисто политических мотивах, чтобы Червоная Русь не употребляла такого правописания, какое употребляется в России, именно этимологического»¹.

Ещё в 1884 году авторитетный печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета «Слово» крайне критически и уничижительно отзывалась о языковых новшествах украинофилов и о фонетическом правописании П. Кулиша. Украинофильская партия, по словам этой хорошо информированной газеты, «набиралась из ополченных русских фамилий. Они начали простонародный худой язык шпиговать чудовищными словами и формами, взятыми нарочно с чужбины...». «Чем причудливее было слово, тем лучше, — писало львовское «Слово» в январе 1884 года, — принимая украинизм и вымышленный сумбур в язык литературный, они приняли и изобретённую Кулишем фонетику... Из такой смеси вышел гадкий хаос: отрицание языка литературного...»².

Проследивая сложную и болезненную эволюцию галицко-русского языка и письменности, Я. Ф. Головацкий констатировал, что «в XVII и XVIII столетиях польская администрация и униатская иерархия до того исковеркали письменную речь и так обезобразили русский язык, что от него отказались сами русские интеллигенты. Приближая своё наречие к чистому русскому стилю, галичане вводят в общественный язык множество чисто русских слов, очищают его от полонизмов, знакомят народ со славяно-русскими выражениями и таким образом дают возможность читать и понимать всякие русские и церковные книги...». «Напротив того, мнимые народовцы, — критически отзывался о языковой деятельности украинофилов Головацкий, — придумывая новые слова, коверкая их на польский лад и принимая чешские и сербские выражения, вместо того, чтобы приблизить, отталкивают народ от русского корня, из которого вырос народный говор и здоровыми соками

¹ Мончаловский О. А. Литературное и политическое украинофильство. Львов: Типография Ставропигийского Института, 1898. С. 87.

² Слово. Львов, 7(19) января 1884. № 2.

которого питался в продолжение тысячи лет. Галичане жили с остальною Русью тысячу лет в мире и никогда не спорили о моём и твоём...»¹.

Грубое административное навязывание чуждого и непривычного галицким русинам фонетического правописания вызвало массу критических публикаций на страницах галицко-русской прессы, которая справедливо рассматривала новый этноязыковой эксперимент австрийских властей и польской администрации как продолжение неудавшейся в 1859 году «голуховщины». По словам популярной среди галицко-русской интеллигенции газеты «Галицкая Русь», «тогдашние представители Галицкой Руси мужественно отклонили проект Голуховского, стремящийся к замене русских букв латинскими... Проект замены русских букв латинскими упал, но не упало желание оторвать Галицкую Русь от исторических основ развития её литературы, а тем... подорвать связи с её историческим прошлым. Одним из средств к достижению этой затеи имеет служить введение фонетики в русское письмо...»². Здесь же газета отмечала подозрительно быструю положительную реакцию польской администрации Галиции на ходатайство местных украинофильских «Педагогического общества» и «Научного общества имени Шевченко» о введении фонетики вместо традиционного этимологического письма. Газета «Галицкая Русь» делала на основании этого вполне логичный вывод о том, что вопрос о введении фонетики был заранее решён властями³.

В одной из своих публикаций «Галицкая Русь» справедливо расценивала введение фонетического письма вместо традиционного этимологического как «переворот, глубоко затрагивающий русскую народность в её основаниях»⁴. По мнению газеты, это также «вопрос политический», поскольку тем самым школа неизбежно втянется в сферу национальной и партийной борьбы. «Галицкая Русь» прозорливо предсказывала, что введение фонетики — только начало, только одно из звеньев в «целой цепи дальнейших реформ на организме нашей народности»⁵.

Галицко-русская пресса и многочисленные галицко-русские просветительские и культурные общества, прекрасно осознавая, что за введением фонетики стоит Вена и польская администрация Галиции, пытались, тем не менее, активно противостоять этим планам и отстаивать традиционную для галицких русинов этимологическую письменность. Так, 21 февраля 1893 года на страницах галицко-русской газеты

¹ Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 69.

² Галицкая Русь. Львов, 30 января (11 февраля) 1892. № 24.

³ Там же.

⁴ Галицкая Русь. Львов, 6 (18) июня 1892. № 127.

⁵ Там же.

«Галичанин» было опубликовано обращение крупнейшего галицко-русского культурно-просветительского Общества имени М. Качковского императору Австро-Венгрии Францу Иосифу. «Ваше цесарское и королевское Величество! Глубокое смущение и беспокойство овладело целым русским населением в Галичине... Введение фонетического вместо столетиями санкционированного этимологического правописания... лишено всякого основания, — писали руководители Общества имени Качковского. — Введение фонетического правописания нанесло бы русской письменности весьма чувствительный вред, понеже явилось бы весьма существенным препятствием к образованию литературного языка... Фонетическое правописание находится в противоположности и противоречии к литературным, историческим и церковным традициям русского народа»¹.

Критикуя бурную кампанию в украинофильской прессе Галиции за введение фонетики, галицко-русская пресса не без иронии замечала, что одно из ведущих украинофильских изданий, львовская газета «Дило», горячо выступая за фонетику, в то же самое время продолжает использовать на своих страницах традиционное галицко-русское этимологическое правописание². Галицко-русские деятели критиковали представителей украинофильского лагеря, а также местную администрацию за противодействие галицко-русской общественности в сборе подписей против введения фонетики путём использования административного ресурса. «Поветовые староства... развивают сильную акцию против подписания петиций Его Величеству императору против введения фонетики, — сообщал 16 февраля 1893 года львовский «Галичанин». — Недавно мы приводили слова комиссара тернопольского староства, запрещающие сельским начальникам подписывать петиции против фонетики»³.

Борьба вокруг введения фонетического правописания быстро вышла за узкоязыковые рамки и приобрела колоссальный общественный и даже церковный резонанс. Довольно критически галицко-русские деятели отзывались и о позиции в языковом вопросе тогдашнего главы греко-католической церкви в Галиции митрополита С. Сембратовича, который, действуя в унисон с властями, с одобрением отнёсся к введению «ненавистой и вредоносной фонетики»⁴. Перипетии и дискуссии вокруг введения фонетики дали основание авторитетной галицко-русской газете «Галичанин» сделать вывод о том, что цели польских по-

¹ Галичанин. Львов, 9 (21) лютого 1893. № 29.

² Галичанин. Львов, 4 (16) лютого 1893. № 25.

³ Галичанин. Львов, 4 (16) лютого 1893. № 25.

⁴ Галичанин. Львов, 18 (30) марта 1895. № 63.

литиков в отношении русского народа в Галиции на протяжении столетий были неизменны. По словам газеты, эти цели заключались «в порабощении русского народа, в его ополячении и олатинщеньи. Тактика тех политиков всегда коварная, но изменяется по обстоятельствам и по времени... Тут, на нашей земле, те политики желали бы видеть одних лишь украинофилов, но только таких, которые представляли бы не что иное, как первую фазу преобразования русского народа в польский. Они хотят в галицко-русском народе видеть украинцев, отдельный народ, но такой народ, — подчёркивал львовский «Галичанин», — который бы вечно служил шляхетской Польше»¹.

В этой связи примечательно, что эмигрировавшие в Россию представители галицко-русской интеллигенции единодушно поддерживали как решительные действия русских властей по подавлению польского восстания 1863–1864 годов, так и политику виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, направленную на системную деполонизацию белорусских и литовских земель. По случаю открытия памятника М. Н. Муравьёву русской общественностью г. Вильно в 1898 году проживавшие в Санкт-Петербурге галицко-русские деятели прислали приветственную телеграмму. «Проживающие в Петербурге уроженцы Галицкой Руси, руководимые чувством особого уважения к незабвенной памяти графа Михаила Николаевича Муравьёва, шлют к подножию открываемого ему ныне памятника земной поклон от себя и от своей родины, испытывающей до сих пор все ужасы крамолы, которую так мужественно подавлял великий русский деятель»,² — говорилось в телеграмме русских галичан.

Неслучайно главой Виленской археографической комиссии, которая должна была «разбирать хранящиеся в Виленском центральном и других архивах северо-западных губерний древние акты и документы и издавать наиболее важные в научном отношении»,³ был назначен эмигрант из Галиции и видный деятель галицко-русского национального возрождения профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий. Именно Я. Ф. Головацкому русское правительство доверило крайне важную в политическом отношении научную и издательскую работу на территории северо-западных губерний, призванную показать исконно русский характер белорусских земель и необоснованность польских претензий на эти области.

Одним из следствий введения фонетической письменности стало усиление кампании преследования русского литературного языка

¹ Галичанин. Львов, 25 марта (6 апреля) 1895. № 69.

² LVIA. F. 439. Ap. 1. B.Nr. 92. L. 40.

³ LVIA. F. 596. Ap. 1. B.Nr. 70. L. 17.

в Галиции и на территории соседней Буковины. Так, «воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отбирать книжки, написанные на русском литературном языке, общества студентов “Буковина” в Черновцах и “Академический кружок” во Львове были закрыты...»¹. Активное участие в борьбе с русским литературным языком приняли высшие иерархи греко-католической церкви Галиции, включая митрополита С. Сембратовича, «покорного слуги графа К. Бадени»². Именно Сембратович дал «почин к изданию пастырского послания, запрещающего духовенству и мирянам выписывать и читать орган русской партии “Червонную Русь”, многим священникам отнял отличия и достоинства благочинных»³.

Активная борьба галицко-русского населения против введения фонетики продолжалась несколько лет. Однако, как отмечал О. А. Мончаловский, «не помогли прошения к императору, представления, внесённые русской партией в министерство, и протесты против введения фонетики, поддержанные 50 тысячами подписей русского населения Галичины»⁴. В начале XX века галицко-русские депутаты австрийского парламента Марков и Глебовицкий «требовали для русского языка прав гражданства наравне с прочими языками монархии. Присланные в 1908 году в львовский сейм и венский парламент многочисленные (около 70 000) петиции отдельных лиц и обществ о признании за русским языком в Галиции прав гражданства в школе, администрации и суде были оставлены правительством без всякого внимания»⁵.

Галицко-русские активисты продолжали свою упорную и самоотверженную борьбу за русский литературный язык даже на скамье подсудимых во время судебных преследований со стороны австрийских властей. Так, в ходе знакового судебного процесса над группой галицких русофилов накануне Первой мировой войны в марте 1914 года один из подсудимых, известный галицко-русский общественный деятель и публицист Семён Бендасюк заявил, что «национальное единство русского народа от Тисы до Камчатки» является для него «непоколебимым принципом»⁶. По словам Семёна Бендасюка, продолжавшего традиции галицко-русских будителей XIX века, «русский язык является единственным литературным языком всего русского народа; прочие

¹ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 81.

² Мончаловский О. А. Литературное и политическое украинофильство. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Белгородский А. В. Галиция — исконное достояние России. Москва: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1914. С. 44.

⁶ Čas. V Praze 11 března 1914. Číslo 69.

же славянские языки лишь идиомы и наречия»¹. В то время данная точка зрения ещё поддерживалась значительной частью галицко-русской интеллигенции...

Вопреки массовым протестам галицко-русского населения, украинское фонетическое правописание было не только оставлено в учебных заведениях Галиции, но и введено на территории соседней Буковины. По мере того, как выпускники галицких школ, воспитанные на украинском фонетическом алфавите, вступали в общественную жизнь, сфера применения русского этимологического письма сужалась за счёт расширения сферы украинского фонетического правописания. По мнению современных галицко-украинских исследователей, именно благодаря новому поколению, воспитанному на «фонетике», некогда полностью русофильская Галиция достаточно быстро превратилась в «украинский Пьемонт»². Окончательное торжество украинской идентичности в Галиции было связано с трагическими событиями Первой мировой войны, когда галицко-русская интеллигенция стала жертвой массовых преследований со стороны австро-венгерских властей и в значительной степени была физически уничтожена в австрийских концлагерях и в ходе многочисленных внесудебных расправ.

Тем не менее и в межвоенный период уже в составе Польши в Галиции сохранялось галицко-русское культурно-языковое наследие и островки традиционного галицко-русского самосознания. Так, в 1937 году русская Галиция торжественно отметила столетнюю годовщину смерти А. С. Пушкина. «Галицкая Русь не может обойти молчанием этого великана духа и мысли. Год 1937 — это год Пушкина. Его имя должно прозвучать в самых глухих деревушках Галицкой Руси, — говорилось в сборнике, изданном Галицко-русской Матицей во Львове в честь великого русского поэта. — Слух о Пушкине проник в самые отдалённые места вселенной. Збруч-река, хотя и была оберегаема щетиной австрийских штыков, не в силах была задержать его раската. Гений Александра Сергеевича имел большое влияние на всё творчество Галицкой Руси. ...И. Н. Гушалевич, священник и преподаватель гимназии в одном лице, весьма популярный лирический стихотворец и драматург на Галицкой Руси, являлся самым ревностным учеником Пушкина... И. Г. Наумович, священник-просветитель Галицкой Руси..., делал из патриотических произведений Пушкина свои парафразы...»³.

¹ Ibidem.

² См.: *Чорновол І.* Польсько-українська угода 1890-1894 рр. Львів, 2000.

³ Галицкая Русь Пушкину в 100-летнюю годовщину его смерти. Редактор В. Р. Ваврик. Львов: Издание Научно-литературного Общества Галицко-русская Матица, 1937. С. 4, 9.

Таким образом, галицко-русское национальное возрождение в XIX веке протекало под знаком литературно-языкового единства галицких русинов с Россией и русской культурой, которое исповедовали все крупнейшие галицко-русские культурные и научные деятели. Неоднократные попытки австрийских и польских властей насадить латинскую графику в галицко-русскую письменность для отрыва галицких русинов от русского литературного языка и последующего переформатирования их идентичности первоначально были неудачны. Однако с изобретением фонетического правописания П. Кулишем и его насильственным внедрением в галицко-русскую письменность и систему образования австрийской и польской администрации Галиции постепенно удалось оторвать русских галичан от русского литературного языка и общерусского культурного пространства, распространив украинскую идентичность среди местного населения. Тем не менее галицко-русская культурная традиция, исходившая из идеи общерусского единства, продолжала существовать в Галиции и в первой половине XX века.

МОИ УЧИТЕЛЯ

Я — очевидец периода 1964–1966 и 1968–2020 годов. Первыми преподавателями кафедры французского языка, которых я увидела в пединституте, были Николай Дмитриевич Трегубов и Валентина Алексеевна Зайцева. И увидела я их на вступительном экзамене по французскому языку, в необычной аудитории, маленькой, обитой голубой материей. Потом я узнала, что это фонлаборатория, созданная специально для работы с фильмами, а рядом с нею — кабины для индивидуальной работы студентов.

Я тогда ещё не знала, что Николай Дмитриевич приехал из Франции, что он — ас, носитель языка. Истолковав в свою пользу его благодушный вид и такие понятные вопросы, я ещё осмелилась с ним спорить (на экзамене!), защищая какую-то свою махонькую «кочку» зрения. Сейчас мне это кажется тем более смешным, что я была в неведении относительно всех тех опасностей, которые могли угрожать недавней выпускнице школы № 22 г. Смоленска, получившей золотую медаль, не освобождаящую именно в 1964 году от сдачи всех четырёх экзаменов: по литературе и русскому, истории, сочинению и французскому языку. Как же! Я была кладезем знаний, и всё мне было нипочем!

Валентина Алексеевна уже на первом курсе показала мне, что это далеко не так, испещряя мои письменные работы исправлениями немалого количества ошибок. Она очень любила загружать нас диктантами и изложениями по новеллам Мопассана.

С Татьяной Николаевной Щипковой я познакомилась, когда училась на втором курсе. В 1961 году к нам в аудиторию вошла маленькая, хрупкая женщина с припухшими глазами и губами. Я потом не раз удивлялась той воистину неиссякаемой энергии, которая таилась в столь худеньком теле. Татьяна Николаевна читала у нас курс истории языка и вела семинарские занятия по курсу. Никогда не забуду «Песню о Роланде» и первую фразу из этой эпической поэмы XII века «Чарлес ли реис» (Charles, le roi). Было ужасно трудно понимать старофранцузский язык и произносить слова так, как это делали французы в ту эпоху. И по достоинству оценить эту воинственную и трогательную поэму, её религиозный, патриотический и общечеловеческий пафос я смогла лишь гораздо позже, на Высших педагогических курсах повы-

шения квалификации в 1966 году, на втором году обучения, когда стажировалась именно по истории языка, любовь к которой нам привила Татьяна Николаевна. Ежедневно с Татьяной Николаевной мы встречались и на занятиях по практической грамматике и письменной речи.

Татьяна Николаевна строго оценивала наши работы и была единственным из преподавателей, кто давал рекомендации по исправлению ошибок. Мне она часто писала: «обратите внимание на род существительных». В этом плане нас всех губила интерференция языков. Помимо этого, Татьяна Николаевна была первым учёным, который пробудил во мне интерес к науке. И вот уже на втором курсе состоялось моё «научное крещение»: я выступила (кстати, в актовом зале старого корпуса) с сообщением «Развитие слов при помощи переосмысления». «Доклад» не имел успеха у Галины Ивановны Краморенко, декана факультета иностранных языков. Она была возмущена моим тихим голосом. Тогда я была на неё в обиде, чуть не плакала, а Татьяна Николаевна меня успокаивала. Она была человеком душевным и нас любила и жалела. А Галина Ивановна любила и ценила больше всего порядок и истину. Теперь, на склоне лет, я её очень понимаю: я-таки научилась форсировать голос, а студенты, как и 50 лет назад, «шепчут» и форсировать не хотят ничего.

Далее все три года (к сожалению, наш выпуск состоялся не в 1965 году, как положено, а в 1964 году, и мы лишились многих теоретических дисциплин, без которых все последующие годы приходилось ой как туго) к нам на занятия приходил Борис Михайлович Масис. Нас потрясали его знание языка и феноменальная память. Однажды он по памяти прочёл нам почти всю пьесу Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак», и главным, на что он обратил наше внимание, было изобилие каламбуров, без которых, как я выяснила для себя впоследствии, французы жить не могут. Борис Михайлович расписывался в наших письменных работах так: *Très bien*. 30.12.63. Б. М. И, не исправляя, подчёркивал фразы с ошибками, предпочитая услышать наши вопросы. Я сохранила некоторые из работ, в которых он так расписывался. Благодаря этому я знаю точно, что было на втором, на третьем, четвёртом курсах: мы были им отправлены в свободное плавание по французской новеллистике и русским художественным фильмам. Это были сочинения, они все сохранились, потому что новеллы были потрясающие, а фильмы пронзительные, к примеру, не утративший своей актуальности фильм «Приходите завтра», вызвавший бурю чувств, которыми хотелось поделиться.

Борис Михайлович был человеком необыкновенной доброты, посмеивался над нами, заставлял говорить только по-французски, однажды даже на комсомольском собрании группы, что некоторых

возмутило: Тут такая трагедия! А вы — по-французски! Отчитывал нас лишь однажды (был разъярён), но по-французски: перед нами прошёл целый пласт бранной лексики, в том числе выражение, которым он нас обозначил, — *petits merdeux*. Ну и именно Борис Михайловичу я обязана возможностью продолжить учиться (в группе я была одна такая). На распределении, куда меня пригласили первой, я, как и четверо других романтических девиц, выбрала Сибирь, Кемеровскую область. Борис Михайлович оставил меня на кафедре и «соблазнил» Высшими курсами в Москве.

Татьяна Николаевна появилась в моей педагогической жизни спустя два года после окончания ВПК. Она опекала меня, молодого преподавателя, как мамочка, направляла, объясняла, подсказывала, развивала во мне способность к экспериментированию. Попутно просвещала. Именно благодаря ей я познакомилась с книгой М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и оценила «роман в романе» о Иешуа, сравнивала потом с Флобером, и сравнение это было в пользу Булгакова. А финальные страницы романа потрясающей красоты я просто переписала себе, потому что знала, что у меня не будет возможности перечитать их в ближайшее время.

Эда Моисеевна Береговская появилась на кафедре позже Татьяны Николаевны. Первое, что мне запомнилось, — это её выступление на заседании кафедры с сообщением о путешествии по Дунаю. Это было, вероятно, интересно, но запомнилось почему-то лишь красивое синее платье на ней, которое необыкновенно шло к её загорелому лицу. И я думала: какая она красавица! Эда Моисеевна была моей научной крёстной мамой. Она предложила на выбор два направления научного поиска: фоностилистику и каламбур. Поскольку Эда Моисеевна не читала нам стилистику, понятия о первом направлении у меня не было, а что такое каламбур, я хорошо знала. И обрадовалась: на своё счастье и на свою беду. Началось моё многолетнее странствие по пленительной стране под названием «словесный комизм» вообще (как скажет о французах знаменитый, но недоверчивый майор Томпсон Пьера Даниноса) и каламбур в частности.

А напоследок (перефразируя строку известного романса) я пошучу: *Vive la chaire de français de l'Université d'État de Smolensk! La meilleure du monde!* Для нас, всех преподавателей кафедры, она лучшая в мире благодаря традициям, заложенным нашими мэтрами: Николаем Дмитриевичем Трегубовым, Татьяной Николаевной Щипковой, Борисом Михайловичем Масисом, Эдой Моисеевной Береговской (увы, уже ушедшими), Ольгой Васильевной Расточинской (ныне здравствующей, 90-летие которой мы только что отпраздновали) — и продолженным многими другими.

О ЧЁМ ГОВОРЯТ ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ СМОЛЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 1970-Х ГОДОВ

1970-е годы — относительно спокойное время в 95-летней истории смоленской писательской организации. Эти годы не отличаются бурными исканиями и достижениями первых десятилетий её существования (1920–1930-е годы), когда громко заявила о себе Смоленская поэтическая школа. Позади остались страшные годы войны и годы успешного восстановления в послевоенный период. Ещё не наступил период распада страны и деления единой организации на два союза, ныне существующих.

Чем же жила смоленская писательская организация в 1970-е годы, время так называемого «застоя»?

Ярким событием в литературной жизни не только писателей-смолян, но и литературной общественности всей страны, стало выездное заседание Секретариата Союза писателей РСФСР, прошедшее в Смоленске 12–14 декабря 1974 года (тема: «Новое в поэзии 1970-х годов») во главе с председателем правления С. Михалковым, с участием Ю. Бондарева, С. Залыгина, В. Липатова, С. Орлова, Д. Гранина, Г. Горбовского, Н. Доризо, Е. Долматовского, Ю. Друниной, К. Кулиева, Ю. Прокушева и др. Никогда, ни ранее, ни позднее, столько литературных знаменитостей разом Смоленск не видел. В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) хранятся объёмные протоколы выступлений писателей, прозвучавших на этой встрече.

О каждодневной, не парадной жизни писательской организации также можно судить по сохранившимся протоколам Смоленского отделения Союза писателей СССР¹. Благодаря кропотливой работе и энтузиазму Н. Н. Чепурных, известного смоленского краеведа, многие протоколы собраны, расшифрованы и опубликованы. В самом конце 2019 года вышла в свет объёмная книга «Полилог в контексте времени» (Смоленск: Свиток, 2019), куда вошли протоколы заседаний периода 1940–1990-х годов².

¹ ГАСО. Ф.Р. 3473.

² Книга издана в рамках проекта № 18-1-005581 ««Смоленская земля в памятниках литературы»: открытая информационно-образовательная система», поддер-

В чём смысл публикации протоколов? Это документ времени. Как сказано в редакторском предисловии, «<...> поэтика протоколов красноречиво расскажет о сложном полилоге голосов смоленских писателей в контексте драматического времени — второй половины XX века»¹.

В книге представлены протоколы двух типов: плановых рабочих заседаний организации (отчётное собрание, приём в члены организации) и литературных «четвергов» (обсуждение писательской «кухни», критический разбор произведений конкретных авторов). Благодаря их публикации в распоряжении исследователя на сегодняшний день есть богатый материал для того, чтобы представить формы работы писательской организации и её содержание.

Чрезвычайно информативным с интересующей нас точки зрения представляется отчётно-выборное собрание смоленского отделения Союза писателей, состоявшееся 27 мая 1971 года. На нём присутствовали не только члены Союза писателей, но и «литературный актив Смоленска и области; приглашённые гости». С докладом выступил ответственный секретарь организации Ю. В. Пашков. В его выступлении неоднократно указана руководящая и определяющая роль партии в жизни страны, в частности в её культурной составляющей: «Товарищи! Два года, прошедшие с момента последнего отчётно-выборного собрания, были означены двумя крупнейшими событиями в нашей жизни — 100-летием со дня рождения В. И. Ленина и XXIV съездом партии <...>» (с. 258); «Партия своим решением призывает советских писателей правдиво, смело, с партийных позиций говорить о многообразии жизни нашего народа, помогать ему решать сложные и величественные задачи коммунистического строительства, воспитывать нового человека <...>. Таким образом, речь идёт о создании честных, правдивых книг, которым одинаково чужды и слащавая лакировка в изображении действительности, и беспросветное очернительство, бескрылый натурализм» (с. 258–259).

Рассказав о том, что смоленские писатели тщательно изучили материалы съезда КПСС, Пашков подытожил эту часть своего выступления: «Нет сомнения, что материалы съезда станут основой практической деятельности нашего писательского коллектива, который приложит все силы к тому, чтобы создать высокохудожественные про-

жанного Фондом президентских грантов и реализуемого Смоленским центром гуманитарных исследований. Далее в тексте статьи цитаты из протоколов приведены по этому изданию, в скобках указаны страницы.

¹ Полилог в контексте времени. К 95-летию Смоленской писательской организации. Избранные документы / сост. Н.Н. Чепурных, ред. Л. В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Свиток, 2019. 544 с. С. 4.

изведения, проникнутые духом партийности, отвечающие принципам социалистического реализма» (с. 259).

Далее следовал отчёт о положении дел в смоленском отделении Союза писателей. Нельзя назвать его демонстративным, исполненным ложного пафоса и стремления приукрасить реальность: наряду с заслугами смоленских прозаиков, поэтов, драматургов, критиков Ю. Пашков не скрывает и существующих проблем.

Например, говоря о смоленских поэтах, Пашков не ограничивается похвалами: «Далеко не всегда поэт заботится о музыке стиха и, порою, строки звучат глухо, как сырое дерево» (о Л. Козыре; с. 264); «Забота о ясности мысли и полноте переживаний была оттеснена желанием выразиться повывучней. Началось мучительное придумывание архисовременных метафор. <...> Мы встречаем “солнцебровых Аэлит”, “улыбки спелые”, “ноги-маятники”, “неоновые молнии”, “фестиваль молодых громов” и т. п.» (о Николае Полякове; с. 264–265); «Сергей Михайлович непостоянен в своих привязанностях: то займётся музыкой, то увлекается фотографированием, то сбором фольклора, то изучением собак. Всё это называется “хобби”. Поэзия, требующая полной и безраздельной духовной отдачи, не прощает непостоянства. И расплата за это — дилетантство, любительство» (о Сергее Машкове; с. 265).

Подытоживает размышления о положении дел в поэзии докладчик так: «Мал круг наших тем, плохо мы развиваем в себе (социологический) тип мышления. Мы будем плохими наследниками Исаковского, Твардовского и Рыленкова, если ограничимся освоением их достижений и не попытаемся в меру своих сил и способностей продолжить эти традиции» (с. 266). Звучит актуально и поныне.

Интересную часть доклада представляет отчёт о деятельности региональных литературных объединений. Сейчас тема кружков, литературных групп и объединений актуальна в литературоведении, и у нас есть богатый фактический материал. Проиллюстрируем сказанное одним примером разностороннего сотрудничества Смоленского отделения Союза писателей с самодеятельными авторами. В докладе сказано, что «в конце прошлого года (т. е. 1970 года — Л. П.) был создан областной Совет литературных объединений <...>. <...>, разработан план мероприятий. Предусматривается регулярное проведение областных литературных семинаров, вызовы на писательские “четверги” наиболее одарённых авторов для обсуждения рукописей. Намечены выезды членов Союза писателей в города и районы области для оказания творческой помощи литературным объединениям. Решено также провести конкурс на лучшее стихотворение и рассказ <...>. <...> это, несомненно, приведёт к хорошим итогам — оживится литературная

жизнь в городах и сёлах области, и всё талантливое будет получать профессиональную и своевременную помощь» (с. 270–271).

Отметим, что многое из сказанного тогда, в начале 70-х годов прошлого века перекликается с нашим проектом «СловоТворчество», недавно получившим поддержку Фонда президентских грантов¹.

Руководителей современных отделений Союза писателей при нынешнем остром безденежье, наверное, расстроил бы отчёт о тратах, особенно факты недорасходования выделенных средств: «Средства Смоленской писательской организации расходовались по следующим статьям: оплата за рецензирование, за перепечатку рукописей, командировочные расходы, на встречи с читателями и проведение семинаров» (с. 276). Из всего перечня расходов приведём коротенькую выдержку: «Расходы на вызов литературного актива на “четверги” составили в 1969 году всего 22 руб. из 100, а в 1970 году — вообще не было израсходовано ни рубля на эти цели. Союзу писателей нужно до конца года использовать эти средства по своему прямому назначению» (с. 276).

И отчёт руководителя смоленского отделения СП Ю. Пашкова, и обсуждение его доклада наглядно представляют, чем была наполнена жизнь смоленских писателей в 1970-е годы. Дополняют картины протоколы рабочих заседаний.

В начале 1970 года в Смоленском отделении Союза писателей было 10 человек (Е. Алфимов, Н. Антонов, А. Бодренков, Д. Дворецкий, В. Звездаева, Е. Марьенков, Ю. Пашков, Н. Семёнова, Д. Цыбизов, Т. Ян). Не так много, и, по-видимому, вопрос о пополнении рядов организации стоял остро.

За рассматриваемый период на заседаниях неоднократно ставился вопрос о приёме того или иного литератора в Союз. Единогласно поддерживали кандидатуру поэта и журналиста Леонида Козыря, поэта Алексея Мишина; журналиста, а в прошлом летчика-испытателя Александра Демченко; журналиста Сергея Козлова-Куманского, добровольцем ушедшего на войну, репрессированного в 1945-м и реабилитированного в 1957 году. Так или иначе всех хвалят за умение воплощать в своих произведениях жизненную правду с правильных, обусловленных личным опытом и решениями партии позиций.

Приведём фрагмент обсуждения кандидатуры Л. И. Козыря:

«Д. Дворецкий. Стихи Л. И. Козыря мне близки. Он до тонкости знает армию. Они многое дадут тем, кто не был в армии. <...>. В новых его книгах усилилась гражданственность. <...>

¹ СловоТворчество: формирование культурно-образовательного пространства, способствующего развитию творческого потенциала молодёжи №: 17-1-007009. Победитель конкурса Президентских грантов 2017 года.

Н. Семёнова. Нам врезалась в память война, потому что нас она застала в ту пору, когда мы быстро начинали осмысливать жизнь. Мне близки его стихи о войне. <...>

Н. Антонов. Его стихи выделяет чувство гражданственности. Он всё пропускает через сердце. Мы в его стихах ощущаем черты поколения, к которому он принадлежит. <...> Я присоединяюсь к предложению товарищей — рекомендовать в Союз писателей» (с. 257).

Не так гладко прошло обсуждение того, достоин ли стать членом Союза писателей журналист Н. К. Павлов. Один из тех, кто дал Павлову рекомендацию, Н. Антонов говорил: «Революционный пафос, острая публицистичность, художнический глаз характерны для произведений Павлова. Павлов тяготеет к очерковому плану, и это очень хорошо. Беда критиков творчества Павлова состоит в том, что они зачастую не умеют подняться над личными вкусами, оценивают произведение с сугубо личных, вкусовых позиций, не считаясь с творческой манерой автора, с его эстетической позицией, пытаются навязать свои вкусы, свою манеру» (с. 279).

И те самые, не названные Антоновым, критики тут же дают о себе знать: «*В. Звездаева.* Н. К. Павлов недостаточно участвует в работе писательской организации. Мне кажется, что его книги носят более журналистский характер, чем литературный» (с. 280).

Несмотря на подбадривающие и даже хвалебные отзывы Е. Анисеева, Л. Козыря, А. Мишина, Т. Ян, противники принятия Павлова стоят на своём: «*Н. Семёнова.* Мне кажется, что нужно различать художественную документалистику и журналистскую документалистику. Я считаю, что в данном случае мы имеем дело со вторым» (с. 280).

Открыто высказанная позиция подтвердилась и при тайном голосовании: два из десяти голосов — против.

Гораздо более драматично развивались события вокруг заявления о приёме в Союз писателей поэта Виктора Смирнова. Заявление рассматривалось на заседании, прошедшем 19 июня 1972 года.

«*Н. Антонов.* В. Смирнов, вместе со сборником “Русское поле”, представил рукопись новой книги. Хотя в ней есть талантливые стихи, но большинство их мелки по теме. В стихах, особенно о любви, много банальностей. Ощутима тяга автора к архаизмам, на каждом шагу поминается Бог. Немало стихотворений, проникнутых упадническими настроениями. Автору нужно посоветовать расширять свой кругозор и тематический диапазон.

Предложение: вопрос о приёме поэта В. Смирнова отложить до выхода новой, творчески более зрелой книги.

В. Звездаева. Если по отдельности, то стихи хороши, но вместе — это узкий круг тем, самолюбование. <...> пора ему оглянуться и пи-

сать не только о своём узком мирке. По своему уровню, по отношению к миру он, безусловно, поэт. Человек ещё не нашел своей темы. Не нравится и его самоустремлённость от жизни, от труда людей, от их житейских нужд. <...>

Ю. Пашков. <...> В новой рукописи В. Смирнова есть стихи, отмеченные чертами подлинной поэзии. Они говорят о больших, пока ещё не реализованных возможностях автора. Меня в новой рукописи не устраивает оторванность от времени, от людских судеб, узость тематики, изобилие банальностей и штампов, которые непростительны для выпускника Литературного института. <...>

В настоящее время рано ещё рекомендовать В. Смирнова в Союз писателей» (с. 277).

Стать членом Союза писателей Виктору Смирнову удастся лишь в 1975 году. Насколько качественные изменения произошли за это время с автором, по протоколу обсуждения судить трудно. Участвующие в обсуждении ограничиваются краткими высказываниями:

«Л. Козырь. Мы знаем творчество Смирнова. Поэт он интересный, перспективный. Я — за приём.

Т. Ян. Думаю, что вполне заслуживает быть членом ССП. Русская школа, ясность, пронзительность стихов.

А. Мишин. Я — за приём.

Д. Дворецкий. Продолжает традиции “Смоленской школы”. В книгах его глубокое знание того, о чём пишет “свой человек в деревне” В. Смирнов. Высокую оценку книги его дал С. Наровчатов.

Н. Семёнова. Поэт начинается с третьей книги. В. Смирнов опровергает это. Вторая книга В. Смирнова говорит о его зрелости, о приятном отношении к слову! Мне близка его нравственная позиция. Голосу за приём.

Е. Алфимов. Очень русский поэт, сердечный, простой, добрый. За приём!

В. Цыбизов. Я — за приём!

Е. Максимов. Я — за приём!» (с. 281)

Возможно, свою роль сыграл и тот факт, что Смирнов заручился рекомендацией ректора Литинститута.

Сохранившиеся протоколы заседаний разных лет, протоколы литературных «четвергов» (некоторые читаются как фрагменты интереснейших пьес о жизни советских и постсоветских литераторов), мемуары участников событий, вводимые в научный оборот, станут существенным дополнением для реконструкции различных этапов жизни смоленской писательской организации.

ИЗ ЖИЗНИ СМОЛЕНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960–1970-Х ГОДОВ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПРОФЕССОРОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СГПИ)

О «своём круге»

В первой половине 1960-х годов на историко-филологический факультет и факультет иностранных языков Смоленского пединститута прибыла целая плеяда новых преподавателей, молодых и талантливых. Многие из них были направлены Министерством просвещения РСФСР, среди них были В. С. Баевский и Э. М. Береговская, 11 лет проработавшие в школе шахтёрского поселка на Донбассе. После Ленинградской аспирантуры на иняз был направлен Г. Г. Сильницкий.

На инязе сразу сложился дружеский триумvirат: Георгий Георгиевич Сильницкий — Николай Дмитриевич Трегубов — Евгений Фёдорович Воронов; все трое — из эмигрантских семей: Сильницкий родился в Шанхае, Трегубов какое-то время учился в Сорбонне, а его отец в Париже работал в одной мастерской с известным анархистом Махно, а детские годы Воронова прошли в Харбине, где его отец занимал ответственный пост в КВЖД. Вскоре это эмигрантское сообщество пополнилось преподавателем французского языка Борисом Михайловичем Масисом (из недавно присоединённой к стране Молдовы) и преподавателем немецкого Густавом Анжеловичем Гальпериным, окончившим Венский университет. Все перечисленные лица владели не одним западноевропейским языком и соответствующим культурологическим наследием. Добавим, что неэмигранты Береговская и Баевский тоже владели несколькими языками. Эда Моисеевна, будучи специалистом по французскому языку, в школе преподавала немецкий. Был случай, когда при поступлении её учеников в Донецкий университет экзаменаторы не хотели верить, что абитуриенты учились в Донбассе в школе шахтёрского поселка, а не в Германии. Баевский с первого года работы в шахтёрском поселке записался на заочные московские курсы французского языка и освоил его так, что, сдавая в Киевском университете кандидатский экзамен, свободно беседовал с экзаменатором, обрисовывая систему времён французского глагола и

читая вслух предложенный французский роман без подготовки, с листа. В 1960-е годы, когда он начал систематически знакомиться с иностранной научной литературой, английский язык не господствовал так безраздельно, как сейчас. В сборниках трудов международных научных конференций тексты докладов печатались по большей части на родном языке автора. Встречая нужную статью на итальянском, венгерском, каком-нибудь славянском или скандинавском языке, он храбро брал грамматику и словарь и пытался разобраться. Иногда ему это удавалось, иногда трудности оказывались непреодолимыми. В итоге научную литературу по-сербо-хорватски, по-чешски, по-польски, по-белорусски он уверенно читал. С увлечением прочёл на итальянском языке сенсационную книгу Серены Витале “Il bottone di Puškin”.

Наверное, в середине 1960-х – в 1970-е годы в Советском Союзе не много нашлось бы провинциальных вузов, где одновременно работало бы такое количество бывших эмигрантов с разных концов света и такое количество высокообразованных людей.

О науке

Так сложилось, что кандидатская диссертация Сильницкого 1965 года и докторские диссертации Баевского и Береговской 1975 и 1979 года соответственно были защищены только со второго раза. Виной тому — их новаторский характер. Общая оценка кандидатской диссертации Сильницкого свелась к реплике «Смелость мысли, граничащая с авантюризмом»¹. Соискателю с первого раза не удалось убедительно методологически обосновать правомерность выделения понятия «семантических типов предложения». Автор разработал универсальную двустороннюю информационную модель, возникающую между субъектом и внешним миром и имеющую два уровня — поверхностный и глубинный. Его мысль заключалась в том, что она применима к описанию не только когнитивных структур (научных, философских, языковых), но и разных видов искусства, культуры в целом.

Докторская диссертация Баевского «Типология стиха русской лирической поэзии» была написана без докторантуры и посвящена стиховедению. А в 1970-е годы изучение стихотворной речи, на зарплате и добровольное, на языке идеологии называлось формализмом. Слово «формализм» было значительно хуже матерного ругательства. А сам по себе формализм почти что приравнивался к государственной измене. В СССР это была первая докторская диссертация о стихотворной речи 20 замечательных поэтов середины XX века. И это была первая

¹ Сильницкий Г.Г. Осмысление прошлого. Четыре витка одной жизни. Смоленск: Свиток, 2018. С. 151.

в СССР диссертация и одна из первых в мире, в которой были использованы точные методы математической статистики, теории вероятности. Оппонентами выступили Ю. М. Лотман, Б. Ф. Егоров и тартуский лингвист-семиотик Борис Михайлович Гаспаров (сейчас он профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке). Но организовать защиту долгое время ни в Тарту, ни в Ленинграде, где работал Егоров, не удавалось. Тогда попыталась помочь и организовать защиту у себя Марина Абрамовна Краснопёрова, смелая исследовательница стихотворной речи, работающая на математическом факультете Петербургского университета. Это уже был жест отчаяния. В конце концов защита состоялась всё-таки в Тартуском университете и прошла благополучно.

Деталь: накануне защиты Баевский хотел послать оттиски своих ключевых статей иностранным учёным. Его заставили писать ректору, объяснять, зачем это нужно, и просить разрешения. Баевский не стал.

После защиты диссертации предстояло пройти ВАК. Обычно это чистая формальность. Диссертацию Баевского отправили на отзыв одному из специалистов по теории литературы, занимавшему ключевое место в советской науке о литературе, лютому научному врагу и гонителю Лотмана, и он дал уничтожающий отзыв.

ВАК оказался на высоте. Диссертация была отправлена на новый отзыв — академику Колмогорову. Единственному, кто до Баевского применил математическую статистику в исследовании стихотворной речи, и непререкаемому авторитету. Что же в отзыве? «Существенную роль играет в диссертации статистический метод. Никогда ещё в стиховедении не проводилось статистического обследования большого материала по столь большому числу признаков. Удачей автора является широкое применение ранговой корреляции между признаками. Привлечённые автором диссертации средства математической статистики элементарны. Но многие выводы статистического анализа поддаются содержательной интерпретации и представляются мне весьма интересными»¹.

В. С. Баевский показал, что существует корреляция между уровнем стихотворной речи и более высокими уровнями — поэтической речи, жанрового единства, значений и смыслов, даже бытового и жизненного поведения.

Повторную защиту назначили в 1976 году в президиуме ВАКа, куда Баевского сопровождала жена; она осталась ждать его в приемной. «Вхожу — и боюсь себе поверить: все улыбаются, обстановка явно доброжелательная. Оказывается, тут строгая субординация: Колмогоров с его почти сверхъестественной одарённостью и миро-

¹ Баевский В. С. Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 143–144.

вым авторитетом своим отзывом перебивает предыдущий неблагоприятный отзыв. Минут через пятнадцать я выхожу к жене доктором филологических наук»¹.

Он не знал тогда, что через несколько лет, когда докторскую диссертацию будет защищать Эда Моисеевна, ВАК назначит ей повторную защиту, и уже он будет выступать в роли группы поддержки.

По совету Ефима Григорьевича Эткинда Эда Моисеевна стала работать над докторской диссертацией, посвящённой проникновению социальных диалектов французского языка во французскую художественную прозу 1960–1970-х годов. Докторскую диссертацию «Язык художественной литературы и социальный диалект» Э. М. Береговская защитила в 1979 году в специализированном совете Института языкознания АН СССР, председателем которого был директор института академик Г. В. Степанов. В качестве официальных оппонентов были приглашены академик Д. С. Лихачёв, В. Г. Гак и Р. Г. Пиотровский. Ведущей организацией был определён МГУ, где кафедру возглавлял член-корреспондент АН СССР Р. А. Будагов. Не все знают, что Д. С. Лихачёв при окончании университета защитил два диплома: по романо-германской филологии и по славяно-русской филологии. А во время ареста и ссылки на Соловках на собственной судьбе зека он познакомился с социальными диалектами, которым после освобождения посвятил ряд работ.

Несмотря на высокую оценку, которую диссертация получила у всех участников защиты, нашлись силы, которые на стадии утверждения результатов защиты ВАКом ожесточённо боролись против присуждения Э. М. Береговской докторской степени. Говорили, что в эпоху развитого социализма Береговская учит советских студентов ругаться по-французски, ставили в упрёк, что по объёму своему диссертация превосходит рекомендованные ВАКом границы. Д. С. Лихачёву и Г. В. Степанову пришлось опереться на весь свой авторитет, чтобы добиться справедливого завершения дела. В частности, Лихачёв обратился к В. Г. Кириллову-Угрюмову, главе ВАКа, с письмом, в котором заявил, что, если ВАК не утвердит диссертацию Береговской, он, Лихачёв, прекратит любые формы сотрудничества с ВАКом. Причём сделал он это не по просьбе Эды Моисеевны или кого-либо из её заступников. Он узнал о ситуации от кого-то другого и так близко принял это к сердцу². Только в 1982 году ВАК присвоил Э. М. Береговской учёную степень доктора филологических наук.

¹ Там же. С. 145.

² Из письма В. С. Баевского Б. Ф. Егорову от 11.07.2001. Личный архив В. С. Баевского.

О студентах

В дневнике Баевского находим такую запись:

«В лекции по логике (первый курс исторического факультета) я говорю о сравнении как приёме, заменяющем определение понятия. Привожу пример: Очень трудно определить, что такое совесть. Но я могу сказать: “Совесть — это как компас, который есть в каждом из нас и указывает, когда мы поступаем правильно, а когда отклоняемся от правильного курса”. Студент поднимает руку: “А я могу дать определение совести”. — “Пожалуйста”. — “Совесть — это эмоционально пережитое отношение человека к своим поступкам”. Я сделал только одно дополнение — отношение, оцениваемое по шкале “хорошо / плохо”. Дома посмотрел в энциклопедии и словари. Там формулировки значительно хуже: метафорическое (“внутреннее отношение”) и без учета эмоционального фактора, т. е. основного. Какое счастье работать со студентами!»¹

О духовной жизни

Досуг учёных часто составляли шахматные партии и общение с художниками. Замечательная смоленская художница Н. И. Агеева в 1974 году выполнила серию живописных портретов Баевского. По поводу одного из них в дневнике учёного находим запись: «Вчера у Нины видел свой портрет. Говорю: он потому кажется мне глубоким, что есть мысль о Вечности. А я много думаю о Боге. И тут Нина с несвойственной ей живостью показывает мне два этюда этой картины, где в правом верхнем углу — Распятие. Потом она его убрала, опасаясь, что это сама привнесла, от себя, и что получается слишком литературно. Но идея эта»².

¹ Личный архив В. С. Баевского.

² Личный архив В. С. Баевского.

«АБЕРРАЦИИ АДЕКВАТНОСТИ» В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ ПО ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Речь пойдёт о последствиях того, что А. В. Михайлов в своё время определил как «*операцию обратного проецирования*», при которой «чужой для нас исторической ситуации мы приписываем способность подчиняться нашим понятиям и представлениям»¹. В своей известной монографии «Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей» Александр Викторович заметил: «...в истории культуры могут происходить резкие изменения, *переосмысления*², которые осознаются лишь много времени спустя или вообще не осознаются <...> Главный метод истории культуры как науки — это *обратный перевод* постольку, поскольку вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания. Итак, надо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места»³.

Объём статьи, разумеется, не позволит здесь и сейчас поставить все вещи на их первоначальные места, однако я попытаюсь указать хотя бы на некоторые ставшие привычными и едва ли не аксиоматичными в научном обороте «вещи», которые на самом деле поставлены не только на «чужие места», но ещё и с ног на голову. Очевидно, что слишком многие учебные программы и учебники для всех ступеней современного гуманитарного образования предлагают для усвоения учащимися понятия, несомненно получившие терминологический статус, но,

¹ Михайлов А. В. Несколько тезисов о теории литературы. Стенограмма доклада, сделанного 20 января 1993 года на заседании Научного совета ОЛЯ РАН «Теория и методология литературоведения и искусствознания // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М., Наследие, 2001. С. 215.

² Здесь и далее специально не оговорённое выделение курсивом — наше. — Л.Л.В.

³ Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 16.

тем не менее, нуждающиеся в существенных уточнениях, поскольку не определены ни их состав, ни объем, ни атрибутивные признаки, то есть нет собственно научной их дефиниции. И причина здесь, думается, в глубоких концептуальных и методологических ошибках, приведших, по словам А. В. Михайлова, к «предельному переосмыслению содержания» тех культурных феноменов, которые гуманитаристика описывает и исследует. Такие переосмысления я определяю как «абберации адекватности». Остановлюсь на наиболее, на мой взгляд, значимых.

Прежде всего, нужно отметить четыре серьезных концептуальных изъяна в подаче учебного материала.

1) Отождествление фактографии с научным описанием: современные учебные программы и создаваемые на их основе учебники дают массу самодостаточного и самодовлеющего фактографического материала, никак не связанного или совсем мало связанного причинно-следственными связями. Пополняя эрудицию учащихся, давая ответы на вопросы «что?», «где?», «когда?» и, реже, — «как?», современные учебники, однако, крайне редко пытаются ответить на самый важный вопрос — «почему?», а если и пытаются, то делают это, используя «операцию обратного проецирования». Но чаще вопрос «почему?» вовсе не ставится, как и цель научить задаваться таким вопросом; вместо выводов даётся подведение итогов.

Вот примеры из пособий, взятых наугад.

В одном из них автор подводит итоги (которые, по-видимому ему самому кажутся выводами) в разделе, посвящённом развитию белорусского летописания: «Все эти моменты (индивидуальная манера рассказывать, авторская манера оценки описанных событий, мотивация поступков персонажей. — Л. Л.) в средневековой прозе постепенно усиливались в течение времени, секуляризовались, что, в свою очередь, в конце концов привело к постепенной трансформации летописных произведений в исторические повести, частные мемуары и произведения синкретического жанра (? — Л.Л.). Последние — своеобразные, они находятся между летописью и мемуарами. Первый ещё живёт, но он уже на пороге исчезновения, а вторые только что начинают появляться на свет, а потому ещё питаются традициями летописей и во многом подобны им»¹.

В другом взятом наугад из Сети пособии видим подобного рода «вывод», касающийся особенностей развития белорусского рассказа XX века: «В целом белорусскому рассказу начала XX века свойстве-

¹ Таранеўскі В. У. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVII стст. Віцебск: Выд. УА «ВДУ ім. П.М. Машэрава», 2006. С. 12. Здесь и далее перевод с белорусского языка мой. — Л.Л.

нен синтез фольклорного и философского, лирического и эпического начал»¹.

А вот авторы пособия по истории культуры Беларуси отказались даже и от подведения итогов, ограничившись перечислением и кратким описанием наиболее значимых, на их взгляд, фактов, сопровождаемым насыщенным иллюстративным рядом².

2) Порочный консерватизм: ошибка или натяжка, некогда сделанная, возможно, случайно (или же наоборот — умышленно), считается доказанной или же не требующей доказательств очевидностью, системно возводится в незыблемое правило и не обсуждается; исправить такую ошибку удаётся порой (если вообще удастся) лишь через несколько «поколений» учебных программ и учебников. Приведу лишь один, но весьма показательный пример: князь Всеслав Брячиславич Полоцкий, охарактеризованный авторитетным историком XIX века как чародей (думается, не без умысла принизить значение этой личности), теперь почти во всех белорусских учебниках (да и в научном обиходе), причём по разным гуманитарным дисциплинам, гордо называется Чародеем с большой буквы с заверениями, что такое прозвище дано ему было восхищенными его деяниями современниками.

3) Отстранённость: для изучения предлагается не «живой» феномен культуры, а его аватар или даже симулякр — привычная и удобная, часто весьма идеологизированная и (или) политизированная схема; то есть изучается по сути не само явление, а представление об этом явлении, сложившееся в той или иной научной школе или у того или иного признаваемого авторитетным (а значит, непогрешимым) исследователя. И даже знакомство с первоисточниками в этом случае далеко не всегда помогает, ибо образ и смысл первоисточников уже «задан» общепризнанной интерпретацией.

Например, архиепископ Антоний (Мельников) в своей статье о преподобной Евфросинии Полоцкой предположил, что «младший из сыновей знаменитого Всеслава Полоцкого <...> не получил никакого удела и потому жил в самом Полоцке при своём старшем брате — князе Борисе Всеславиче»³, по-видимому, вместе со своей

¹ Астарух А. Э. Гісторыя беларускай літаратуры (пачатак XX стагоддзя): Вучэбна-метадыч. дапам. Гродна: ГрДУ, 2002. С. 15.

² См.: Хромчанка Дз. М. Гісторыя культуры Беларусі: Вучэбна-метадычны дапаможнік. Электронны вучэбны матэрыял / Пад.рэд. У. А. Бажанава. Мінск: Выд. БНТУ, 2015. 430 с.

³ Антоний (Мельников), архиепископ. Преподобная Евфросиния Полоцкая. Богословские труды. Сб. 9. М., 1972 С. 8.

женой, и значит, будущая подвижница должна была родиться в Полоцке. Несмотря на то что это предположение ничем не подкрепляется (в том числе и текстами всех сохранившихся редакций жития преподобной) и в общем противоречит традиционному для Древней Руси (известному по летописям) обычаю наделения сыновей уделами, представление о рождении преподобной Евфросинии именно в Полоцке прочно вошло не только в церковный, но и в научный обиход, не только в учебники по различным гуманитарным дисциплинам, но и в культурно-историческое сознание белорусов. Апелляция к тексту жития приводит к прямо противоположному результату, ибо читаемый во многих списках фрагмент «бысть князь в граде Полотске именем Всеслав, той имеа сыны многы. И беша у него меньший сын именем Георгий, от негоже родися сия блаженная отроковица» однозначно воспринимается как доказывающий правомерность предположения архиепископа Антония.

4) Конвенциональность: многие понятия, которыми пользуется гуманитаристика, превращаются в пустую оболочку, о смысле которой можно только условиться, и значит, при каждой новой конвенции смысл этот будет иным и — в чём главная сложность — непредсказуемым, что чрезвычайно усложняет (если вообще не уничтожает) возможность научить чему бы то ни было. Проблема усугубляется ещё и тем, что в число таких «конвенционных» понятий входят, казалось бы, всем известные и понятные: «книга», «литература», «канон», «национальная культура», «цивилизация». «государственность» и т. д. Ещё хуже то, что процесс согласования разных конвенций подчас отождествляется с научным исследованием.

Концептуальные «абберрации адекватности» порождают целый ряд методологических.

1. Одна из самых серьёзных, на мой взгляд, — отождествление типологии и периодизации, сопровождающееся убеждением в том, что «более примитивные типы» развиваются в более сложные и совершенные. Это убеждение порождает и подпитывает идеи эволюции и прогресса, которые по сути своей чужды гуманитарной сфере, а значит изучающим её дисциплинам.

Отец Александр Мень, размышляя об истории культуры, весьма проницательно отметил: «Человек всегда стоял на какой-то духовной платформе <...> Прекрасное в истории человеческой культуры всегда было прекрасным. У него была история, то есть были различные фазы, различные *типы* искусства и духовности, но развития в том смысле, что вот это искусство было примитивным, а потом оно под-

нималось всё выше и выше, не было...»¹; «в ноосфере уже нет больше эволюции, а есть История. Религия, искусство, этика скорее живут в человечестве, чем развиваются в эволюционном смысле <...> в чисто духовном творчестве человек стоит вне биологической эволюции, что вполне понятно с библейской точки зрения. “Адам”, т. е. целостная душа человечества, “вышедшая из рук Творца”, должна была быть свободна от несовершенства природного мира и идти по своему собственному пути»².

Эту идею развил А. Б. Зубов. В своих «Лекциях по истории религии» он пишет так: «Человек существует как бы в двух планах: как физическое существо, как существо, обращённое к внешнему миру, человек развивается; как духовное существо <...> человек пребывает — не развивается, а пребывает <...>; как духовное существо он совершенен и может лишь деградировать, падать, опускаться, но в своих высочайших подъёмах он не развивается <...> а вот в плане внешнем человек развивается, всё лучше и лучше осваивая среду обитания» (лекция 1-я)³.

Между тем во всех современных учебных курсах по гуманитарным дисциплинам идеи прогресса и эволюции как принципы подачи материала превалируют: искусство представляется как развивающееся от примитивного к совершенному; при этом образец совершенного выбирается по критериям, порождённым современным мышлением, а за критерий оценки по умолчанию принимается соответствие или несоответствие ценностям современной секулярной культуры.

Например, как не требующая доказательств очевидность преподносится тот факт, что культура слова развивалась от «примитива» древней книжности к изысканному совершенству новейшей литературы. Однако таковое представление в корне неверно; причём можно привести по крайней мере два солидных аргумента, его опровергающих: во-первых, вряд ли кто-нибудь безусловно согласится с тем, что, скажем, библейские книги (в учебниках попадающие, как правило, в раздел «Устное народное творчество») примитивнее произведений современных авторов; во-вторых, в любой синхронии любой культуры, в том числе и современной, всегда сосуществуют и «примитив»,

¹ Мень А. В. Мировая духовная культура, христианство, церковь: лекции и беседы. М.: Нижегородская ярмарка, 1995. С. 22.

² Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 2: Магизм и Единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. М.: СП «Слово», 1991. С. 382.

³ Зубов А. Б. Лекции по истории религии. Изд. Альпина Диджитал, 2016. 107 с. // MyBook [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/andrey-zubov/lekcii-po-istorii-religij/read/?page=2>. Дата обращения: 10.01.2020.

и «изыск». Так что теория прогресса в отношении истории литературы и культуры в целом, как и порождаемый этой теорией строго хронологический принцип подачи материала, откровенно вводят учащихся в заблуждение и не дают ничего для адекватного понимания закономерностей культурного развития. Более того, они приводят к явным, хотя, как видится, не осознаваемым составителями программ, казусам пренеприятнейшего свойства. Так, в белорусской гуманитаристике фольклор подаётся как «заготовка» средневековой книжности, а эта последняя (своего рода «недолитература») — как «заготовка» новой и новейшей национальной литературы; и вместе с тем утверждается, что формирование нации и «поиски национальных ценностей» в XVIII веке происходили на фольклорном субстрате; то есть, если следовать этому прогрессивно-хронологическому принципу, получается, что национальная литература возникает на основе «недо-недо-литературы»? Не значит ли это, что на такой основе и формироваться должна была «недо-недо-нация»? И куда, спрашивается, подевались восемь веков отечественной книжной традиции?

На основе такого подхода христианская культура постоянно отождествляется со средневековой, и это совершенно неверное отождествление никак не объясняется и не аргументируется. Отсюда многие парадоксы в структуре учебных материалов. Так, *древнерусская (средневековая) христианская книжность* рассматривается как «заготовка» классической русской литературы, но в курсах современной литературы современная христианская книжность не изучается и даже не упоминается, как будто она осталась в Средневековье; средневековая *иконопись* подаётся как «заготовка» светской портретной живописи, но в учебных курсах по искусству Нового и Новейшего времени современная иконопись не рассматривается — она тоже осталась в Средневековье; *ренессансный гуманизм* представляется как более развитая форма христианского — средневекового! — гуманизма; и т. д.

Тем же отождествлением типологии и периодизации объясняется и устойчивое представление о гомогенности средневековой культуры как «более примитивного этапа» развития современных культур. С. С. Аверинцев, например, всю европейскую литературную культуру IV века до н. э. — XVIII века н. э. характеризовал как «рефлексивно-традиционалистскую»¹, а А. В. Михайлов, соглашаясь с утверждением С. С. Аверинцева, объединил более чем двухтысячелетнюю историю европейской культуры понятием единой «морально-риторической

¹ Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1991. С. 11.

системы»¹. Д. С. Лихачёв обосновал эти точки зрения представлением о едином «эстетическом коде» и «стиле мышления» древнерусской культуры, Ю. М. Лотман — «эстетикой тождества» в гносеологии. Поэтому столь привычны в медиевистических и культурологических исследованиях такие определения, как «средневековый художественный метод»², «чисто средневековый тип духовно-эстетического отношения»³, «средневековый сакральный текст», и здесь же «средневековый тип <...> отношения к проблеме знака»⁴, «набор категорий <...>, присущих средневековому сознанию»⁵, «молитвенная практика средневековья»⁶; «древнерусской литературе присущ один художественный метод»⁷ и т. д.

С литературоведами вполне солидарны искусствоведы и философы: «Вплоть до зарождения в древнерусском искусстве каких-либо направлений (в XVII веке) художественный метод его был единым, — утверждает, ссылаясь на исследования В. В. Бычкова, один из авторитетнейших искусствоведов Г. К. Вагнер, — так как обуславливался единством христианско-средневековой гносеологии»⁸.

Однако все эти утверждения, во-первых, не учитывают тот факт, что сама «христианско-средневековая гносеология» не была единой, гомогенной и не мыслила себя таковой, но, наоборот, предполагала возможность разных способов познания мира, а через него — Творца, и на этом основании предлагала и даже предписывала и обосновывала неизбежность разных видов богопознания и разных способов многоступенного обучения богопознанию с соответствующим им — отнюдь не единым и не универсальным — инструментарием. Так что при безу-

¹ Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVII–XIX веков // Античность как тип культуры: сб. статей / АН СССР, Науч. совет. по истории мировой культуры; отв. ред. А. Ф. Лосев. Москва: Наука, 1988. С. 310.

² Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд. АН СССР (Ленинградское отделение) 1958. С. 10; ср. Эко, Умберто. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.: Алетейя, 2003. (Серия «Библиотека средних веков»). Сс. 10, 48, 71.

³ Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры: sub specie aesthetika: в 2 т. ЦГНИИ ИНИОН РАН. М.; СПб.: Университет. книга, 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. С. 35.

⁴ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры: Сборник. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 58, 59.

⁵ Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 74.

⁶ Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М.: Языки славянских культур, 2007. (Studia philologica). С. 118.

⁷ Кусков В. В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1982. С. 10.

⁸ Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1987. С. 54.

словном единстве цели «христианско-средневековой гносеологии» (богопознание) способы её достижения были весьма разнообразными, подчас противостоящими друг другу, как, скажем, в противостоянии египетско-сирийско-афонской и палестино-студийской традиций в восточном монашестве (соответственно — Александрийской и Антиохийской школ в богословии); представителей так называемых интериорной (аскетической) и патристической (церковно-богословской) гносеологии; аналогистов и анималистов, эзотерической и типолого-исторической традиций в интерпретации Писания¹; паламитов и их оппонентов — религиозных гуманистов и т. д.

2. К методологическим «абберациям адекватности», существенно влияющим на качество преподавания гуманитарных дисциплин, относится и выбор критериев, по которым определяется объём культурно-исторического наследия восточнославянских народов. К примеру, весьма распространено и становится всё более популярным мнение, что к белорусской культуре относится только то, что создано непосредственно на территории современных белорусских земель либо выходцами из этих земель. Такое мнение основано на ошибочном неисторичном представлении, что тот или иной народ возникает чуть ли не в палеолите и существует во всей своей обособленной «нинакогонеподобности» и неповторимости, и поэтому начиная с глубокой древности можно изучать только формы, способы и направления культурных отношений между отдельными, издревле существующими народами. При таком подходе главным является, разумеется, следующее: во-первых, выявить неповторимое «своё», а во-вторых, — категорически отсечь «чужое». Однако действие это не только ошибочно (вообще говоря, ненаучно), но и объективно невозможно, так как история народов и их культур значительно сложнее этой примитивной дихотомии. Например, при таком категорическом «отсечении своего от чужого» белорусская культура утрачивает и прологовое Житие святого Кирилла Туровского, так как составлено оно в северо-восточной Руси и отнюдь не выходцем из белорусских земель, и Житие Антония, Иоанна и Евстафия Виленских, созданное на южнославянских землях, да и Житие преподобной Евфросинии Полоцкой, первоначальная, собственно Полоцкая, редакция которого не сохранилась, а те, что сохранились, созданы точно не на белорусских землях (кроме разве что Второй прологовой — относительно поздней и явно вторичной).

Очевидно, что такое «переосмысление» объёма культурного наследия разрушает представление о культурно-исторической преемствен-

¹ См.: *Шнем Г. Г.* Герменевтика и её проблемы. Ч. 1 // Контекст-1989. М.: Наука, 1989. С. 233.

ности, не позволяет увидеть культуuroгенез того или иного народа во всей его полноте, сложности и неповторимости. В частности, попытка сосредоточить внимание исключительно на «своём» нивелирует очень важные для культуuroгенеза в эпоху средневековья факторы — государственную и конфессиональную принадлежность, которые, собственно говоря, и формируют культуuroтворческую специфику того или иного народа, существенно влияют на культуuroтворческие процессы, если вообще не управляют ими.

Так, при описании культуuroгенеза белорусов при таком подходе остаётся неучтённым целый комплекс факторов:

1) культура западнорусских (нынешних белорусских) земель возникла и первоначально развивалась как органическая составляющая культуры *slavia orientalis* в лоне греко-византийской, восточно-христианской традиции, усваивая лучшие её достижения;

2) на протяжении XI–XVIII веков эта культура развивалась в условиях трёх сменивших друг друга государственных формирований — Киевской Руси, Великого княжества Литовского Руского и Жемойтского, Речи Посполитой, в результате чего претерпела мощное модифицирующее воздействие со стороны, во-первых, языческой (коренного балтского населения Великого княжества Литовского), а во-вторых, римско-католической (в её польской и чешской «редакциях») традиций;

3) даже в государственных (весьма подвижных!) границах Великого княжества Литовского довольно долго (до середины XV века) эта культура развивалась на канонической территории Киевской митрополии Константинопольского патриархата — образования в определённом смысле надгосударственного, в котором обеспечивалось единство духовной культуры всех народов *slavia orientalis*, несмотря на их разnogосударственную принадлежность и уже сложившее к тому времени этническое своеобразие;

4) столкновение в одном государстве и последующее «врастание» друг в друга культурных традиций *slavia orthodoxa* и *slavia romana* привело к возникновению внутри польско-литовско-славянского государства «химерной композиции» — обречённого на гибель объединения несовместимых суперэтнических систем;

5) решающим фактором культурной самоидентификации славянского населения на белорусских землях в эпоху Средневековья и раннее Новое время была не этническая, не генетическая, не государственная, а конфессиональная принадлежность, что несомненно влияло на специфику культурного развития;

6) в самый ответственный фазис самоидентификации и формирования национальной культуры — переход от Средневековья к Новому

времени — восточнославянский этнос на белорусских землях пережил длительный период целенаправленной полонизации с сопутствующим ей окатоличиванием, в результате чего к моменту, когда европейские народы завершили создание национальных государств и национальных культур, славянское население белорусских земель было лишено такой возможности, утратив культурную элиту, а вместе с ней (к концу XVII века) — литературный язык (его место занял польский) и культурную традицию *slavia orientalis* (превалирующей стала западноевропейская культура);

7) в результате метисации и миксации, неизбежных в условиях «химерной композиции», возник новый этнос с новым стереотипом поведения и, следовательно, новым культуротворческим алгоритмом, который и лёг в основу формирования современной белорусской национальной культуры, представляющей собой сложную комбинацию модифицированных «фрагментов» культур *slavia orthodoxa* и *slavia romana*.

3. Методологически неверным представляется рассмотрение феноменов религиозной культуры отдельно от культа, их породившего. В частности, христианская книжность и иконопись изучается на курсах истории литературы и истории мировой культуры отдельно от святоотеческой теории творчества и теории художественного изображения (иконологии). А между тем в системе христианского вероучения понятие творчества имеет иные пределы, объём и содержание, осмысляясь в категориях не этико-эстетических и психологических, определяемых социальной средой, идеологическими установками и мировоззрением самого художника, как это происходит в секулярной культуре, но в категориях онтолого-гносеологических и литургико-сотериологических, получая своё обоснование в сфере христоцентричной антропологии. В святоотеческом учении художественное творчество представлено как неотъемлемая часть многосложного процесса Богопознания-обожения-спасения; всякое иное творчество считается праздным, а то и прямо вредным занятием и не поощряется.

Игнорирование этих фактов приводит, например, к невозможности различать христианское просветительство, ренессансное просветительство, просветительство эпохи Просвещения и современное представление о просветительской деятельности. При этом термин «просвещение» употребляется в отношении разных культурно-исторических эпох в современном его понимании без всяких объяснений и уточнений. То же самое можно сказать о понятиях «духовность», «гуманизм», «реализм», «книга», «святость» и др.

Исправление отмеченных aberrаций, безусловно, требует времени и определённых усилий, чтобы преодолеть мощную инерцию привычки и освободиться от шор, которые привычно и уютно обезопасили наш взгляд на мир. Но только после «обратного перевода» учебные программы и учебники для всех ступеней современного гуманитарного образования действительно будут способствовать подготовке квалифицированных специалистов в этой области.

Р. В. Белютин

*кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой немецкого языка СмолГУ*

С. А. Баруздина

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка СмолГУ*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАФЕДРЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СМОЛГУ

Татьяна Николаевна Щипкова обладала многими талантами и, как сейчас принято говорить в науке, компетенциями. Безусловно, самая главная компетенция — человеческая, именно она задаёт вектор, является «профильной» в процессе формирования и развития личности. Мы, как и многие наши коллеги, преклоняемся перед профессиональными и человеческими качествами Т. Н. Щипковой, её нестигаемой волей, смелостью, стремлением к познанию и готовностью бескорыстно осуществлять трансфер этого знания.

Одним из фрагментов картины мира Татьяны Николаевны был иностранный язык. Факультет, на котором работала Т. Н. Щипкова, всегда — и в то время, и сейчас — давал прочные знания; на нём учили не только грамматике и лексике, на нём учили понимать «иную» ментальность, что крайне важно и для межкультурной коммуникации, и для выстраивания эффективного общения внутри собственного языкового коллектива. Обратимся к истории¹.

С 1963 года начинается многолетнее тесное сотрудничество Смоленского государственного университета с немецкими вузами, в первую очередь с Высшей педагогической школой им. Карла Фридриха Вильгельма Вандера в Дрездене. Первая делегация из этого Дрезденского педвуза во главе с его ректором Вернером Келлером прибыла в Смоленск 7 июня 1963 года.

Высшая педагогическая школа имени К. Ф. В. Вандера к тому моменту была хоть и достаточно молодым вузом (ей исполнилось лишь 10 лет), но одним из крупных в ГДР. Там велась подготовка по

¹ Авторы выражают признательность доктору исторических наук, профессору, директору Музея истории СмолГУ А. В. Тихоновой за предоставленную историческую справку.

ряду специальностей: «немецкий язык и литература», «математика», «история», «естественные науки», «русский язык», «художественное воспитание».

Во время первого визита немецкой делегации был заключён договор с СГПИ, результатом которого стали активные обмены между вузами. Сначала сотрудничество велось на уровне кафедр, а затем начались и студенческие обмены. Первая группа из 23 дрезденских студентов приехала в Смоленск в сентябре 1967 года, а уже со следующего года число студентов было увеличено до 40 человек. К 20-летию дружбы (к 1983 году) только дрезденских студентов в Смоленске побывало почти 1200 человек. Традиционными стали поездки в ГДР преподавателей и студентов Смоленского педагогического института.

Проводились международные научные конференции, в том числе ежегодные интернациональные студенческие (более 20). К 60-летию СГПИ было издано два сборника статей «Смоленск — Дрезден». Доброй традицией были фестивали дружбы с участием иностранных студентов.

В феврале 1977 года в СГПИ был открыт новый факультет — русского языка по работе с иностранными студентами. Он стал принимать студентов из старейших университетов Европы (Иенского, Берлинского, Галльского, Лейпцигского), а также других вузов ГДР (Грейфевальдского, Гюстровского, Дрезденского, Магдебургского, Потсдамского, Ростокского, Эрфуртского). Ежегодно на этом факультете в Смоленске проходило обучение 8 потоков по 100 человек. Только за 6 первых лет подготовку прошли почти 5 тысяч студентов. Кстати, первыми в Смоленск приехали учиться в 1977 году 100 студентов из Иенского университета. Факультет действовал до 1990 года.

Неслучайно ещё в 1978 году в связи с 60-летием СГПИ министр просвещения ГДР Маргот Хонеккер в своём приветствии выразила «особую благодарность профессорско-преподавательскому составу и руководству вуза за большую работу в деле подготовки будущих учителей русского языка, которая рассматривается как конкретный вклад в дело дальнейшего развития и укрепления дружеских отношений между нашими народами».

В 1983 году на торжествах, посвящённых 20-летию дружбы с Дрезденской высшей педагогической школой им. К. Ф. В. Вандера, СГПИ был награждён золотой медалью Теодора Нойбауэра и значком советско-германской дружбы. Медаль, посвящённая антифашисту Т. Нойбауэру, была учреждена как национальная награда ГДР 20 августа 1959 года и вручалась за выдающиеся заслуги в развитии социалистической системы образования ГДР.

Полученные вузом награды и сувениры из ГДР можно увидеть в музее истории вуза, который также хранит большое число фотографий, публикаций, связанных с нашей дружбой с иностранными вузами.

Добрая традиция сотрудничества с немецкими вузами продолжается и по сей день. Так, наш университет, один из немногих в России, является членом международного научно-образовательного Консорциума, организатором которого стал Институт интенсивного обучения иностранным языкам (г. Бохум, Германия). Благодаря этому сотрудничеству студенты филологического факультета получили возможность изучать иностранный язык через образовательную платформу, повышать свою языковую и интеркультурную компетенцию во время международных семинаров.

Необходимо отметить тесное сотрудничество кафедры с Германской службой академических обменов (ДААД). Преподаватели и студенты СмолГУ регулярно получают стипендии на проведение научных исследований, участие в образовательных проектах и др. На протяжении пяти лет в СмолГУ действует лекторат ДААД.

Как и прежде, в СмолГУ приезжают немецкие студенты для изучения русского языка и русской культуры. В рамках тематических летних и зимних школ студентов знакомят с современными тенденциями в развитии русского языка, инновативными стратегиями освоения русской языковой и культурной картин мира и др.

Сегодня мир переживает далеко не лучшие свои времена. Не всегда складываются отношения между отдельными государствами, народами, отдельными социальными группами. Политическая пропаганда со стороны некоторых западных стран не может идти на пользу расширению международных научных, образовательных, культурных контактов. Но здесь решающую роль играет та самая человеческая компетенция, о которой мы говорили в начале статьи. Сильные, разумные личности — вне политики, для них самое важное — МИР во всех его смысловых проявлениях. Это понимаем мы, это понимают наши зарубежные коллеги. Сотрудничество продолжается — на благо мира, новых идей, новых открытий, новых знаний.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА И НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

Восстание, вспыхнувшее в январе 1863 года в Царстве Польском и распространившееся затем на территории Северо-Западного и Юго-Западного края России, представляло собой серьёзную внутреннюю и внешнюю угрозу для безопасности Российского государства. Внутреннюю опасность для территориальной целостности империи представляли не столько немногочисленные вооружённые отряды мятежников, с которыми успешно боролась регулярная русская армия, сколько разветвлённая и сильная подпольная организация с центром в Варшаве, поддерживаемая и направляемая влиятельной польской эмиграцией в странах Западной Европы¹.

Если в восстании 1830–1831 годов после разрыва династической унии с императором Николаем I управление Царством Польским осуществляло национальное правительство и сейм, а основные боевые действия против русских войск вела регулярная польская армия, то в восстании 1863–1864 годов ситуация была принципиально иной. На этот раз речь шла не о войне между двумя государствами — Российской империей и Царством Польским, а о вооружённом мятеже подданных империи, который вспыхнул на её западных окраинах. В это время Царство Польское, входившее в состав империи, управлялось российской администрацией, а против регулярной русской армии велась организованная партизанская и подпольная война, поддерживаемая частью местного населения и польской ирредентой в Австрии и Пруссии.

¹ Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мировслав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIV. М., 2013. С. 36; Всеподданнейший отчёт графа М. Н. Муравьёва по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 490; Ананьев С. В. 150-летие начала польского восстания (историографический обзор) // Вестник СГТУ. 2013. № 3 (72). С. 193–197; Федосова Э. П. Граф М. Н. Муравьёв-Виленский (1796–1866). Жизнь на службе империи. М., 2015.

В этой связи представителями национального польского движения в Варшаве было создано подпольное «правительство» и сеть органов власти на местах (воеводства, поветы), организованы подпольная печать, полиция, суды, почта и казначейские учреждения, которые собирали средства на восстание. Были созданы также иррегулярные вооружённые отряды во главе с полевыми командирами¹.

Активную, мобилизующую роль в восстании играло римско-католическое духовенство, опиравшееся на сочувствие Папского престола. Политическая и религиозная мобилизация мятежников проходила под лозунгами патриотизма, защиты католической веры, агрессивной русофобии и подкупающих социальных обещаний. Подпольная пропаганда и религиозные проповеди ксендзов разжигали во всех слоях общества политическую и религиозную ненависть к «москалю» и «схизматику», под которыми понимались Россия, великороссы и Православие².

Польское восстание 1863 года проходило под знаменами национализма — светского и религиозного, который культивировал идеи реванша — политического, национального и религиозного. Вобрав в себя идеи национального освобождения, мессианства, романтизма и патриотического самопожертвования, польский национализм носил одновременно агрессивно русофобский характер. Насаждаемая идеями национализма «утробная» ненависть к «москалю» порождала у мятежников такую же «утробную» жестокость к своему русскому врагу и к населению, сохранявшему верность императору Александру II³.

Российская администрация оказалась не в состоянии воспрепятствовать распространению националистической пропаганды, мобилизации средств и ресурсов для подготовки и проведения восстания. В связи с этим организация и деятельность подпольного польского «правительства» и его вооружённых формирований привели к появлению «двоевластия». Реализация власти названного «правительства», чрезвычайные методы его управления местной «администрацией» и вооружёнными формированиями, применение тактики жестокого

¹ Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа. Х–XXI стст. Варшава, 2005. С. 146.

² Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. С. 196–205, 278–281, 268–296.

³ Примерами такой «утробной» жестокости служит террор жандармов-вешателей и казни пленных русских солдат и офицеров в Царстве Польском и Западном крае. ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 68. Л. 36; Виленский вестник. 1863. 24 сентября; «Готов собою жертвовать...» записки графа М. Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа 1863–1866. М., 2008. С. 390–391.

террора против законопослушного населения позволили придать восстанию организованный и массовый характер¹.

Возникшее в подполье мятежное «государство» стремилось вовлечь в вооружённую борьбу с «москалём» все сословия польского общества с целью придать восстанию в Царстве Польском общенациональное значение². Однако ни в Царстве Польском, ни в Западном крае России восстание так и не приобрело масштабный, общенациональный характер. Прежде всего потому, что на сторону мятежников не встало крестьянство, освобождённое от крепостной зависимости императором Александром II. В Западном крае России опорой восстания была немногочисленная польская ирредента, состоявшая из дворянства, шляхты, ксендзов и их католической крестьянской и мещанской паствы. Преодолеть узость сословно-клерикальной базы восстания предполагалось с помощью западно-русского крестьянского населения, абсолютное большинство которого составляли православные белорусы и малороссы.

Главной политической целью восстания было восстановление независимой Речи Посполитой в границах 1772 года³. По словам известного славяноведа А. Ф. Гильфердинга, «отвоевать Западную Русь — вот что составляло с самого начала главную, существенную задачу всего польского движения. Точка опоры была Варшава, но цель — Вильна и Киев»⁴. Следовательно, не только Царство Польское, но и российские территории Литвы, Белоруссии и части Малороссии должны были войти в состав второй Речи Посполитой. Подпольное польское «правительство» рассчитывало добиться своей цели путём насильственного разрушения Российского государства с помощью организации социального взрыва внутри страны и вторжения иностранных войск на её территорию. Для этого планировалось вовлечь в начавшийся вооружённый мятеж не только польское, белорусское, литовское и малороссийское крестьянство западных окраин, но и великорусское крестьянство центральной России⁵.

Вспыхнувшее польское восстание должно было спровоцировать общерусский крестьянский бунт, нацеленный на разрушение госу-

¹ Айрапетов О. Р. Указ соч. С. 71–73; 91–92.

² Брянецв П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 254.

³ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 23; Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864. М., 1965. С. 12, 32.

⁴ Гильфердинг А. Ф. В чём искать разрешение польскому вопросу / Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый. Сост. и изд. С. В. Шолкович. Вильна, 1885. С. 51.

⁵ Восстание в Литве и Белоруссии. С. 3–4, 12, 20, 32; «Готов собою жертвовать...». Записки графа М. Н. Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа 1863–1866 годов. М., 2008. С. 397.

дарственных институтов власти и управления и уничтожение общественного порядка. Наложение одного на другой национального и социального взрывов на западных окраинах и в центре позволило бы вызвать социальный хаос, массовую кровавую резню и погромы, чтобы затем в Россию, охваченную насилием и анархией, вторглись иностранные войска.

Следовательно, воссоздание Польского государства должно было осуществиться за счёт политической гибели и распада Российского государства. Польскую свободу предстояло оплатить ценой многочисленных русских жертв иностранной интервенции и взаимного истребления дворян и крестьян, отторжения российских территорий и разделения большого русского народа, состоящего из белорусов, малороссов и великороссов.

Для православного населения Западного края России победа польского восстания означала превращение региона из внутрироссийской дворянской колонии в «домашнюю» колонию восстановленного Польского государства¹. В свою очередь, победа восстания становилась поражением Русской православной церкви, так как одним из лозунгов мятежников было восстановление унии, упразднённой в России решениями Полоцкого собора 1839 года. Таким образом, против Российского государства восстал внутренний политический враг, поддерживаемый извне, вооружённый, идейно и религиозно мотивированный, жестокий, целеустремлённый и организованный².

В восстании 1863 года цели и интересы внешних и внутренних политических врагов Российского государства временно совпали, что и привело к объединению их усилий. Как уже отмечалось выше, союзниками польских сепаратистов в деле уничтожения самодержавного Российского государства стали русские революционеры из подпольных организаций «Земля и воля», «Комитет русских офицеров в Поль-

¹ Бендин А. Ю. Указ. соч. С. 399–404.

² «Ему недостаточно простой независимости, — писал М. Н. Катков о требованиях польских мятежников, — он хочет преобладания; ему недостаточно освободиться от чужого господства, он хочет уничтожения своего восторжествовавшего противника. Ему недостаточно быть поляком; он хочет, чтоб и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет. Он отрекается от соплеменности с нами, превращает в призрак историю и на месте нынешней России не хочет видеть никого, кроме поляков и вырождков чуди или татар. Что не Польша, то татарство, то должно быть сослано в Сибирь, и на месте нынешней могущественной России должна стать могущественная Польша по Киев, по Смоленск, от Балтийского до Черного моря». См: Катков. М. Н. Польский вопрос // 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Вып. первый. М., 1887. С. 24.

ше», М. А. Бакунин, а также А. И. Герцен и Н. П. Огарёв, издававшие газету «Колокол» в Лондоне¹.

Политический сценарий русских революционеров предусматривал использование социальных ожиданий крестьянства, вызванных освободительной реформой 1861 года, для организации антигосударственного мятежа с целью реализации идей утопического социализма, социального равенства и федерализма. С такой же жестокостью, как и их польские соратники, предполагали действовать и русские революционные экстремисты из организации «Земля и воля». Они ставили своей целью натравить низшие сословия на высшие и тем самым спровоцировать русское крестьянство на массовое насилие в отношении русского дворянства — помещиков и чиновников, то есть развязать самоубийственную гражданскую войну².

В свою очередь, задачей А. И. Герцена и его единомышленников являлась идейная поддержка революционного экстремизма, направленного на разрушение государственного и общественного порядка, а также дискредитация, деморализация и разложение русской армии, боровшейся с восстанием, превращение её из защитника независимости и территориальной целостности страны в инструмент разрушения Российского государства³.

Подняв первыми знамя вооружённого мятежа, польские сепаратисты действовали прагматично, расчётливо и беспощадно. Они стремились использовать русских революционеров и русское крестьянство в качестве объектов манипулирования, рассматривая их как средства

¹ Вестник Западной России. 1866. № 10. С. 42–51; Вестник Западной России. 1866. № 11. С. 110–127.

² В своей прокламации «Свобода» экстремисты из организации «Земля и воля» призывали к «неуклонной борьбе с врагом русского народа — императорским правительством». Колокол. 1863 г. 1 июня; в прокламации «Молодая Россия», составленной П. Г. Заичневским, утверждалось: «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально всё, — всё без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. ... мы издадим один крик: «в топоры», и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам! Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами». См.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997. С. 143–144, 149.

³ Колокол. 1863 г. 15 января; Колокол. 1863 г. 1 февраля; Колокол. 1863 г. 15 февраля; Колокол. 1863 г. 1 апреля; Колокол. 1863 г. 15 апреля; Колокол. 1863 г. 1 мая.

достижения своей главной политической цели — восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 года.

Для того чтобы реализовать замысел подпольного «правительства», польская пропаганда, обращённая к белорусским, малороссийским и великорусским крестьянам, обещала им отмену всех повинностей и бесплатную землю за счёт государственных и помещичьих земель. Например, в Северо-Западном крае России манифесты подпольного «правительства» обещали белорусским и литовским крестьянам бесплатные земельные наделы, которыми они пользовались, а безземельным крестьянам, «которые пойдут против москалей» по пять моргов казённой земли, требуя взамен «защищать польский край, гражданами которого они с сего дня являются»¹.

В Юго-Западном крае мятежники объявляли малороссийским крестьянам «Золотую грамоту», содержащую обещания воли, свободы, равенства и бесплатных земельных наделов от польского «правительства»².

В Поволжье польские сепаратисты и российские революционеры пытались спровоцировать великорусский крестьянский бунт с помощью фальшивого «Царского манифеста», в котором объявлялось о бесплатной раздаче земель, об уничтожении всех податей, об упразднении всей армии и об отмене всех существующих гражданских властей³.

Таким образом, щедро раздаваемые провокационные и соблазнительные социальные обещания должны были вовлечь крестьянство России в самоубийственную ловушку польского мятежа и общерусского бунта с целью насильственного уничтожения главного врага сепаратистов и революционеров — монархического Российского государства⁴.

Следует отметить также и внешнеполитический аспект противостояния Российского государства с польскими сепаратистами и рус-

¹ Восстание в Литве и Белоруссии. С. 3–4, 20; ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 67. Л. 44.

² Восстание поляков в Юго-Западной России в 1863 г. Киев, 1863. С. 10–61.

³ Колокол. 1863 г. 20 июня.

⁴ Для понимания идейных причин сложившегося союза польских сепаратистов и русских революционеров следует привести слова А. И. Герцена, характеризующие его отношение к Русскому государству, которое исторически являлось главной несущей опорой русской цивилизации. Свой весьма специфический русский патриотизм Герцен объяснял следующим образом: «Мы с Польшей потому, что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих. Мы с ними, потому что твёрдо убеждены, что нелепость империи, идущей от Швеции до Тихого океана, от Белого моря до Китая — не может принести блага народам, которых ведёт на смычке Петербург. ... Да, мы против империи, потому что мы за народ!». См.: Колокол. 1863 г. 1 апреля.

скими революционными экстремистами. Сепаратистское восстание против самодержавной России получило широкую политическую и общественную поддержку в странах Западной и Центральной Европы¹. А. Н. Мосолов, один из сотрудников виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, так вспоминал об этих событиях: «Все иностранные газеты были наполнены возгласами и сожалениями о поляках, мужественно гибнущих за отечество; нас называли варварами и монголами и предлагали нам убраться подальше на Восток, где наше истинное призвание, и уступить место польской цивилизации»².

Многочисленная польская эмиграция при поддержке правительств и либеральных изданий развернула в западной прессе активную пропагандистскую кампанию в защиту «героических поляков», восставших против «азиатской и деспотической России»³. В развернувшейся информационной войне польские националисты демонстрировали своё «европейское» культурное превосходство перед отсталыми русскими варварами, которых они уничижительно именовали «москалями», «монголами» и «татарами».

Идейным стержнем начавшейся информационной войны являлась агрессивная русофобия — демонизация России и русских, которых представляли в качестве варварской, азиатской угрозы для самого существования высшей европейской цивилизации. Сами же польские пропагандисты горделиво величали себя спасителями цивилизованной Европы от нового татарского нашествия с Востока. Польские эмигранты уверяли своих западных союзников, что возрождённая Польша станет «играть роль стража Европы от нашествия *москвитян*, которое день ото дня становится очевиднее».

Пугая европейцев «московским вторжением в Европу», эмигранты убеждали их, что «национальную и географическую границу со стороны России составляют Днепр и Двина; что тут кончается европейский мир и начинается азиатский, монгольский; что между этими мирами нет никакого возможного союза, никаких отношений, никакой политики, никакого сближения, ни в нравах, ни в семейных связях, как между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (как теперь стараются называть русских) должны во что бы то ни стало быть от-

¹ Аксаков И. С. Польский вопрос и западнорусское дело. / Соч. Т. 3. Изд. 2-е. СПб., 1900. С. 33–35.

² Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг. (Муравьёвское время). СПб., 1898. С. 8.

³ Польский Центральный комитет в «Манифесте 22 января 1863 года» демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии». См.: ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

брошены в свои степи; что под этим только условием Европа будет спокойна от нашествия татарского варварства»¹.

Россия, ослабленная, униженная, потерпевшая поражение в Восточной войне 1853–1856 годов, переживающая к тому же сложную крестьянскую реформу 1861 года, представлялась польским националистам удобным объектом для очередной военной интервенции Великобритании и Франции, предпринимаемой на этот раз ради освобождения Польши. Действительно, правительства этих стран начали оказывать жёсткое дипломатическое давление на императора Александра II, требуя официально признать мятежников воюющей стороной, правомочным субъектом переговорного процесса, то есть домогаясь принципиальных политических уступок, которые означали бы на деле повторную капитуляцию России перед коалицией западноевропейских государств. По словам Ю. Ф. Самарина, «в отплату за расчленение Польши Европа призывается теперь к расчленению России»².

Восстание, не имевшее шансов на военный успех, тем не менее, продолжалось, так как, по словам вице-канцлера А. М. Горчакова, «в политическом отношении зрелище это рассчитано на то, чтобы произвести впечатление на Европу. Заграничные распорядительные комитеты приказывают поддерживать во что бы то ни стало брожение с целью давать пищу разглагольствованию печати, приводить в заблуждение общественное мнение и тяготеть над правительствами, подавая предлог и повод для дипломатического вмешательства, за которым последовало бы вмешательство вооружённое. В этом лежат все надежды восстания; в этом заключается цель, к которой стремится оно с самого начала»³.

Таким образом, с началом польского восстания сформировались основные источники угроз государственной и общественной безопасности Российской империи. С этого времени на обширной территории страны и за рубежом сложился и начал действовать союз политических врагов Российского государства, объединённых разными, но временно совпадавшими целями и интересами. На международной арене союзниками польских сепаратистов и российских революционных экстремистов выступили Великобритания, Франция и Австрия, заинтересованные в капитуляции императора Александра II перед польскими мятежниками⁴. Началось противостояние военное, политическое, идейное и дипломатическое.

¹ Прудон П. О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 85.

² Самарин Ю. Ф. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. Том первый. М., 1877. С. 332.

³ Виленский вестник. 1863 г. 13 июля.

⁴ Черевык К. А. Вмешательство великих держав в польское восстание 1863 года и позиция России // Манускрипт. 2019. Т. 12. Выпуск 6. С. 84–89.

Напряжённая политическая ситуация 1863 года порождала в формируемом русском обществе чувство опасности, тревоги и обеспокоенности за судьбу России. Эти настроения, ставшие всеобщими и массовыми, довольно быстро начали трансформироваться в психологическую готовность к вооружённой борьбе и самопожертвованию во имя защиты «царя-Освободителя» и русского Отечества¹.

Патриотические настроения, возникшие в ответ на вызов внутренних и внешних врагов России, стали катализатором общественной активности, принявшей форму монархических манифестаций, демонстрировавших политическое единство сословий и единение общества с «царём-Освободителем». Началось всеобщее общественное движение «за целостность и неприкосновенность земли русской», которое выросло стихийно, из практики подачи «всеподданнейших адресов и писем» на имя императора Александра II.

Начавшееся в конце 1862 – начале 1863 года в Западном крае России в православной крестьянской и мещанской среде, это спонтанное движение было подхвачено дворянством центральных губерний². Так, в марте 1863 года к императору обратились дворяне Санкт-Петербургской губернии, которые заявили в своём адресе: «Вызванные польскими смутами притязания на достояние России возбуждают в нас скорбь и негодование. Завистники наши мнят, что время преобразований, предпринятых Вами для пользы и преуспевания государства, благоприятствует их замыслам на всецелость Русской державы. Но тщетны были бы их покушения! Испытанное в преданности и самоотвержении дворянство, не щадя сил и жертв, в тесном союзе со всеми сословиями станет на защиту пределов империи»³.

В 1863 году сотни таких писем от представителей всех сословий России публиковали газеты «Северная почта», «Русский инвалид», «День», «Московские ведомости», «Виленский вестник» и др. «Всеподданнейшие адреса и письма» стали стихийным проявлением политического доверия и преданности русского общества императору Александру II как верховному защитнику Русской земли и Православной веры. Вместе с тем названные «адреса и письма» стали проявлением

¹ Следует отметить, что русское патриотическое движение, начавшееся «снизу», происходило также и в традиционных формах церковного богослужения. С началом мятежа в Царстве Польском тысячи фабричных рабочих Москвы заказывали в церквях панихиды по убиенным русским воинам и молебны о победе русского оружия. См.: Московские ведомости. 1863 г. 28 марта.

² Бендин А. Ю. Указ. соч. С. 268–283.

³ Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Вып. первый. М., 1887. С. 93.

неотрефлексируемой экзистенциальной защиты реформируемого русского общества, которое не могло смириться с новым поражением Российского государства¹.

Решимость встать на защиту Отечества, заявленная в обращениях к монарху, свидетельствовала о том, что патриотическое общественное мнение воспринимало борьбу с польским мятежом не только как вопрос государственный. Претензии польских сепаратистов на Западный край России придали правительственной борьбе поддержку всех сословий русского общества, следовательно, подавление мятежа и отражение угрозы интервенции стран Запада впервые становилось делом общенациональным. «В русском обществе пробудился патриотический дух, — писал М. Н. Катков, — возникло сознание государственного единства и государственных интересов, — сознание, без которого никакое общество не может считаться цивилизованным и зрелым»².

Начавшаяся в это же время теоретико-публицистическая деятельность представителей славянофильской и консервативной элиты стала своеобразной интеллектуальной рефлексией, идейно-теоретическим выражением защитной реакции русского общества на угрозу разрушения Российского государства и разделения большого русского народа. В это время консервативно-патриотическая мысль российского общества была представлена известными именами М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, М. О. Кояловича, А. Ф. Гильфердинга, Н. Н. Стрехова, Кс. А. Говорского, которые публиковали свои статьи в газетах «Московские ведомости», «День», «Северная почта», «Рус-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 1376. ч. 1-8; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 559. Л. 46, 51-52, 160-162, 202; НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31298. Л. 16, 28, 56, 146, 157; НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 34. Д. 344. Л. 18, 58, 61. Всесословное массовое движение в форме «всеподданнейших писем и адресов» вызвало гневную реакцию со стороны А. И. Герцена. В своей ненависти к мощно вспыхнувшему патриотическому общественному движению Герцен не скупился на язвительные и уничижительные определения и характеристики. Сама мысль о том, что публично заявляющий о себе русский общественный патриотизм есть явление естественное, органическое, национальное, была для Герцена невыносима. Для него национальная и моральная правота польских мятежников была абсолютной и неоспоримой. Поэтому он настойчиво уверял читателей «Колокола», что «адреса», идущие от всех сословий к императору, написаны по образцам, составленным в МВД. Политическое негодование Герцена проявилось во множестве злобных и желчных эпитетов, которыми он щедро награждал патриотическое движение русского общества: «Адресоложество», «Патриотический бред по образцам», «Правительственная фабрикация адресов», «Фабрики адресов» и пр. В унисон Герцену вторили западноевропейские либералы, которые внушали своим читателям, что всеподданнейшие адреса пишутся «по приказанию полиции». См.: Северная почта. 1863. 28 мая.

² Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. С. 37-38.

ский инвалид», в журналах «Русский вестник», «Вестник Юго-Западной и Западной России» и др. Названные издания стали притягательным идейным центром, вокруг которого происходила консолидация патриотически настроенного русского общества и к голосу которого прислушивалась правящая политическая элита.

Решительные действия правительства по подавлению вооружённого мятежа и твёрдое противодействие дипломатическому шантажу Великобритании, Франции и Австрии свидетельствовали о начавшемся повороте во внутренней и внешней политике России. Отныне политика правительства становилась, по словам Ю. Ф. Самарина, не «мнимо консервативной», проводимой во имя отвлечённых идейных принципов и интересов иностранных государства, а приобретала черты русской, национальной политики, основанной на национальных интересах Русского государства и русского народа¹.

Военно-политическая защита национальных интересов России вызвала, в свою очередь, появление массового патриотического движения, принявшего всесословный национальный характер. Под воздействием внутренней и внешней угрозы безопасности России произошло ситуативное совпадение интересов русского сословного общества и самодержавной власти, основанное на общей ответственности и общем понимании необходимости защиты государства.

В ситуации углублявшегося противостояния независимые от правительства представители славянофильской и консервативной элиты начали идейно осмысленную экзистенциальную защиту монархических, патриотических и религиозно-нравственных оснований русского общества и государства. Раскрывались не только идейно-нравственные смыслы происходившей борьбы за Россию и против России, осмысливались и определялись также её национальные интересы в области внешней и внутренней политики, происходило теоретическое согласование интересов Российского государства и русского народа. Усилиями славянофилов и консерваторов начался процесс конструирования общерусского этнического самосознания и формирования идей русского национализма.

Общерусское самосознание и русский национализм 1863 года имели своим источником не только реальную опасность, которая угрожала государству как главному условию существования большого русского народа. В качестве источника этих явлений следует назвать спонтанное народное сочувствие великороссов, проявленное к своим западным русским братьям, православным белорусам и малороссам, которые оказались под гнётом польского дворянско-шляхетского

¹ Самарин Ю. Православие и народность. М., 2008. С. 295.

меньшинства, поднявшего вооружённый мятеж для восстановления своего политического господства над Западной Русью.

В этой связи подавление мятежа рассматривалось патриотическим русским обществом не только как необходимая тройная задача — военная, административная и политическая. Нравственная правота и справедливость принимаемых мер усматривались, в первую очередь, в том, что правительство решало одновременно и задачу *национальную*, так как речь шла о защите западных русских, которым грозила опасность очередного польского порабощения.

Русский национализм 1863 года создавался ситуативно и носил неагрессивный и защитный характер. Этому типу национализма не был присущ групповой эгоизм, предусматривающий превосходство русских над другими, или неуважение к культурным и религиозным традициям иных народов, в частности польского, литовского и др. Русский национализм не формулировал свои принципы и основания путём создания образов внутреннего и внешнего врага, не пропагандировал ненависть к польскому народу, к Западу, к русским политическим экстремистам.

Для защитного русского национализма были характерны, прежде всего, патриотическая идея жертвенности во имя защиты Отечества, опора на идеи самодержавной монархии, православную веру, русскую историю, этническое единство и солидарность трёх ветвей большого русского народа — белорусов, малороссов и великороссов. Русский национализм славянофилов и консерваторов основывался на идее взаимной ответственности: свободный от крепостного права русский народ несёт ответственность за судьбы освободившего его государства, а государство, в свою очередь, защищает общенациональные интересы, которые включают в себя интересы русского народа и Русской православной церкви.

Поэтому в идейно-ценностных основаниях национализма 1863 года содержался принцип религиозно-этнической солидарности великороссов с западными русскими, которые стали жертвой инационального угнетения. Тем самым утверждалась идея ответственности Российского государства, Русской православной церкви и русского общества перед белорусами и малороссами за сохранение их русской идентичности, обеспечение сословных прав и свобод, развитие церковной, социально-экономической и этнокультурной жизни¹.

¹ Аксаков И. С. Польский вопрос и западнорусское дело. С. 91-92; Гильфердинг А. Ф. Польский вопрос. Часть II. Статьи по современным вопросам славянским / Собр. Соч. Т. 2. СПб., 1868. С. 328–329; Самарин Ю. Ф. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. С. 293–350; Коялович. Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 558–583.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В США В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО БЛОКОВ

Нынешняя конференция посвящена памяти Татьяны Николаевны Щипковой. Она преподавала в стенах этого университета в середине XX века. Сегодня мы уже слышали подробный рассказ об этом времени и этой эпохе. Однако, как известно, ни один научный анализ нельзя считать объективным, если он выполнен в рамках только одной системы данных. Практически любое утверждение в исторической науке существует не само по себе, а в рамках более широкого, мирового исторического контекста.

В этом смысле нам представилось важным взглянуть на события середины века снаружи советской системы. Отсюда название нашего доклада. Вопрос: была ли уникальна сложившаяся в СССР система политических репрессий и идеологических гонений?

Для ответа на этот вопрос для начала надо сделать несколько оговорок. Мы исключаем из спектра рассматриваемых стран прямые диктаторские режимы: Китай времён Мао, Камбоджу времён Пол Пота, империалистическую Японию, Италию Муссолини и т. д. Нам также малоинтересны развивающиеся страны третьего мира (например, «банановые республики»), имевшие мало политического и идеологического влияния в мировой политике того времени. В данном случае наиболее продуктивным нам представляется сделать объектом нашего анализа США времён трёх президентов — демократов Рузвельта и Трумэна и республиканца Эйзенхауэра.

На протяжении XX столетия США не раз становились местом политического прибежища для эмигрантов и беженцев из СССР. Этот факт часто использовался в информационном противостоянии двух стран во время холодной войны. Картинка Америки в XX веке — страна свободы, в которой привечаются люди всех рас, культур и вероисповеданий.

На деле это утверждение не всегда было верным в первой половине столетия. Имя республиканского сенатора Джозефа Маккарти стало

нарицательным для обозначения политической нетерпимости и «охоты на ведьм». В середине 1950-х годов Маккарти возглавлял «Постоянный подкомитет по расследованиям» в сенате. Юрист по образованию, Маккарти быстро делал карьеру в судебной системе, пошёл добровольцем на фронт Второй мировой, а в 1946 году был избран в Сенат от штата Висконсин. 1946 год — разгар Корейской войны и начало холодной. В этот период мирового напряжения было достаточно легко разогреть волну антикоммунистической истерии. Риторика маккартизма — это риторика крайней ненависти и нетерпимости, которая при ближайшем рассмотрении порой поразительно напоминает риторику против «врагов народа» времён сталинских репрессий.

Однако сегодня мы бы хотели остановиться на менее известном событии, которое также явно противоречило провозглашаемым американским ценностям. Сенатский комитет, который возглавлял Маккарти, был не единственным подобным органом «идеологической чистоты» в истории Соединённых Штатов. В 1918–1919 годах работала комиссия Овермана, занимавшаяся расследованием коммунистической идеологии на фоне революционных событий в Российской империи. Среди выводов комиссии были предложения депортировать радикально настроенных иммигрантов и ужесточить контроль над публикациями на иностранных языках.

Похожие предложения озвучивал комитет под руководством конгрессмена Гамильтона Фиша, созданный в 1930 году. Его идейным преемником стал комитет, созданный в 1934 году в палате представителей под названием «Комитет по расследованию антиамериканской деятельности» (House Un-American Activities Committee). Его первый вариант возглавляли конгрессмены Маккормак и Дикштейн, а в 1938 году их место занял Мартин Диез. Для краткости в дальнейшем мы будем называть его «комитет Диеза». Он существовал и продолжал работать вплоть до 1975 года.

Чтобы отчётливо представить себе информационную и идеологическую картину 1930-х годов, необходимо иметь в виду несколько вещей. Во-первых, интеллектуальное пространство западного мира после Первой мировой и революций, которые за ней последовали, вдруг стало крайне идеологизированным. Мир стал ареной борьбы модернистских утопических проектов: американская мечта боролась с мечтой анархической, которая, в свою очередь, совершенно не переносила мечту коммунистическую и т. д. Всё это наложилось на факт резкого развития информационных технологий — радио, кино, чуть позднее — телевидения. Влияние СМИ и кино на публичную политику и формирование общественного мнения резко возросло, однако ни-

кто ещё не умел оказывать влияние на сами СМИ. Эти комиссии — слабые попытки оказывать на систему формирования общественного мнения прямое давление и осуществлять через них государственный контроль. Именно поэтому среди их целей в первую очередь оказывались деятели искусства, журналисты и политики — «лидеры мнений» (которые зачастую должны были явиться в подобную комиссию и доказывать свою невиновность или лояльность).

Задолго до появления маккартизма деятельность комитета Диеза оказалась очень выгодной как левому, так и правому спектру американской политики (в отличие от более позднего комитета Маккарти, который в основном поддерживался правыми политиками и который в итоге публично уничтожили левые). Левые боролись с нацистами, а правые — с коммунистами.

Однако, пожалуй, наиболее значительным решением комитета Диеза стало решение, принятое им в начале Второй мировой войны.

Перед вами так называемый Постонский релокационный центр, который существовал с 1942 по 1945 год. Он располагался на границе Аризоны и Калифорнии, в трёх милях от реки Колорадо, в пустыне Сонора. Летом средняя температура воздуха составляет около 40 гра-

дусов по Цельсию при очень высокой влажности из-за близости реки. Зимой температура опускается ниже 0, а пустыня часто порождает ветряные штормы, что делает этот участок земли практически непригодным для земледелия. Именно в этом месте в XIX веке находились резервации для индейцев, а сам центр был назван в честь Чарльза Д. Поста, первого суперинтенданта по делам индейцев в Аризоне.

Постон — один из дюжины концентрационных лагерей, куда после нападения Японии на Перл-Харбор были насильственно согнаны около 120 тысяч японцев, проживавших на территории США в тот момент, около 80 тысяч из которых были гражданами США. Идеологическое обеспечение этого процесса выполнял как раз комитет Диеза (им был подготовлен документ, известный как «Желтый доклад»), а организационное — Военное управление по вопросам переселения (War relocation authority — WRA). Официальной причиной было объявлено «недоверие к японцам», которые нуждались в перевоспитании и доказательстве своей лояльности государственному режиму и американским ценностям. Примечательно, что именно в стране, объявившей своим основным принципом в этнической политике «плавильный котел» рас и культур, поводом к заключению в концентрационный лагерь стала этническая, культурная и религиозная принадлежность целой группы населения.

«Мы верим в то, что лояльность растёт, только когда ей дают шанс на рост, и что она не может расцветать в атмосфере подозрения, дискриминации и лишения возможности её практиковать», — говорил один из руководителей другого лагеря под названием Манзар. Публично декларировалось, что для японцев выстроены целые города с инфраструктурой — школами, больницами и т. д., в которых они могут практиковать и реализовывать демократические принципы самоуправления. На деле все японцы делились на три группы — Нисеев (рождённые и учившиеся в США), Исеев (не рождённые и не учившиеся в США) и Кибеев (рождённых в США, но учившихся в Японии). К выборным должностям допускались только избранные руководством лагеря из числа Нисеев (которых остальные японцы называли «ину», т. е. «собаки»), а само WRA имело право вето на любое решение этих выборных советов.

Целью этих лагерей было отсеивание «лояльных» от «нелояльных», при соблюдении, впрочем, демократического политеса, что часто заканчивалось, наоборот, лицемерием. Так, например, дети, учившиеся в школах таких лагерей, должны были каждое утро клясться в верности американскому флагу и демократическим идеалам американской нации. Некоторых японцев, если им удавалось доказать свою «лояль-

ность» (часто посредством стукачества на «неблагонадежных»), отпускали. Однако для этого им нужно было заполнить специальный «опросник лояльности». Опросник определял «степень лояльности», в том числе вопросами культурного и религиозного содержания. «Американизированный» японец для своей «реинтеграции в общество» должен был отказаться от дзюдо в пользу бейсбола, изучения японского в пользу бойскаутов, буддизма в пользу протестантизма.

Конечно, прямое сравнение, скажем, системы ГУЛАГа и подобных концентрационных лагерей не всегда корректно. Однако нам всё-таки представляется возможным провести некоторые параллели между способами удержать единство идеологического дискурса в разных странах и разных режимах середины XX века. Очевидно, что в каждую эпоху существуют свои общепринятые (часто негласно) способы политического, идеологического, культурного и религиозного репрессирования. Часто настоящее различие заключается лишь в силе и размахе подобного давления. На смену концентрационным лагерям 1930-х и 1940-х годов во второй половине XX века пришла система государственного запугивания, лишения работы и статуса, публичного ostracизма, пионером которой стал сенатор Маккарти.

Жертвой именно такого непрямого типа репрессирования стала Татьяна Николаевна, которую мы сегодня вспоминаем. Мы говорим не только о тюремном сроке, но и о публичном шельмовании в СМИ, лишении степени кандидата наук и должности преподавателя, запрете жить в Москве или Ленинграде. Всё это было направлено на то, чтобы она в конечном счёте лишилась возможности делиться со своими студентами христианским мировоззрением — не потому, что она была недостаточной патриоткой СССР, а потому, что христианство не вписывалось в секулярную модернистскую утопию, идея которой лежала в основе советского государства.

Не вписывались в утопию американской мечты и японцы, отказывавшиеся насильно становиться бойскаутами или игроками в бейсбол, и в этом смысле противостояние двух идеологических систем XX века открывается с новых сторон.

Нам представляется практически полезным и актуальным более пристальное изучение англоязычной историографии по этой теме, ввод в отечественный научный оборот новых источников. Возвращаясь к началу нашего выступления, подчеркнём, что только соотнесение событий отечественной истории XX века с общемировым контекстом поможет глубже понять причины и следствия событий прошедшего столетия, в тени которых мы продолжаем жить.

Д. В. Матвеенков

*кандидат филологических наук,
проректор по внеучебной и социальной работе СмолГУ*

ТЫ — НАША ГОРДОСТЬ! ИНЯЗ СГПИ, 1970–1990-Е

Факультет иностранных языков вырос из отделения иностранных языков, существовавшего когда-то при историко-филологическом факультете Смоленского государственного педагогического института. Основан он был в 1952 году, и тогда на нём работала всего одна объединённая кафедра английского, немецкого и французского языков. Заведовала ею Елена Полиектовна Сакович, выпускница Петроградского Елизаветинского института, один из старейших преподавателей Смоленского пединститута, работавшая в нём с 1937 года. Молодой факультет занимал тогда несколько аудиторий в левом крыле четвёртого этажа учебного корпуса № 1, который часто называют «старым».

Приход на факультет преподавателей, имевших учёные степени, позволил уже в 1954 году разделить объединённую кафедру на две: кафедру немецкого языка, заведовать которой стала В. Ю. Цареградская, и кафедру английского и французского языков во главе с В. В. Ившиным. Через год в связи с отъездом В. В. Ившина заведование кафедрой приняла на себя З. Д. Агеева, проработавшая на ней 7 лет.

А в 1962 году появилась и отдельная кафедра французского языка, заведующим которой стал кандидат филологических наук Б. М. Масис. Именно в 1960-е годы на факультете (тогда самом молодом в вузе) сложилось уникальное сообщество преподавателей, среди которых были и люди, волею судеб попавшие в наш провинциальный вуз из-за границы: Г. Г. Сильницкий, Е. Ф. Воронов, Б. М. Масис, Н. Д. Трегубов, В. М. Трегубова, Г. А. Гальперин — все они владели соответствующими иностранными языками свободно. Это существенно повысило уровень преподавания иностранных языков на факультете и позволило внедрять новые методы: развитие разговорной речи, использование кинофильмов на иностранном языке в учебном процессе. В 1954 году был создан первый фонетический кабинет — предмет особой гордости студентов и преподавателей, кабинка из которого хранится сегодня в музее университета.

В 1970 году после сдачи в эксплуатацию учебного корпуса № 2 («нового») факультет иностранных языков переехал туда.

В 1990-е годы факультет иностранных языков насчитывал более 595 студентов очной формы обучения, которые получали высшее образование по специальности «Иностранный язык» на трёх отделениях: английском, немецком и французском. Изучались два иностранных языка по выбору (английский, немецкий, французский). В процессе подготовки специалистов участвовали четыре кафедры: кафедра английского языка (завкафедрой — доцент А. Г. Сильницкий), кафедра английского языка как второго иностранного языка и методики обучения английскому языку (завкафедрой — доцент О. Ю. Головинская), кафедра немецкого языка (завкафедрой — профессор Л. М. Ньюбина), кафедра французского языка (завкафедрой — доцент М. П. Тихонова). На факультете работали 45 преподавателей, из них 4 профессора и 30 доцентов.

Среди ведущих специалистов — вице-президент Смоленской ассоциации учёных, член совета Международной ассоциации квантитативной лингвистики, член Транснационального общества В. Соловьёва и Нью-Йоркской академии наук, доктор филологических наук, профессор Г. Г. Сильницкий, заслуженный работник высшей школы, кавалер французского ордена Академических пальм, доктор филологических наук, профессор Э. М. Береговская, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор Л. М. Ньюбина, доктор филологических наук, профессор Р. В. Гуревич. На факультете работали очная и заочная аспирантуры по специальностям «германские языки» и «романские языки». Они не только вносили большой вклад в педагогическую и научную работу, но и активно занимались подготовкой квалифицированных кадров для факультета. На факультете работали очная и заочная аспирантуры по двум специальностям (германские и романские языки).

Старейшая аспирантура на факультете по специальности «Германские языки» была открыта в 1971 году под руководством Г. Г. Сильницкого, основавшего школу квантитативной лингвистики, известную как в нашей стране, так и за рубежом. Грант РГНФ «Сопоставительное исследование корреляционных систем глагольных признаков в английском, французском, русском и немецком языках» был первым в институте.

Существовала своя научная школа и на кафедре французского языка. Аспирантура по специальности «Романские языки» под руководством профессора Э. М. Береговской была открыта в 1988 году. В её научной деятельности выделялись два ярких направления — арготология и экспрессивный синтаксис.

В конце 1990-х годов открылась аспирантура и на кафедре немецкого языка. Профессоры Л. М. Ньюбина и Р. В. Гуревич занимаются научными проблемами, связанными с дискурсом, немецкой и австрийской литературой.

На факультете проводились традиционные межвузовские научные конференции «Актуальные проблемы романистики и германистики», «Риторика в свете современной лингвистики», на материалах которых выпускались сборники научных статей, ежегодно публиковался сборник научных трудов преподавателей по методике преподавания иностранного языка «Проблемы современной лингводидактики».

Благодаря усилиям и инициативе профессора Э. М. Береговской с 1993 года начал выходить сборник научных работ студентов и аспирантов-филологов «Scripta manent», на страницах которого студенты факультета делают первые шаги в науке.

У руля факультета иностранных языков стояли многие уважаемые люди, внесшие весомый вклад в становление профессорско-преподавательского и студенческого коллектива факультета. Сначала это были выпускники вузов Москвы: В. Н. Ванеева, Г. Н. Краморенко, Л. В. Устименко — и Ленинграда: А. С. Зверева, Л. Н. Никольская, а затем и выпускники нашего вуза, в том числе факультета иностранных языков: Л. М. Ньюбина.

Факультет поддерживал тесные связи с учебными заведениями Германии и Франции. В 1967 году состоялся первый обмен студенческими делегациями между Смоленским пединститутом и Дрезденской высшей педагогической школой: 23 студента немецкого отделения получили великолепную возможность в течение месяца совершенствовать свои знания в стране изучаемого языка. Постоянно осуществлялись ежегодные учебные поездки студентов факультета (в первую очередь, немецкого отделения) в город-побратим Смоленска Хаген (Германия).

На факультете постоянно работали ассистенты из Франции. Преподаватели кафедры французского языка регулярно стажировались во франкоязычных странах по линии посольства Франции и французского культурного центра в Москве.

Результатом активной работы кафедры немецкого языка по интернациональным связям стала реализация двух международных проектов: создание в СГПИ центра заочного обучения Хагенского университета и научно-теоретическая и практическая переподготовка учителей немецкого языка школ Смоленска по материалам и в сотрудничестве с Гёте-Институтом (Германия).

Необходимо отметить активную работу общества городов-побратимов «Смоленск-Тюль», которое возглавляла Т. С. Пурвина. Члены клуба принимали делегации из города-побратима, ежегодно устраивали конкурсы и утренники для школьников, изучающих французский язык.

Студенты факультета не только учились, но и участвовали в разнообразных внеучебных мероприятиях. В 1960-х большой популярностью

стью на факультете пользовался студенческий театр эстрадных миниатюр (ТЭМ), видную роль в котором играли тогдашние студенты Римма Гуревич, Людмила Дунаева, Аркадий Болейко. Выступления ТЭМа собирали полный актовый зал, а некоторые реплики до сих пор цитируются ветеранами факультета.

В 1975 году был создан студенческий театр, просуществовавший 15 лет. Душой коллектива была преподаватель кафедры немецкого языка Е. Я. Москвина. Елизавета Яковлевна несколько лет играла в народном драматическом театре Смоленского областного дома работников просвещения и смогла увлечь студентов своим незаурядным творческим потенциалом и энергией.

Факультет жил своей насыщенной жизнью, и лучше всего о нём сказал Л. А. Кузьмин, замечательный преподаватель, член Союза писателей России, известный поэт:

*Вперед тебе шагать сквозь лета
И, обретая, вдохновлять всех нас.
Ты нам — разноязыкая планета,
Ты — наша гордость и любовь, иняз!*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**Словесно-исторические научные
чтения им. Т. Н. Щипковой**

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
ИСТОРИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ЦЕННОСТИ**

Сборник научных статей

Научный редактор

А. В. Щипков

Подготовка к печати

Д. О. Фотова

Корректор

А. А. Климова

Вёрстка

И. А. Плигин

Издатель

Русская экспертная школа

www.russian-expert.ru

mail@russian-expert.ru

Подписано в печать 14.10.2020. Формат 70х90/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Объем 10,53 усл. печ. л. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000».

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4

e-mail: probel-2000@mail.ru

Тел. (495) 287-06-19